

ОБЩЕСТВО · СРЕДА · РАЗВИТИЕ

Научно-теоретический журнал № 3(8) '08

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО

История и современность

Кузнецов В.Н.

Основные этапы и особенности капиталистической модернизации на Северо-Западе России (вторая половина XIX века)..... 3

Гожев К.М.

История и философия Великой кавказской войны: к вопросу о методологической концепции 20

Полынов М.Ф.

Холодная война как способ борьбы США против СССР 36

Феномены социального развития

Петров А.В.

Профсоюзы – институт гражданского общества 55

Егоров А.М.

Контрабандизм и борьба с ним на Северо-Западе России как атрибуты социальной реальности 20-х годов XX века 67

Заглубский С.А.

Молодежь: социальный слой и социальная проблема 74

Мир художественной культуры

Марченко М.А.

Игрушка в контексте художественных реформ начала XX века 85

Инновации в образовании

Мосолова Л.М.

Модернизация и инновации как концепты динамики культуры и ее образовательной сферы 94

Тхагапсоев Х.Г.

К философско-культурологическим измерениям гуманитарных технологий 104

Научный поиск

Антонович Е.Н.

Философия триединого синтеза как теория и методология познания процессов действительности 119

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Городская среда

Ярмоленко А.Д.

Бразилиа и Чандигарх: архитектурные портреты двух столиц (к 100-летию О. Нимейера и 120-летию со дня рождения Ле Корбюзье)..... 130

Природная среда

Украинцева В.В.

Метод реконструкции климатов прошлого и прогнозирования климата
в будущем на основании данных спорово-пыльцевого анализа 142

Кудерский Л.А.

Лимногенез в эпохи глобальных покровных оледенений 155

ЛЕКСИКОН

Исупов К.Г.

Космос русского самосознания

Комическое 167

Кукла 171

НОВОСТИ

Белобородова А.А.

Первая международная научно-практическая конференция

«Авторское книготворчество в мировой литературе:

комплексный подход», 19–21 марта 2008 г., Томск 175

Дробышева М.Н.

XVI Международный музыкальный фестиваль «Звезды белых ночей»,

10 мая – 27 июля 2008 г., Санкт-Петербург 179

Плебанек О.В.

Третья международная научная конференция «Советская культура:

проблемы теоретического осмысления»,

20 июня 2008 г., Санкт-Петербург 181

Толстов В.

Междисциплинарная конференция «Научная и культурная

мифология Тунгусского метеорита», 27–29 июня 2008 г., Красноярск 186

Ловелиус Н.В., Карбаинов Ю.М., Панкевич С.Э.

История разоренной полярной станции 188

Ловелиус Н.В., Карбаинов Ю.М., Панкевич С.Э.

Изучение самого северного в мире лесного массива 189

Бороноев А.О., Миронов Д.В.

«Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй

половине XX века»: презентация сборника 190

Исупов К.Г.

Наследие Св. Франциска в свете исторического дня.

Рецензия на книгу М.С. Самариной «Франциск Ассизский

и его наследие: от истоков к современности» 193

Summagу 198

Сведения об авторах 201

УДК 947
ББК 63.3(2)51

В.Н. Кузнецов

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Дана периодизация процесса модернизации Российской империи в XIX в. На примере Северо-Западного района России рассматриваются основные факторы, субъекты, особенности и противоречия модернизации в экономической и социокультурной сферах общественной жизни.

Ключевые слова:

историография, теория модернизации, промышленность, социально-экономическое развитие, национальная экономика, буржуазная реформа, промышленная революция, капиталистические отношения, земельная собственность

В последние полтора десятилетия российские исследователи для объяснения специфики отечественной истории нового и новейшего времени используют модернизационную теорию, разрабатываемую в западной историографии с 1950–1960-х гг.¹ Примечательно, что первыми начали ее освоение и применили для изучения проблем исторического развития нашей страны философы, политологи, экономисты и культурологи². С не-

которым запозданием, на рубеже XX–XXI веков, начали осваивать данную макротеорию историки. В настоящее время историография отечественной модернизации включает уже не только опубликованные ими отдельные статьи, сборники, но и фундаментальные монографии³, а также целый ряд диссертационных исследований, выполненных с применением модернизационного анализа. Правда, в качестве объекта исследований авторы диссертаций избрали либо отдельные, узкие направления модернизации (совершенствование материально-технической базы промышленности и железнодорожного транспорта, социальную модернизацию), либо государственную политику по модернизации российского общества, либо вызванные ею качественные изменения в жизнедеятельности и образе жизни крестьянства, дворянства и купечества⁴.

Думается, что столь трудное усвоение историками теории модернизации можно объяснить «методологическим индефферентизмом» (по выражению Н.А.Проскуряковой) и узкой специализацией большинства профессиональных историков⁵. В самом деле, в России большинство историков традиционно специализируется на исследовании отдельных отраслей исторической науки – экономической, политической, военной истории, истории культуры и т.д. А между тем для исследования такой сложной проблемы, как отечественная модернизация требуется комплексный, цивилизационно-формационный (модернизационный) подход. Кроме того, овладению исследовательскими приемами и методами, характерными для сторонников современных западных концепций, препятствовали (и препятствуют) известные особенности отечественной историографии, такие, как: приоритетное внимание ученых к исследованию социальных общностей (классов, сословий и т.д.), политических и социально-экономических процессов и явлений, «идеологизация и политизация исторической науки», негативизм по отношению к некоторым периодам отечественной истории и историческим персоналиям⁶. При таком подходе гуманитарные, социальные, психологические и интеллектуальные аспекты модернизации российского общества, образ жизни, особенности менталитета отдельных людей и социальных групп оказывались вне поля зрения ученых.

В первые постперестроечные годы вслед за философами и культурологами образовавшуюся теоретическую лауну принялись активно заполнять историки, исследуя вопросы истории повседневности, специфики менталитета городских слоев населения, крестьянства, купечества⁷. При этом, не обошлось без перекосов, фактического продолжения курса на узкую специализацию и преодоления «белых пятен». Разумеется, в этом нет ничего предосудительного. Разработка узких направлений модернизации и частных вопросов не только желательна, но и необходима. Однако вряд ли стоит фокусировать внимание только на социальных и социокультурных аспектах модернизации, упуская из поля зрения экономическую, социальную, политико-правовую сферы общественной жизни. Хорошо известно, что на современном этапе развития исторической науки фундаментальные теоретические обобщения и выводы рождаются при комплексном,

системном подходе к изучению исторического процесса и на стыках смежных гуманитарных дисциплин.

Сознавая сложность рассматриваемой проблемы и ограниченность объема публикации, мы не претендуем на полное исследование всех аспектов пореформенной модернизации Северо-Западного района. К тому же отдельные вопросы избранной темы раскрыты в работах автора, что облегчает нашу задачу⁸. Цель данной статьи состоит в том, чтобы дать периодизацию капиталистической модернизации, рассмотреть ее характерные особенности на примере Северо-Запада⁹ и сделать выводы, актуальные для современного этапа развития Российской Федерации.

Капиталистическая модернизация¹⁰, по нашему мнению, являлась естественным продолжением длительного, противоречивого модернизационного процесса, начатого реформами Петра I и продолженного его преемниками. Она включала следующие крупные периоды: предреформенный (протоиндустриальный) период (начало XIX в. – 1850-е гг.) – время создания предпосылок капиталистической модернизации. В этот период машинное производство получило относительно широкое распространение в текстильной и, отчасти, металлообрабатывающей промышленности. Под влиянием Петербурга в столичной губернии, особенно, в ее ближних уездах в этот период все больше распространялась оброчная форма эксплуатации крестьянства, но товарно-денежные, рыночные отношения еще не играли сколько-нибудь заметной роли. Социальная модернизация шла медленно и затронула в основном лишь верхи городского населения из числа дворянства, чиновничества и интеллигенции.

Для второго, пореформенного раннеиндустриального периода (1860-е гг. – начало XX в.) характерно широкое разветвление процесса модернизации в Петербурге, а вслед за ним и в других регионах Российской империи. При этом внутри данного периода выделяются два этапа. Первый этап (1861–середина 1880-х гг.) характеризовался относительно свободным развитием капитализма, расширением масштабов и углублением капиталистической модернизации. Вторым этапом (конец 80-х гг. – начало XX в.) отмечен усилением вмешательства государства в частнохозяйственную деятельность. Он характеризовался возникновением большой социальной дифференциации и острых противоречий между европеизированным меньшинством высших и части средних городских слоев, с одной стороны, и православно-русским, мещанским и крестьянским большинством населения Петербурга, с другой стороны. Закономерным следствием обострения этих противоречий и первой попыткой их разрешения явилась первая российская революция. После нее процесс капиталистической модернизации продолжался, но, в конечном счете, был прерван Октябрьской социалистической революцией.

В конце 1850-х годов Северо-Западный район, включавший Санкт-Петербургскую, Новгородскую и Псковскую губернии, занимал площадь более 178 тыс. кв. верст, на которой проживало 2 млн 590 тыс. жителей. Из них примерно 20% проживали в Санкт-Петербурге, 7% в других городах,

73% (1 млн 900 тыс. человек) жили в деревне и в основном занимались сельским хозяйством. Что касается Северо-Запада в целом, то его территория (с учетом 3 северо-западных и 3 северных губерний) занимала обширное пространство в 1390 тыс. кв. верст, население составляло 4 млн 65 тыс. чел. Из них в городах Северного района жило лишь 5% населения. Около 75% сельского населения проживали в южной и юго-западной части Европейского Севера, более благоприятной для экстенсивного сельского хозяйства. Значительная часть северян была занята рыбным, зверобойным, пушным, лесным и другими видами традиционных промыслов¹¹.

Особенности пореформенной модернизации на Северо-Западе были обусловлены рядом общих (политических, экономических, социальных и духовных) и специфических местных факторов. При этом динамика и темпы развития Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской губерний во многом зависели от таких специфических факторов: близость к столице с ее большим торгово-промышленным, культурным, научным потенциалом и «административным ресурсом», наличие удобных путей сообщения общегосударственного значения с развитой транспортной инфраструктурой.

Социально-экономическое развитие Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний также в значительной степени определяли местные условия: обширная равнинная территория, суровый климат, высокая лесистость, большое число озер и рек, текущих на север в сторону от центров страны. Многие российские исследователи считают, что в целом географические и природно-климатические условия Европейского Севера были недостаточно благоприятными для его развития. Такое мнение верно лишь отчасти. Влияние природно-климатических факторов на экономическое и социокультурное развитие отдельных территорий не следует преувеличивать. Следует иметь в виду, что недостатки природной среды в определенных условиях могут переходить в достоинства, и, наоборот, достоинства – в недостатки. Скажем, неблагоприятные для развития аграрного сектора Санкт-Петербургской губернии природно-климатические факторы в пореформенный период не оказывали большого влияния на развитие крестьянских и помещичьих хозяйств, так как у местного крестьянства всегда имелась возможность найти дополнительный заработок в динамично развивающемся Петербурге. Точно также значительная часть крестьянства Северо-Запада, не имея возможности прокормиться за счет скудных урожаев, еще в дореформенный период традиционно искала дополнительных заработков на стороне, в том числе в Петербурге.

После крестьянской реформы начала 60-х гг. XIX века этот процесс укоренился и распространился на новые территории. Столица подобно магниту стягивала крестьянство ближних и дальних губерний на промышленные предприятия, городское строительство, обслуживание городской инфраструктуры. О масштабах этого явления свидетельствуют следующие данные. В 1900 г. население Петербурга увеличилось до 1248 тыс. человек, в том числе на 69% за счет мигрантов и на 31% – за счет естественного прироста уроженцев города. Согласно данным переписи 1900г. 97% общего

числа мигрантов поселились в городе 30–40 и более лет назад, 11,5% – 2–3 года тому назад, 18,4% – 10–20 лет назад, 41,9% менее чем 10 лет назад и 15,9% приехали в Петербург в 1900 г.¹²

Говоря о влиянии местных природно-климатических факторов на социально-экономическое развитие региона, стоит отметить, что на Европейском Севере существовали свои особенности, оказывавшие влияние на образ жизни и черты характера местного населения. Как заметил по этому поводу один дореволюционный исследователь, на облик и поведение северян, наряду с суровыми природными условиями, «...оказали большое влияние пользование самоуправлением, почти полное отсутствие крепостного права, занятие морскими промыслами, торговые сношения с иностранцами, частое посещение северянами других стран и тесные связи с Петербургом...» Все это «произвело в здешнем народе необыкновенную для крестьянского сословия развитость, предприимчивость, отвагу»¹³.

Специфические факторы, связанные с географическим положением и природно-климатическими условиями Северо-Запада, разумеется, действовали и раньше. Однако в дореформенный период их влияние было менее заметным, поскольку, как было сказано, предпосылки капиталистической модернизации, прежде всего сложились в Петербурге и близлежащих уездах. В пореформенный период ситуация резко меняется в связи с существенным изменением экономической политики, обусловленным ею распространением рыночных отношений в городе и деревне и воздействием других факторов социально-экономического развития региона значительно ускорилось, утратив относительно плавный, предсказуемый характер. Не останавливаясь на характеристике общих, геополитических, и природно-климатических условий (факторов) Северо-Запада, которые достаточно подробно освещены в исторической литературе, в том числе и специальных работах автора¹⁴, ограничимся лишь их упоминанием и подробнее остановимся на менее известных специфических социальных и социокультурных факторах, оказавших существенное влияние на социально-экономическое развитие и общественные отношения в регионе.

Одним из главных факторов модернизации Северо-Западного района являлась, как было сказано, близость Санкт-Петербурга. Накануне реформ 60–70-х гг. XIX в. он занимал особое положение в Российской империи. Петербург был не только административным центром, ведущим внешне-торговым портом, крупнейшим торгово-промышленным городом страны, но и научной и культурной столицей европейского уровня, «культурным мостом» между передовой индустриально развитой частью Западной Европы и отсталой феодально-крепостнической и патриархальной Россией. Возвышению и развитию северной столицы во многом способствовало ее удобное расположение на стыке внутренних и внешних путей сообщения России, развитая транспортная инфраструктура, система рек и каналов, связывающих Петербург со многими внутренними губерниями Европейской России.

Второе обстоятельство, которое необходимо принимать во внимание для понимания феномена модернизаторской роли Петербурга, состоит в специфике формирования и социально-демографической структуры его населения. Из литературы известно, что изначально новая столица была основана Петром I как европейский город, открытый для торгового, научного и культурного общения с Западом. Поэтому в отличие от других городов России состав его населения всегда был многонациональным, включал значительную прослойку иностранцев, выходцев из ведущих стран Западной Европы. Кроме того, определенное модернизирующее влияние на исследуемые губернии некоторые соседние промышленно-развитые российские области, такие как: Великое княжество Финляндское, Прибалтийский район, включавший Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую губернии, а также Норвегия (для Мурмана). Следует также учитывать, что на территории столичной, Псковской, Архангельской, Олонецкой губерний постоянно проживали и занимались предпринимательской деятельностью иностранные подданные (англичане, бельгийцы, норвежцы и т.д.), а также финны, латыши, эстонцы и другие «инородцы» – подданные Российской империи, являвшиеся субъектами модернизации. Правда, степень модернизационного влияния на русское население названных иноплеменных субъектов модернизации, живших по соседству или внутри массы русского населения, не стоит переоценивать. Дело в том, что в тот период они и сами находились еще на относительно невысоком уровне хозяйственно-экономического развития по сравнению с жителями Петербурга и подстоличных уездов, не говоря уже о населении ведущих западноевропейских стран. В данном случае речь может идти скорее не о прямом, а косвенном влиянии названных народов на хозяйственную практику коренного русского населения, выразившемся в ускоренном втягивании его в товарно-рыночные отношения после крестьянской реформы 1861 года.

Что касается немцев, англичан, французов и других носителей передовых европейских методов хозяйствования, то они уже в дореформенный период составляли значительную прослойку в Петербурге и оказывали значительное влияние на различные стороны общественной жизни, хозяйственной практики, культурно-бытовые условия его населения. Правда, удельный вес иностранцев не оставался неизменным, увеличиваясь или сокращаясь в разное время в зависимости от государственной политики и других факторов. Если в конце XVIII века из 220 тыс. постоянных жителей иностранные подданные составляли 25 тыс. человек (т.е. около 11%), то в начале пореформенного периода их удельный вес в составе городского населения составлял 17%. К 1869 г. удельный вес иностранцев сократился до 15%. Тем не менее, их абсолютное число составляло внушительную цифру в 93 675 человек (то есть выросло более, чем в 3 раза по сравнению с концом XVIII века). В пореформенный период количество иностранных подданных заметно сократилось. В 1881 г. в столице проживало 27,8 тыс. иностранцев (около 3%) К концу XIX в. их число уменьшилось до 23,8 тыс. чел. (1,6%)¹⁵. Забегая вперед, на примере Петербурга скажем, что модерни-

зирующее влияние на различные стороны общественной жизни региона иностранных субъектов модернизации было многоплановым и противоречивым. Хотя теоретически конечной целью капиталистической модернизации должно было быть обновление системы управления, хозяйствования, трансформации общественных отношений в России по образцу и подобию ведущих капиталистических стран Западной Европы, на практике получилось иначе.

Модернизация с разной скоростью и результативностью шла в экономике, общественном и домашнем быту, духовной сфере. Относительно успешно и быстро внедрялись новации в экономике, особенно, в ведущих отраслях столичной крупной и средней промышленности (в машиностроении, металлообрабатывающей, химической и электротехнической промышленности), на транспорте, в кредитно-финансовом деле, но медленнее – в торговле, мелкой и кустарной промышленности. Значительно медленнее и противоречивее она протекала в социальной и, особенно, в духовной сфере общественной жизни. Если в культуре, деловой практике и быту новации получали относительно широкое распространение, то психология, менталитет человека, а тем более социальных групп, трансформировались с большим трудом. Охотнее и быстрее западноевропейские социокультурные стандарты и этические нормы перенимали высшие классы – дворянство, чиновничество и крупная буржуазия, чаще других сословий бывавшие за границей и поддерживающие тесные деловые и личные связи с иностранцами, и медленнее – средние городские слои. Еще медленнее и труднее протекал процесс трансформации ментальности пришлого крестьянского населения. В других городах Северо-Запада модернизационные процессы протекали в основных сферах общественной жизни гораздо медленнее, чем в имперской столице.

Под влиянием промышленной революции, бурно протекавшей в передовых странах Западной Европы в конце XVIII – начале XIX века, а также в связи с вышеупомянутыми преимуществами столичного статуса и географического положения Петербурга, введение здесь новой техники и технологии началось раньше, чем в других городах. Широкое применение вольнонаемного труда с дореформенного времени способствовало формированию костяка высококвалифицированных кадров. Причем, рабочий класс Петербурга в значительной мере пополнялся за счет крестьянства центральных и северных нечерноземных губерний (Тверской, Ярославской, Архангельской, Вологодской, Олонецкой и др.), прибывающих с начала XIX века в город на заработки в связи с расширением оброчной системы.

Важным условием, способствующим развитию процесса модернизации, был достигнутый еще в дореформенный период высокий уровень образования, значительно превосходивший общероссийский уровень. Если в начале 60-х гг. XIX в. более половины его жителей были грамотными, то под влиянием реформ в сфере образования, расширения сети образовательных учреждений и масштабов обучения грамотность петербургского населения обоюбого пола в возрасте 6 лет за 1869–1900 гг., по данным Б.Н.Миронова, возросла с 60 до 70%, тогда как грамотность всего населе-

ния Европейской России в возрасте старше 9 лет увеличилась с 19 до 33%, в том числе сельского населения – с 16 до 27%. Среди взрослого населения неграмотных было вдвое меньше, чем в среднем по России. В 1863 г. в городе было 33 средних учебных заведений (гимназий, реальных училищ). В начале 90-х гг. их насчитывалось уже 177. Всего же в это время в Петербурге было 662 учебных заведения, в которых обучалось 65 404 чел., в том числе 8021 обучалось в вузах, 26 013 – в средних и 2137 – в элементарных учебных заведениях. Жители, имеющие среднее образование, составляли в начале XX века почти 10% взрослого населения, что значительно превышало этот показатель по другим крупным городам¹⁶.

Другим важным условием, способствовавшим быстрому экономическому развитию города, было также то, что Петербург являлся культурным и научным центром страны, и что особенно важно, центром научно-технической мысли и технического прогресса. Благодаря этим и другим обстоятельствам, Петербург, наряду с Уралом и Центром, в середине XIX в. являлся самым крупным экономическим районом¹⁷.

После буржуазных реформ 60–70-х г. XIX века темпы развития промышленности значительно ускорилось в связи с расширением внутреннего рынка, приливом русского и иностранного капитала, казенными заказами и государственными субсидиями столичным промышленникам, развитием внешней торговли, а также развитием парового флота и железнодорожного сообщения. В то же время, тесное вовлечение российского рынка в систему мирохозяйственных связей сделали столичную экономику чрезвычайно зависимой от колебаний мировой конъюнктуры и экономических кризисов. Кроме того, в первые пореформенные десятилетия Петербург переживал не лучшие времена в связи с развитием транспортной инфраструктуры и формированием новых и усилением старых экономических районов в Центре и на окраинах России. В частности, после открытия железнодорожного сообщения с Варшавой, Ригой, Либавой (Лиенапай), он утратил монополию как единственный торговый посредник между Западной Европой и остальной Россией. Заметно ослабило торгово-промышленное значение Петербурга появление новых промышленных районов на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Закавказье и Туркестане.

Однако, несмотря на эти обстоятельства, Петербург на протяжении всего пореформенного периода сумел не только сохранить прочные позиции, но и укрепить ведущее положение в важнейших сферах национальной экономики. Деловая элита Петербурга достаточно гибко реагировала на внешние вызовы. Так, утратив преимущество в международной торговле, она компенсировала потери во внутренней торговле и в других видах предпринимательской деятельности. Хотя в связи с развитием железных дорог и конкуренцией причерноморских и прибалтийских портов экспорт через столичный порт в 1868 г. уменьшился до 32% всех вывозимых из России товаров, а импорт – 27%, а в 1900 г. экспорт составлял уже – 14%, а импорт – 21% ко всему ввозу товаров¹⁸, в пореформенный период Петербург превратился в крупнейший порт на внутренних водных коммуника-

циях. В 70-е гг. XIX века в столице выгружалось более трети всех товаров, отправляемых по внутренним водным путям (в 1876 г. из всего объема перевозок по воде 467 млн пудов на долю столицы приходилось 154,9 млн пудов). К 1896 г. привоз в Петербург по Неве возрос до 249,6 млн пуд, что в несколько раз превышало привоз в другие крупнейшие порты России¹⁹.

Превращению в крупнейший центр передовой капиталистической промышленности способствовал приток русских и зарубежных капиталов. Здесь было сосредоточено 20% иностранных капиталов, вложенных в российскую промышленность. Многие предприятия принадлежали иностранцам, в других решающую роль играл иностранный капитал.

Вследствие указанных и других обстоятельств количество фабрик и заводов за пореформенное сорокалетие увеличилось почти в 5 раз (с 355 в 1866 г. до 2041 в 1900 г.), а сумма их производства возросла более чем в 7 раз (с 53 064 до 375 540 тыс рублей)²⁰. Правда, в связи с вышеупомянутой конкуренцией к началу XX в. Северо-Западный район оказался на третьем месте после Московского района, превосходившего его по производительности в 3 раза, и Привисленского, превышавшего по сумме производства лишь на несколько миллионов рублей²¹. Тем не менее, уступая позиции конкурентам в традиционных видах предпринимательства, Петербург успешно наверстывал потери в финансово-кредитном и акционерном предпринимательстве.

В конце XIX в. Петербург превратился в ведущий финансово-промышленный центр страны. В нем действовали 13 банков, из которых 7 числились в десятке крупнейших в России (для сравнения: в Москве действовали 7 банков, из которых 2 числились в десятке крупнейших), баланс петербургских банков в 4 раза превышал баланс московских. При этом баланс столичных банков составлял 58% в балансе всех акционерных банков России. Из действовавших к 1914 г. акционерных компаний 28% имели правления в Петербурге, 20% – в Москве, 5% – в Варшаве, 5% – в Киеве и губернии, 2% – в Риге и Лифляндской губернии²².

Капиталистические отношения, хотя и медленно, но проникают и в аграрную сферу, подрывая основы феодально-крепостнического строя. Под их воздействием натуральное крепостное хозяйство в северо-западном регионе с начала XIX в. трансформируется в рыночно-крепостническое. Это проявлялось, в частности, в переводе помещиками крепостных на оброк или смешанные виды повинностей (накануне реформы 1861 г. их выполняли 64,1% от общего числа крепостных крестьян Северо-Запада), в усилении масштабов отходничества и крестьянских промыслов²³.

Природные, климатические и почвенные характеристики Северо-Запада, как уже было сказано, не способствовали развитию земледелия. Систематически повторяющиеся на протяжении столетий неурожаи и традиционно низкая урожайность зерновых культур обусловили превращение в первой половине XIX в. северо-западных губерний в район мясо-молочного животноводства и производства технических культур, льна и картофеля, преобладание кабально-отрабочных форм крепостного хозяйства, большие масштабы промыслового отходничества крестьянства, а также широ-

кое распространение общинной формы собственности на землю (в нач. XX в. 97,7% всех крестьянских земель при средней по России – 83,4%)²⁴.

Усиление сельскохозяйственной специализации и рыночной ориентации стимулировалось, в свою очередь, воздействием динамично развивающегося промышленно-капиталистического Санкт-Петербурга и транспортной инфраструктуры. Возрастающие потребности города в рабочих руках, минеральном сырье и материалах, а также наличие в регионе большого числа лесов (в 1897 г. от 38% до 77% на Севере от всей площади)²⁵, разнообразных стройматериалов, в свою очередь, ускоряли процесс перехода на товарно-денежные отношения помещичьи и крестьянские хозяйства сначала подстоличных, а затем и других уездов Северо-Запада.

Большие сдвиги происходили в социальной сфере Северо-Запада. Если в сословной структуре личной земельной собственности региона в 70-е гг. XIX в. дворяне занимали ведущее положение (66,9%), затем шли купцы (15,2%), крестьяне – 12,2% (остальные 5,7% земельной собственности приходилось на прочие сословия)²⁶, то в последующие десятилетия XIX в. под влиянием развития капитализма удельный вес дворянства среди частных землевладельцев резко снижается (с 67,5% в 1877–1878 г. до 40,8% в 1905 г.), тогда как доля крестьянства за то же время увеличивается с 74,6 до 80,1%. Незначительно возрастает также доля купечества и других сословий. Исключение составила Олонецкая губерния, где купеческая доля увеличилась с 1877 по 1887 гг. с 33,7 до 71,7%. В целом же к началу XX в. основная масса дворян Северо-Запада утратила 40,8% земли и 11% владений (по Европейской России эти показатели составили соответственно 11,3% и 4,6%). Дворянское земледелие в Вологодской губернии в начале XX в. составило лишь 0,7% от всего земельного фонда²⁷. Большинство помещиков не сумели адаптироваться к рыночным условиям, заложило имения и землю в кредитных учреждениях. Незначительная же часть помещиков-латифундистов (в основном в Петербургской и Псковской губерниях) занимались предпринимательством: увеличивали объемы сбора хлебов, картофеля, расширили посевы льна, продавали или сдавали в аренду крестьянам лесные участки, сенокосы и пашню.

Вторая половина XIX в. стала временем формирования крестьянской земельной собственности в регионе. Северо-Запад занимал второе место после Центрально-Промышленного района по размерам земли в личной собственности крестьян (931 тыс. десятин) и третье место по численности личных владельцев (32 228 чел.). Среди таких крестьян-собственников 41 человек были настоящими латифундистами: на каждого из них приходилось по 2832 десятины купчей земли (в то время как средний размер покупки земли составлял 28,9 дес.). Однако прослойка зажиточного крестьянства (более 10 десятин на ревизскую душу) была относительно не велика (4%), чуть больше была группа наименее обеспеченных (менее 3 дес.), что свидетельствует об отсутствии ярко выраженной дифференциации размеров душевого надела, значительном влиянии общинных порядков и консервативности крестьянской ментальности²⁸.

В 1900 г. в столице имелось 16 542 торгово-промышленных предприятий. При этом из торгово-промышленного оборота в 1млн 250 тыс руб. на долю торговли приходилось около 70% (87 130 руб). Но на удовлетворение нужд местного населения шло лишь 60% торгового оборота, 15% приходилась на обслуживание прилегающих районов (Петербургская, Новгородская, Олонецкая, Псковская губернии, ближайшие местности Финляндии и часть Московской области) и 25% – на внешнюю торговлю²⁹.

Значительно медленнее, чем в экономике, происходили изменения в социальной и духовно-нравственной сферах, образе жизни и менталитете населения Петербурга. Относительно легко и быстро европейские культурные, политические и социально-культурные стандарты усваивались высшими слоями общества – дворянством, чиновничеством, интеллигенцией, предпринимательской элитой. Средние городские слои «европеизации» поддавались уже труднее. Пришлое крестьянское население Петербурга было не только самым многочисленным, но и наименее восприимчивым к переменам городским слоем: оно в массе своей не только не желало овладевать городскими стандартами поведения, но и сдерживало процесс капиталистической модернизации петербургского населения в целом. Исключение составляли верхний и частично средний слои предпринимателей – выходцев из крестьян, которые в пореформенный период относительно быстро европеизировались и «обуржуазивались».

Ослабление традиционного и формирование нового менталитета, по мнению петербургского историка Б.Н. Миронова, происходили, с одной стороны, стихийно, под влиянием новых условий жизни, а, с другой стороны, образованное общество и правительство намеренно принимали многообразные меры (создавали клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки, изобретали даже новые праздники и т.п.), чтобы изменить традиционное мировоззрение народа. Но, несмотря на эти меры, изменения происходили медленно, вследствие инерции, свойственной всем традиционным установкам сознания, и благодаря поддержке традиционного менталитета широкими слоями русской интеллигенции, и, наконец, в связи с сопротивлением сельских мигрантов в городе проникновению в свою среду светской буржуазной культуры³⁰. Как образно заметил по этому поводу дореволюционный исследователь В. Михневич, пришлое население, являясь в Петербург «...из разных местностей России и сплываясь, временно или постоянно, в отдельные группы, по занятиям и промыслам, усвоенным искони каждой из этих местностей, очень долго и упорно сохраняет свои местные бытовые этнографические особенности. Быть может, наибольшая оригинальность Петербурга заключается в том, что огромное большинство его жителей – торговая и промышленная масса – не ассимилируется и, живя иногда целый век здесь, чрезвычайно редко отрешается от родного пепелища, свято храня все его обычаи и весь житейский склад»³¹.

Многие исследователи обратили внимание, что в пореформенные десятилетия пришлое крестьянство не смешивалось с городским населением,

предпочитая быть среди земляков. В Петербурге существовали общества взаимопомощи уроженцев тех губерний, которые давали наибольшее число отходников в столицу – Олонецкой, Вологодской, Костромской, Рязанской, Тамбовской, Архангельской, а отходники из Ярославской губернии имели даже три благотворительные организации³².

Тем не менее, нельзя утверждать, что крестьянство в пореформенный период оставалось невосприимчивым к новациям. Во время пребывания в Петербурге крестьяне знакомились с городскими стандартами мышления и поведения, приобретая в городах «умственность» (рациональность и расчет) взамен традиционных крестьянско-православных нравственных ценностей. Однако по возвращении на родину в деревню, крестьяне-отходники встречали осуждение общиной (крестьянским миром) новых взглядов и вынуждены были в дальнейшем придерживаться сложившихся требований и традиций. В итоге длительной и бескомпромиссной борьбы, по мнению Б.Н. Миронова, крестьянская община сумела выстоять под напором буржуазного, городского менталитета. В ответ на чуждые влияния города сельские общины усилили свое вмешательство в жизнь крестьянских семей, «...предпринимая изощренные меры для сохранения контроля над ними, что замедляло разрушение традиционной крестьянской культуры». В итоге, в начале XX в. не только менталитет крестьян-отходников, но и «...рабочих (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых сознательных рабочих) оставался в рамках традиционных крестьянских представлений»³³.

Более заметно, по сравнению с крестьянами, трансформировался менталитет городских сословий – мещанства и купечества. Но и он не приобрел, в конечном счете, черт, характерных для большинства населения ведущих капиталистических стран Европы. Как справедливо считает Б.Н. Мионов, «крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была принесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом»³⁴.

Таким образом, в начале XX века процесс социальной модернизации петербургского населения в связи с усиливающимся противодействием традиционной православно-русской культуры затормозился, так и не достигнув зрелых форм западноевропейского типа. В результате верхние европеизированные слои Петербурга оказались заложниками крестьянской стихии, а обострившиеся к этому времени острые социальные различия и противоречия привели столице к известным революционным потрясениям начала XX века.

Капиталистическая модернизация имела и негативные последствия. Одним из них явилась высокая степень эксплуатации рабочего класса на фабриках и заводах. Экономическое положение и уровень жизни петербургских рабочих в пореформенный период было нелегким. Его усугубляли общие для всего российского рабочего класса условия: отсутствие цивилизованного трудового законодательства, дешевизна рабочей силы, грубость нравов в предпринимательских кругах и бешеная погоня за прибылью, характерная для молодого российского капитализма. Единствен-

ным сдерживающими производ предпринимателей факторами являлись религия, патриархально-общинные традиции, еще сохранившиеся в отношениях между фабрикантами российского происхождения и рабочими, а также прозрачное «попечение» властей о нуждах последних. Попечительство проявилось еще в дореформенный период и касалось социально-бытовых и социально-культурных сфер жизни рабочих на отдельных казенных и частных предприятиях.

Зарплата петербургских рабочих была сравнительно выше, чем в других рабочих центрах, однако в своей основной массе они находились в тяжелом материальном положении. Реальная зарплата постоянно сокращалась из-за бесчисленных штрафов, злоупотреблений при начислении зарплаты, задержки ее выдачи. Тяжелые условия труда и одновременно рост сознательности рабочих толкали их на путь протеста, на борьбу против предпринимателей.

С конца 1870-х годов власть усиливает контроль за частнопредпринимательской деятельностью с целью регулирования трудовых отношений. Видное место в разработке законодательства сыграли петербургские предприниматели. В январе 1884 г. они обратились к градоначальнику с просьбой о запрещении ночного труда женщин и подростков в связи с сокращением текстильного производства и увольнениями рабочих. Однако Московское отделение Совета торговли и мануфактур выступило против предложений конкурентов. Поэтому предложение петербуржцев не было поддержано правительством. Однако вспыхнувшие в 1884–1885 гг. беспорядки на фабриках Московской и Владимирской губерниях, заставили в конечном счете принять ряд законов, ограничивающих производ предпринимателей. При подготовке фабричного законодательства изучался и использовался аналогичный опыт западноевропейских стран, особенно Германии. Однако буржуазное начало в русских законах соседствовало с пережиточными положениями. Фабричное законодательство несло на себе печать грубых примитивных форм эксплуатации, господствовавших в стране (продолжительный рабочий день, низкая зарплата, широкое распространение сверхурочных работ, штрафов и др.).

Завершая вопрос об издержках и противоречиях модернизации, следует сказать, что они проявлялись также в большой скученности населения, самой высокой в России смертности, алкоголизации и других характерных признаках раннеиндустриальной модернизации. Причинами являлась густота населения и связанные с нею вредные последствия для здоровья человека скопления людей. Главные факторы повышенной смертности населения в Петербурге, особенно среди пришлого крестьянства, лежали в перенаселенности жилищ, в развитии пауперизма, алкоголизма и проституции, в существовании в городе большого числа вредных для здоровья профессий, в том, что санитарные и гигиенические условия жизни горожан, включая водоснабжение, удаление нечистот, борьбу с фальсификацией пищевых продуктов и заразными болезнями, находились длительное время на весьма низком уровне.

Справедливости ради следует сказать, что городская власть многое делала для смягчения негативных последствий развития капитализма. В результате этого с 1864 года начала снижаться смертность (с 38,7 случаев на 1 тыс. жителей до 27 в 1884–1892 гг.), а с 1885 г. число рождений превысило число смертей, т.е. начался естественный прирост населения. Как показали результаты всероссийской переписи 1897 г. среди жителей города мужчин было больше, чем женщин на 10% (в других европейских странах соотношение было обратным). 65% жителей составляли люди в рабочем возрасте (в европейских столицах – 55%). Рождаемость составляла 27 чел. на 1000 жителей в год, а смертность – 25 чел. на 1000 жителей³⁵.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что в пореформенный период Санкт-Петербург играл уникальную роль в социально-экономическом и культурном развитии России, выполняя сразу несколько функций. Во-первых, он выполнял свою изначальную культурно-историческую миссию «окна в Европу», был посредником, связующим звеном между передовой, промышленно-капиталистической Западной Европой и отсталой, патриархально-крестьянской Россией, активным проводником европеизации страны, во-вторых, являлся законодателем и инициатором буржуазных реформ и, в-третьих, был полигоном, образцовой «подопытной площадкой», где ближние и дальние регионы могли заимствовать опыт реформирования экономики, социальной и духовной сфер общественной жизни.

Современная Россия вновь переживает период либеральных рыночных реформ. Правда, тон и направление в наше время задает Москва. В результате непродуманных реформ, вместо построения правового демократического государства с развитой рыночной экономикой, динамичного индустриального роста и общественного прогресса, Россия получила глубокий промышленный спад, резкое социальное расслоение, катастрофическое падение жизненного уровня большинства населения страны, сращивание государственных и мафиозных структур, тяжелую криминогенную и демографическую ситуации и, как следствие, снижение авторитета власти.

Особое недовольство у людей вызывала политика форсированного насаждения рыночных отношений в жестком варианте («шоковая терапия»). Она привела к разочарованию значительной части населения в ценностях демократии и рыночной экономики. В то же время за годы реформ сформировалась рыночная инфраструктура, выделился большой слой предпринимателей («бизнесменов») – носителей либеральной идеологии и психологии, большинство из которых в своей деловой практике нарушают законы и общепринятые нормы поведения. Этим они еще больше настраивают широкие слои народа против рыночной экономики и предпринимательства.

Тем не менее, издержки и просчеты радикального реформаторства не могут служить основанием для отказа от рыночной экономики и демократических институтов. Как свидетельствует мировой опыт, рыночные реформы, одобряемые большинством народа и проводимые в соответствии с эффективной экономической политикой, стимулирование деловой активности людей дают возможность выйти из кризиса и обеспечить устойчи-

вое социально-экономическое и духовное развитие страны. Однако для этого необходимо соблюдать одно непереносимое условие: проводить преобразования с учетом культурных традиций и конкретно-исторических условий развития своей страны. Петербург, по нашему мнению, способен дать пример установления цивилизованных отношений в сфере трудовых отношений, утвердившихся в большинстве развитых стран Европы.

¹ Подробнее см.: Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР, 1990. – С. 194–207; Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. – С. 153–165 и др.

² См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993, № 7. – С. 40–56; Красильщиков В.А., Белоусов А.Р., Гутник В.П., Клепач А.Н., Кузнецов В.И. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. – М., 1994. – С. 6–20; Ковалев С.Г. Модернизация России: особенности осуществления, пространство альтернатив. Концептуальный подход. – СПб., 1995; Ахиезер А.Р. Россия. Критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему. – М., 1997; Малыгин К.Г. Модернизация России в XX веке. Анализ опыта. – Ростов-н/Д., 1997; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998; **Опыт российских модернизаций. XVIII – XX вв. – М., 2000;** Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации. Автореф. дис. д.ф.н. – М., 2000. – С. 6–12; Тафаев Г.И. Российская цивилизация в условиях модернизации. – Чебоксары, 2000; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. – С. 3–27; Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001; Красильщиков В.А. Опыт догоняющего развития (на примере стран Латинской Америки и Восточной Азии): Автореф. дис. д.э.н. – М., 2002. – С. 3–7; Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М., 2004. – С. 169–191; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006 и др.

³ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): В 2 т. – 2-е изд. Т. 1. – СПб., 2000; Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск 7. – М., 2001; Арсентьев Н.М. Национальное предпринимательство и модернизация России // Гуманитарий. 2001. № 2. – С. 22–25; История России. Теоретические проблемы. Выпуск 1. Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. – М., 2002; Сапоговская Л.В. Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в. // **Уральский исторический вестник.** – Екатеринбург, 2002. № 5–6. – С. 236–264; Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003, № 5. – С. 5; Волков В.В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX – начале XX века. – Тверь, 2004; Керров В.В. **Се человек и дело его...** Конфессиально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М., 2004 и др.

⁴ Зосимчук В.Н. С.Ю. Витте и модернизация России (1892–1903): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ярославль, 1998; Сущенко В.А. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации (вторая половина XIX – XX вв.): **общее и особенное в исторической судьбе: Автореф. дис. д-ра ист. наук.** – Ростов н/Д, 2002; Шебзунова Т.А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России (60-е гг. XIX – начало XX вв.): **опыт системного анализа: Автореф. дис. д-ра ист. наук.** – М., 2002; Векшин Ю.А. Социально-экономическая политика В.Н. Коковцова в контексте модернизации: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Челябинск, 2004; Курков К.Н. Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX века (экономические и социокультурные аспекты): Автореф. дис. д-ра ист. наук. – М., 2004; Крот М.Н. Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ростов-н/Д., 2004; Маркушина О.В. Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саратов, 2005; Рябая С.А. Модернизация промышленности Удмуртии накануне и в годы первой мировой войны (1910-е – февраль 1917 гг.): Автореф.

дис. канд. ист. наук. – Ижевск., 2006; Андреев В.В. Московско-Казанская железная дорога в конце XIX – начале XX вв.: **Модернизационный фактор в экономическом развитии региона**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саранск, 2007.

⁵ Проскурякова Н.А. Указ. соч. – С. 154.

⁶ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. – С. 14–15.

⁷ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М., 1996; **Ментальность россиян** (Специфика сознания больших групп населения России). – М., 1997; Рыкина Г.С. Московское купечество в конце XIX – начале XX столетия: **образ торговца-предпринимателя и его ментальные особенности**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1999; Дубодел А.М. Трудовая мотивация и образ российского предпринимательства: история и современность: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саранск, 1999; Кошман Л.В. Русский город в XIX веке: **социокультурный аспект исследования**: Автореф. дис. д-ра ист. наук. – М., 2001; Брянцев М.В. Русское купечество: **социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XIX вв.**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2001; **Лямин С.К. Менталитет населения прединдустриального города 1860–1870-х гг.** (По материалам Тамбова): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2003; Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX века. **Социально-бытовой аспект**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саранск, 2005 и др.

⁸ Кузнецов В.Н. Петербургское купечество пореформенного периода: особенности трансформации облика и образа жизни // История российского быта. Материалы Четырнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. – СПб., 1999. – С. 31–34; Его же. Роль Петербурга в капиталистической модернизации Российской империи в пореформенный период (1860–1890-е гг.) // Гуманитарные науки и гуманитарное образование. Сборник статей Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. – СПб., Береста, 2003. – С. 99–111; Его же. Особенности социально-экономического развития Северо-Запада России во второй половине XIX века // **Экономические проблемы в истории России и пути их решения**. Материалы XXVII Всероссийской заочной научной конференции. – СПб., 2003. – С. 43–47; Его же. К вопросу о периодизации и динамике капиталистической модернизации в России (1860–90-е гг.) // Записки Горного института. Т. 163. – СПб., 2005. – С. 77–79.

⁹ Северо-Запад рассматривается здесь в широком смысле слова. Его территория примерно совпадает с территорией современного Северо-Западного региона (за исключением Калининградской области). В исследуемый период в его состав входили не только Северо-Западный район, включавший Новгородскую, Псковскую, имперскую столицу и С-Петербургскую губернию (в границах 1897 г.), но и Северный район, состоявший из Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. Расширяя территориальные рамки исследования, мы исходили как из географической близости и известной схожести природно-климатических и социально-экономических условий упомянутых районов, так и особой роли Петербурга в развитии не только этих, но и других российских регионов. Реформационные процессы, рожденные в результате капиталистической модернизации в Петербурге, с затухающей амплитудой расходились вначале по соседним губерниям, включая Олонецкую, и далее по империи. Примечательно, что отдельные дореволюционные авторы включали последнюю в состав Озерной области (наряду с Новгородской, Псковской и С-Петербургской губерниями). К сказанному следует добавить, что между столицей и губерниями Северо-Западного и Северного районов издавна существовали тесные экономические и социокультурные связи. Укрупнение объекта исследования дает нам возможность выявить общие для всего Северо-Запада тенденции и закономерности экономического и социокультурного развития.

¹⁰ Под капиталистической модернизацией понимается процесс ломки традиционно-аграрно-патриархального общества и формирования в его недрах основ индустриально-буржуазного типа общества, развернувшийся с начала 60-х гг. XIX в. Он включал три основных направления: распространение и утверждение рыночных, товарно-денежных отношений (экономическую модернизацию); обновление материально-технической базы в ходе завершающей стадии промышленной революции (индустриализацию); социальную модернизацию (демократизацию общественных и семейных отношений, формирование у городского населения, прежде всего властной «элиты» и части предпринимательского класса, светского, буржуазного менталитета). В рамках данных направлений модернизации протекали: структурная и функциональная дифференциация общества; индустриализация; урбанизация; бюрократизация; профессионализация; рационализация и другие подпроцессы. Выделяя данные направления, автор не проти-

вопоставляет капиталистической модернизации пореформенной модернизации, включающей первую как составную часть общего модернизационного потока, а подчеркивает тем самым общий вектор социально-экономического развития в сложном и противоречивом модернизационном процессе. Осуществляя модернизацию в целях преодоления технико-экономического отставания России от ведущих европейских держав и укреплению существующего строя, императорская власть вынуждена была проводить политику форсированного насаждения капитализма «сверху», причем делала это весьма непосредственно и избирательно по отношению отдельным отраслям экономики и сферам общественной жизни.

¹¹ Подсчитано по: Статистические таблицы Российской империи за 1858 г. – СПб., 1858. – С. 4–5; 18–19; 80–83, 108–109; 116–117; 276–278. Удельный вес городского населения подсчитан автором по след. источникам: Россия: Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 79; Санкт-Петербург. 1703–1917. – СПб., 2000. – С. 263.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история. Т. 1. – С. 341.

¹³ Цит. по: Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. – М., 1961. – С. 227.

¹⁴ История предпринимательства в России. В 2-х т. – М., 2000; История экономического развития России: Учебное пособие / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000; Кузнецов В.Н. История предпринимательства в России: Учебное пособие. – СПб., 2001; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М., 1997; Кузнецов В.Н. Роль Петербурга в капиталистической модернизации Российской империи в пореформенный период (1860–1890-е гг.) (К постановке проблемы) // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: Сб.ст. – СПб.: Береста, 2003. – С. 99–111; Его же. Особенности социально-экономического развития Северо-Запада России во второй половине XIX в. // Экономические проблемы в истории России и пути их решения. Материалы Двадцать седьмой Всероссийской заочной научной конференции. – СПб., 2003 и др.

¹⁵ Лурье Ф.М. Петербург 1703–1917. – СПб., 2001. – С. 50; Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Сборник статей / Под ред. М.Н.Барышникова. – СПб., 2002. – С. 50; Население Санкт-Петербурга по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. – С. 41; Статистический очерк Санкт-Петербурга. – СПб., 1894. – С. 7.

¹⁶ Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы. Т. 3 – СПб., 1868. – С. 64; Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1. – С. 342; Санкт-Петербург: 300 лет истории. – С. 289; Даринский А.В., Старцев В.И. Указ.соч. – С. 143.

¹⁷ См.: Общая характеристика народного хозяйства дореволюционной России и его география. – Челябинск, 1959. – С. 26–27; Гуманитарные науки и гуманитарное образование. Сборник статей Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. – С. 103.

¹⁸ Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга(XVIII век). – СПб., 1998. – С. 9; Петербург и его жизнь. – СПб., 1914. – С. 306.

¹⁹ Очерки истории Ленинграда. Т. 2 – М.-Л., 1957. – С. 128.

²⁰ Петербург и его жизнь. – СПб., 1914. – С. 306.

²¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб., 1900. – С. 129.

²² Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. – СПб., 2000. – С. 20–22.

²³ Кашенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 года на Северо-Западе России. – М., 1995. – С. 166.

²⁴ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 62–64.

²⁵ Россия. Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 64–87, 252.

²⁶ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 62–64.

²⁷ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 61–64.

²⁸ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 58, 63

²⁹ Петербург и его жизнь. – С.307

³⁰ Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1 – С.337.

³¹ Михневич В. Указ.соч. – С. 256.

³² Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1 – С. 338.

³³ Там же. – С. 344.

³⁴ Там же.

³⁵ Статистический очерк Санкт-Петербурга. Планы города и театров/ Приложение к изданию «Весь Петербург – адрес и справочная книга. СПб., 1894. С. 10; Даринский А.В., Старцев В.И. Указ.соч. – С. 136–137.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

К.М. Гожев

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ВЕЛИКОЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В 2007 году в Москве и на Северном Кавказе широко отмечалось 450-летие сопряжения России и Кавказа, которое на официальном языке именовалось «вхождением» народов этого региона (Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) в состав России. В 2009 г. исполняется 145 лет со дня окончания Кавказской войны. До сих пор продолжается активная «война интерпретаций» по поводу причин войны, насильственного выселения миллионов горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию. Статья представляет собой предисловие к неопубликованной книге «Кавказ и Россия: сопряжение культур и цивилизаций» и посвящена методологическим координатам исследования этой темы.

Ключевые слова:

Кавказская война, культура войны, цивилизация, культура, методология исторического исследования, конфликт интерпретаций

История – это философия, преподающая на примере.

Д. Галикарнасский

В России издавна существует система тотальной невменяемости. И русско-кавказская история невменяема, так как её трудно кому бы то ни было вменить.

К. Гожев

Работа «Кавказ и Россия: сопряжение культур и цивилизаций»¹ не ставит своей задачей исчерпывающе и хронологически изложить историю и социоэтнологию «варварских правил» организаторов бытовых и военных набегов (*экспроприативный способ производства?*), продемонстрировать сегодняшние конъюнктурные антрополого-политические акценты, обна-

жить какую-то патологическую «враждебность» и «хищничество», а также безмерную дружбу и всепобеждающий интернационализм в отношениях северокавказцев как между собой, так и с Россией. Автор не старался воздерживаться и от прямых сопоставлений исторических и новейших событий на Кавказе. И в связи с отсутствием беспристрастной и устраивающих всех истории, рукописной летописи автор правомерен представлять ее так, как она видится ему после изучения источников.

В истории нет обреченности, фатализма, так как история в ее философско-культурологической, политологической потенциации носит вероятностный характер, хотя историк В.В. Дегоев требует «систему доказательств»². Письменные свидетельства, включая и фольклор, постулируются историками как непререкаемый аргумент, хотя многие из этих свидетельств представляют собой лишь *документированные слухи, мифы, сказания*, etc. Возникают вопросы: насколько можно считать даже историческое исследование наукой, насколько соответствует оно общим, универсальным критериям научности? Разве может наука изучать то, чего сейчас нет и никогда не будет? Ведь за рассуждениями историков о том или ином событии часто стоят лишь мифы и предания, которые не поддаются никакой опытной проверке. А людей, живущих в мире мифов и преданий относительно своего народа, по совету антропологов можно считать обладателями *«сумеречного состояния сознания»*³. Зачастую и известный летописец не являлся очевидцем, даже современником представляемых им фактов, например, такого эпохального события, как крещение Руси (хотя весь процесс насаждения христианства подробно описан в «Повести временных лет», на которую ссылаются многие ученые. Однако уточню, что сама «Повесть...» была составлена через полтора года после описываемых событий на основе различных устных сообщений и вобрала в себя со временем ряд характерных искажений⁴.

Ни один историк не может выступать в роли судьи, выносить обвинительный или оправдательный вердикт. Историк – не судья, не прокурор и не адвокат. Все, что он может себе позволить, – это сформулировать максимально обоснованные гипотезы. В отечестве, как нигде, все меньше происходят единения, сближения, они носят некое однообразие, как бы узнавание; чаще идет открытая и подспудная борьба между народами, классами, конфессиями, культурами... Даже в день Пасхи глава г. Черкесска, выступая в церкви перед многочисленными прихожанами Карачаево-Черкесии, говорит, что за последние десять лет построили четыре церкви *«...для победы православной культуры, всего православия»*. Над кем победы? Какой победы?

В целом я⁵ попытался отойти от устоявшегося стереотипа, требующего во что бы то ни стало разложить некую «историческую память» по полочкам (*она не только «хранилище событий и фактов»*). Не стал выстраивать свою концепцию как доктрину, которая стала бы «кочевать» затем из работы в работу и которую угодно будет использовать в нужное время и в нужном месте одной из противоборствующих сторон. Меня заинтересовало мне-

ние Д. Телена: «*важнейшим вопросом является не соответствие воспоминаний прошлой реальности, а то, почему участники событий именно так, а не иначе конструируют в данный момент свои воспоминания*»⁶. Одна из важных задач, которую ставил перед собой автор, – новое осмысление более или менее известных исторических фактов на основе личного убеждения, личной мотивации, с учетом и перспективой того, что его «*утверждения являются (скрытыми) предсказаниями*»⁷. История – многообразное и многослойное явление, ее невозможно и недопустимо рассматривать через призму одной культуры, одной религии, одного этноса или с позиций другой, отчужденной культуры, а затем сдать в архив, как исполненную канонизированность. Вообще любая наука должна опасаться каких-то *систематизаторов* и *принципа неопределенности заблуждения*, чтобы не выродиться в монотонные протоколы экспериментов, не надеяться на «*время*», которое окончательно «*все расставит по своим местам*», и на «*пространство*», где «*вскрытие все покажет*». А наука история – это спор без конца, поскольку представители разных школ и направлений, ученые с несхожими воззрениями неизбежно вступают между собой в полемику по одной и той же теме. Одно и то же явление может быть изучено с разных сторон. И разные специалисты способны и обязаны каждый на свой лад проникнуть в его сущность и рассматривать его в связях с другими явлениями.

Некоторые сотрудники Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (КЧИГИ) посоветовали свести эту работу к чисто историческому повествованию. То есть не заставлять читателя думать, размышлять, мучиться, а сознанию позволить продолжать и дальше «*дичать*» вне хотя бы вербальной артикуляции, дискурса, *потенциации*, т.е. не сокращать, а умножать её смысловые возможности. То есть исключить всякое усилие умственного труда, а всю сложность мира великой Кавказской войны свести к упрощенным схемам, достаточным для праздного чтения или чьих-то аннотаций.

Мой подход – отсутствие потребности кем-то состояться, мое желание – понять мир вообще, идентифицировать себя в нем. Здесь и вопросы метафизики, морфологии, образности той исторической панорамы, которую мы рисуем в своих попытках понять себя. Некому исполнять роль носителя абсолютного знания или арбитра, решающего, что есть истина. Да и вообще подлинная цель мышления заключается в том, чтобы находить общий язык с существующим миром, а не в том, чтобы искать истину, как это представляли себе многие западные философы. Более приемлемы для меня эмпатия и внерациональное познание (*вчувствование*), когда речь идет не о сухой статистике или о судьбах десятков и сотен тысяч людей.

На первом плане – эрудиция, способность к ассоциациям, цитированию, аллюзиям, «неупорядоченная упорядоченность». Текст может рождаться нарративно, кумулятивно и в любой момент может быть прерван. Точка в конце может быть не обоснована и не оправдана. Текст в любой момент может быть продолжен. Можно назвать это постмодернизмом, но он, кстати, – своеобразная культура культур. Это намного полезнее, чем

модель мотивационной амбивалентности, или конфликтное состояние буриданова осла, или предложение писать только о любви во избежание критики.

История – это череда кровавых и зачастую абсолютно бессмысленных деяний. Это непрерывное противоборство народов, каждый из которых, в свою очередь, раздираем внутренними распрями. Больше того: конфликтующие партии тоже раздираются внутренними противоречиями, столкновениями их членов. И даже это еще не всё. Каждого из этих отдельных людей непрерывно терзают противоборствующие в нем силы. Мнение историка И.Е. Забелина выражает отношение не только русского, но и некоторых малочисленных народов к своей истории: *«Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу Историю и о каких-либо характерах-идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей Истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои! Вся наша История есть темное царство невежества, суесвятства, рабства и так дальше. Лицемерить нечего: так думает великое большинство образованных русских людей. Ясное дело, что такая история воспитывать героев не может, что на юношеские идеалы она должна действовать угнетающе. Самое лучшее, как юноша может поступить с такою историею, это – совсем не знать, существует ли она. Большинство так и поступает... Но не за то ли самое это большинство русской образованности несет, может быть, очень справедливый укор, что оно не имеет почвы под собою, что не чувствует в себе своего исторического национального сознания, а потому и умственно, и нравственно носится попутными ветрами во всякую сторону»⁸.*

России еще много надо времени и разума, чтобы почувствовать свое могущество в сотворенном ею же мире. Она исторически непрерывно гложет, терзает, мучает сама себя и свои народы, ибо внутренне противоречива и разорвана. Специалисты должны знать, что в самом русском народе как минимум 10–12 самостоятельных русских этносов, каждый со своими хороводами, песнями, костюмами, жилищами, кухней, говором. Разные «части» России, особенно мятежный и столь же противоречивый Кавказ, объективируются в виде противоборствующих национально-природных и этносоциальных сил, и разные ее воплощения насмерть сражаются друг с другом – я и о гераклитовом «агоне», который не давал и не дает покоя и северокавказскому, и российскому мультикультурному этнопсихоменталитету. Это отражается даже в риторике – правилах мышления и его языкового оформления, ведь когда человек говорит, он не только вступает в общение, но и утверждает собственную позицию и своё право на высказывание. История регулярно предоставляла государству российскому возможность разумного прогресса, который приводил бы все тенденции к единому обществу, к семье равноправных народов, способных взаимоприемлемо договариваться и примиряться в высшем синтезе. Вряд ли и сейчас, и в скором времени та или другая сторона отрешится от бурлящей воли, избавится от плена потребностей, страстей, даже по пути восхождения в медитацию.

Как правило, и агрессивные государства в целях территориальной экспансии, захвата внутренних ресурсов и прочих «приглянувшихся» территорий и стран всегда руководствовались определенными идеологическими и политическими лозунгами. Например, языческим русам приписывают примечательное обращение к своим противникам: *«Нет между нами и вами разногласия в вере. Мы желаем только власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас – хорошо повиноваться нам»*.

Исторически продвинутые культуры и цивилизации (*когда цивилизация – форма культуры, а культура – содержание цивилизации*) не должны мириться с отсутствием демократии, с «отсталыми» традициями, ценностями и нормами, которые международным сообществом воспринимаются как дикокаменные, варварские и опасные (*Россия – Кавказ, сегодня США – Ирак, Иран, Венесуэла, Корея, Куба и др.*). Конечно, чрезмерная самоуверенность «просветителей» и «цивилизаторов» всегда оборачивалась издержками расистского толка и продолжает нести в себе и сегодня невыносимые для якобы «доосевых народов» последствия. Здесь следует подчеркнуть существенную деталь: в обыденном сознании, в трудах примелькавшихся историков «цивилизация» чаще противопоставляется все же не «культуре», а «варварству», предполагающему «возврат» не к средневековью, а сразу к дикому состоянию. Кстати, у Хайдеггера есть мысль: нельзя доверять постижение истории историкам.

И об этом речь в работе. Культура соотносима с благодарной памятью о потомках, а цивилизация ассоциируется как бы с «порченной» культурой, воспроизводством вещей для современного потребительского, «чавкающего общества», хотя большинство интеллектуалов называют это общество постиндустриальным, информационным и пр. При этом культура, связанная с деятельностью одного или даже нескольких поколений, может отвергаться (*и даже подвергаться осмеянию и разрушению*) последующими поколениями. Поэтому развитие культуры связано с проблемой смысла истории, а сама история – с проблемой смысла смены поколений. Каждая цивилизованная общность культивирует свою особенность, провозглашая отличие себя от другой общности. История практически не зафиксировала примера общности, которая заявляла бы о своей полной идентичности со всеми остальными – имею в виду племя, союз или фратрии племен, этнос, народ, нацию, государственное образование. Однако не отрицаю феномена случайности, при котором, если даже какая-либо группа заявляет о своей полной идентичности с другой группой, это делается для того, чтобы подчеркнуть: и та и другая группа («мы» и «они») принадлежат к некоей особой, отличающейся от других, уникальной общности, скажем – аланской. Однако осетины только себя считают прямыми потомками ираноязычных алан; балкарцы и карачаевцы добиваются от истории, чтобы аланы владели тюркской речью; а вот вайнахские исследователи претендуют на земли, входившие в состав Аланского царства.

Правомерно привести конкретные примеры по Карачаево-Черкесии, где каждая общность, начиная с рода, племени даже одной этнической группы,

пытается тем или иным способом четко продекларировать и определить свои границы, отделяя себя от других сообществ (напомню о родоплеменных сходах, фамильных собраниях). Робкое, неспешное изучение некоторыми северокавказскими учеными феномена ментальностей, или картин мира, я теснейшим образом связываю с необходимостью исследования структуры горского общества, его социокультурной стратификации. Существующим сегодня предположениям о фундаментальной однородности мыслительных установок и способов чувствования, якобы присущих той или иной эпохе, история ментальностей обязана предоставить дифференцированную картину эмоционального мира и психической оснащенности тех же «дикокаменных туземцев», принадлежавших и XVII, и XIX векам, разным субкультурам как бинарной оппозиции: князя, знать – холопы, нукеры. Кавказский горец в этом контексте должен рассматриваться как представитель определенной культуры и пусть своеобразной, но цивилизации, которые в значительной мере формируют специфику его сознания, определяют его рефлексию и поступки. По мировоззрению и творчеству лишь «высоколобых» и «гордых» (Ногмов, Хан-Гирей, Казы-Гирей, etc.) не стоит нынешним историкам-аристократам (Бгажноков, Хотко, Унежев, etc.) стараться превозносить мир кабардинского общества как «золотой век» во главе с сакральным *уэркъ хабзэ*, который лежал в основании последующего *адьгэ хабзэ*, а не наоборот, как считают А. Марзей (Мирзоев) и др. Кстати, этому этикету в ноуменальном мире еще очень далеко даже сегодня до простых мусульманских адабов, воплощавших в себе столетия назад образ культурного и образованного общества и человека. В этноэтикетах (*абаза цIас, апсуафа, адыгагъэ, ёзден адет* и др.) надо долго искать хотя бы признаки *адабного гуманизма* – феномена, соответствовавшего характерному для Европы XVI века идеалу *humanitas*, то есть идеалу развития физических, нравственных и умственных способностей человека во имя всеобщего блага. Правоммерно в последующем честно признавать существовавшую огромную разницу в не всегда диалогических взаимоотношениях субкультур высшего сословия – меньшинства и широких бесправных масс горцев, у которых было свое восприятие культуры мира, картин мира, у которых отличные от знати этнонациональные и социальные ценности, образ мышления, жизни, etc. И главное – пора перестать тиражировать расхожее мнение, будто дворянская культура была единой, общенациональной культурой для какого бы то ни было одного народа. Ее бы следовало осознать ошибочной креатурой даже Бога.

Необходимо учитывать и такое понятие, как культура войны. Как выяснили исследователи, в большинстве культур различие между так называемым обычным человеком и воином подчеркивалось тем, что воин должен был, хотя бы на время, забыть о человеческом облике и принять образ какого-либо свирепого зверя. Герой ирландских саг при подготовке к сражению «превращался» в чудовище. Чаще всего такие превращения сопровождались эмоционально накаленной обстановкой и принятием наркотиков. На Гаити перед боем так называемые «подгоняльщики» бегали вокруг

своих товарищей и криками призывали их подражать «прожорливым собакам». В античной Греции гоплиты напивались допьяна и в таком «приподнятом» настроении вступали в бой. В Китае в эпоху Сун-Цу солдаты пили вино и смотрели танцы с мечами, чтобы привести себя в отчаянно-героическое возбуждение. Древние скифы курили табак, содержащий наркотические компоненты, а соседние племена пили хаума – средство, вызывающее агрессивные реакции. Персы спаивали боевых слонов. Воины амазонского племени яномами принимали перед боем галлюциногены...

А вот философия боя у северокавказского рыцаря, в частности на северо-западе региона, – это феерическая спектаклизация, где он выступает в качестве актера, жаждущего славы, известности. *Слава* – это, в первую очередь, театральное понятие. Стремление к славе не может существовать без яркого представления о некоей аудитории – без мысли о том, что о его славных подвигах узнают современники и *«те, кто придет»*. Он жертвовал преходящим «я» ради мнимого вечного «я». За сражением наблюдают народные музыканты, певцы, сказители, которые *«далеко раздающимся голосом воспевают храбрых и называют по именам боязливых... Присутствие популярного барда во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость»*⁹. Можно вспомнить П.-Ж. Прудона, отмечавшего, что война перерождает мужчину, способствует его возмужанию: *«В превознесении мужчины обнаруживает война всю силу своего обаяния»*¹⁰. И как свидетельствует Хан-Гирей, *«черкесы в день сражения одеваются в самые лучшие одежды»*, берут с собой блестящие шлемы, кольчуги, стрелы, используют богатые конские сбруи, издают боевые кличи для психологического самовозбуждения.

Итак, культура войны у кавказских горцев была иной, с иным видением этических понятий мужества и храбрости, со своими стратегическими принципами и стратегическим мышлением, иным видением мира и войны и своего особого места в них. Причем каждый при этом оставался актером: страх перед гибелью он подавлял чувством стыда, а чувство стыда детерминировалось чувством страха быть заподозренным, в свою очередь, в трусости, то есть бегстве с поля боя. Возможно, горцам не давала покоя и совесть как внутренний голос, о котором говорили еще древние. Совесть и стыд неразрывны с традициями, с опытом поколений. Не уверен насчет потенциации совести, но боязнь порицалась, она была антинормой рыцарского кодекса чести, военного образа жизни, отваги. Так общество регулировало и контролировало поведение своих членов. Думаю, чувства эти были основаны на значительно более высокой степени *дальновидности и расчетливости*, чем это имеет место в спонтанном чувстве страха. К тому же менталитет кавказца прочно был связан с обязательной ролью *«играть на публику, на зрителя»* в театре военных действий, и только здесь он мог получить общественное признание, славу, популярность и даже вердикт о своей достойной смерти с душераздирающими плакальщицами над своим телом.

В целом набеги и войны составляли едва ли не весь смысл жизни князей и дворян. Это стало привычкой, долгом, обязанностью, доставлявши-

ми участникам зрелища к тому же эстетическое удовлетворение. Боевые сражения были сродни искусству – на них не могли повлиять даже укorenившиеся нормы религиозной морали. Этот тип «культуры стыда» был свойствен также культуре Эллады, в которой основным критерием оценки поведения служило одобрение или порицание членами сообщества. Боязнь стыда, страх показаться трусливым, глупым и смешным принадлежали к числу важнейших мотивов, определявших поведение древнего грека в обществе. Другой стороной этого было стремление к первенству, утверждение своей особенности как лучшего среди равных. Стремление человека к богатству происходит лишь ради славы, которая стоит выше богатства. В западноевропейской антропологической литературе различают также «культуру вины», где определяющей является внутренняя система ценностей – «суд совести», не зависящий непосредственно от внешних оценок со стороны других людей¹¹.

Стратагемность кавказского горца отличалась и от древнекитайской, являвшейся школой психологического и политического противоборства, которой были присущи свои законы и требования. Как писал Сюнь-Цзы в «Трактате о военном искусстве»: «Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; заманивай его выгодой, приведи его в расстройство и бери его; если он силен, уклоняйся от него»¹². То есть, согласно китайскому мыслителю, логическое искусство стратагем – это умение облекать предварительные стратегические расчеты и планы в форму ловушек, в скрытые от противника хитроумные политические западни. Древнеиндийский «Артхашастра» («артха» – богатство, материальные ценности и власть над ними, «шастра» – трактат) считает, что открытую войну следует предпринимать в удобной для себя местности при хорошем войске, при подготовленных переговорах и располагая удобным для сражения временем. В противном случае надо воевать обманом. Сначала благодаря разглашению о своем мнимом поражении следует смешавшееся, разделившееся и не разделившееся войско врага, повернувшись, неожиданно уничтожить. Ударив по нему с фронта, чтобы оно дрогнуло и повернуло тыл, следует уничтожить его с тыла. Или же, ударив по нему с тыла, когда оно заколеблется и обратится к нападающему лицом, следует ударить по нему всей силой фронта. То, что брахманы, желающие неба, получают многими жертвами и покаянием, а также с помощью богатых даров достойным лицам, то в одно мгновение получают герои, отдающие жизнь в сражении. Пусть астрологи и другие спутники царя поднимают дух своих войск указанием на их превосходство, повсюду объявляя о том, что сила царя во всеведении и единении с божеством. Певцы и барды должны воспевать для героев небо, а трусов страшать адом; восхвалять касты, сообщества, род, дела и поведение сражающихся. Кавказцы и здесь не со всем согласны.

Предлагаемую работу «загружаю», таким образом, и необходимостью развития научной традиции изучения социально значимых конфликтов,

возникающих в культуре при решении проблемы войны и мира. Один из вариантов современного концептуального решения этой проблемы в проекции культуры предполагает переход от «культуры войны»¹³ к «культуре мира»¹⁴. Очевиден конфликтный характер данного перехода, ибо предстоит произвести кардинальные структурные изменения в культуре, осуществить смену культурных кодов жизни русской и северокавказской элиты, общественности, в целом российского многоэтнического и поликонфессионального народа, создать новые культурные модели поведения в отношении войны, изменить культурные приоритеты в ее *интерпретации*. Гераклит смог вписать войну в устройство мира, лишь показав ее связь с диалектическим принципом развития. Известная констатация им того, что «война – отец всех, царь всех», определяла человеческий удел адаптироваться к войнам и учиться воевать. Пифагор, пожалуй, первым в европейской философии пытается внести культурное ограничение в войны, когда утверждает: «Война будет законной и дозволенной, если воевать как человек с человеком»¹⁵. По существу им высказывается мысль о создании школы войны, которую вынужден пройти человек, чтобы остаться при этом человеком.

Попытки историков дать свою оценку интерпретациям войны, начиная с рыцарских набегов, первой и второй Отечественных войн, великой Кавказской войны на северо-западе российского Кавказа и кончая военными событиями теперь уже на северо-востоке (Чечня, Дагестан, Ингушетия, Осетия-Алания) этого региона, не прекращаются и сегодня. Мало кто из вышедших тогда на кавказскую «тропу войны» знал и вспоминал, что еще император Павел I, импульсивный и непоследовательный самодержец, настоятельно выдвигал идею автономизации Кавказа. Однако ястребы военной оппозиции державы и межнациональные разногласия горделивых князей гор свели на нет эту «инициативу» императора. Часть исследователей считает, что российское общество не проявляло особого интереса к войне на Кавказе, память общества о завоевании края носила откровенно периферийный характер.

Точно так же различные интерпретации связаны и с войной 1812 года. С приходом Наполеона русские крестьяне связывали перспективы освобождения от крепостного рабства. «Александр доносили, что не только среди крестьян идут слухи о свободе, что уже и среди солдат поговаривают, будто Александр сам тайно просил Наполеона войти в Россию и освободить крестьян, потому, очевидно, что сам царь боится помещиков. А в Петербурге уже поговаривали... что Наполеон – сын Екатерины II и идет отнять у Александра свою законную всероссийскую корону, после чего и освободит крестьян»¹⁶. Наполеон изучил причины восстания Пугачева и подумывал, как удобнее разыграть крестьянскую карту, прогнозировал последствия освобождения от неволи крестьян, казаков, татар, etc. И он понял: русские дворяне боялись не столько континентальной блокады, сколько именно потрясения крепостного права в виде новой грандиозной «пугачевщины».

Потому Наполеон отверг «крестьянский» план кампании? Для императора новой, буржуазной Европы мужицкая революция оказалась непри-

емлемой. В речи, произнесенной им перед сенаторами в Париже 20 декабря 1812 года, Наполеон сказал: *«Я веду против России только политическую войну... Я мог вооружить против нее самой большую часть ее населения, провозгласив освобождение рабов; во множестве деревень меня просили об этом. Но когда я увидел огрубление этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая предала множество семейств на смерть и самые ужасные мучения»*¹⁷. Возможно, именно это решение, а не «генерал Зима» и не мудрость одноглазого полководца, повлияло на исход войны, названной историками Отечественной.

Подобные интерпретации, с одной стороны, стали частью культурной традиции, способствовали возникновению и распространению понимания войны не только как насилия, но как естественного средства обновления картины мира. С другой стороны, интерпретации всегда встречали сопротивление со стороны социальных и культурных сил, заинтересованных, в развязывании последующих кавказских войн с соплеменниками, потомками абазин, абхазов, адыгейцев, шапсугов, оставшимися после геноцида, именовавшихся военными, путешественниками в некоем единстве черкесами.

Дальнейшее движение в направлении изменения культурных приоритетов, в понимании природы войн, в частности двух мировых и Гражданской, привело к настоящему интерпретационному буму и повторно привлекло внимание к исторически затяжному конфликту между Россией и Кавказом, возникшему еще на ранних этапах их сопряжения в культуре и цивилизации. Яркий пример тому – множественность интерпретаций¹⁸ великой Кавказской войны (начиная с названий: «Русско-Кавказская», «Кавказско-Горская», «Кавказские войны» и пр. – и хронологий – начало 1722 г. – Персидский поход, окончание 1878 г. – последние массовые восстания горцев Абхазии, Терской обл.), войны Горской республики в начале XX в., Чеченской войны конца XX в., их причин. Все эти интерпретации извечных российских вопросов типа: *«Кто виноват?»*, *«Кому выгодно?»*, *«Что делать?»* и *etc.*, сопровождалась нескончаемым конфликтом между интерпретаторами и ориенталистами, тоже влияющим на методологию.

Вообще-то, русско-российский миф – очень важная вещь, которая моделирует анфиладу, свою «якость» и др. и может рефлексировать архаично или современно. Свое видение ситуации, основанное на обнаруженной информации, многие исследователи выдают за факты. Эти, по сути, субъективные «факты» приводятся по всему тексту работы. Хотя, как утверждал злой гений Ф. Ницше, *«нет фактов, есть только интерпретации»*. Этот тезис он положил в основу теории, в которой нашли свое место и идея сверхчеловека, и переоценка, и «стадо» (*средние люди, любители сбиваться в кучу, толпу, действовать и думать одинаково*). Налицо и потребность осознания политическими, социальными и культурными институтами того факта, что культура войны и содержание ее основных компонентов (философии войны, ее теории, права, морали, обычая, искусства, социализации, цивилизации, приватизации) нуждаются в изменении. В полемике о специфике

содержания конфликта интерпретаций великой Кавказской войны, при изложении противоречивости взаимоотношений царского самодержавия и горцев, конечно же, нельзя обойтись без философии и политики, идеологии и науки. Это помогает вырабатывать критико-рефлексивную установку мышления, мировоззренческие принципы, определять личностное отношение ко многим ценностям и идеалам. Вспомним, как император Александр I «...с вниманием, с волнением и тихонько пожимал руку историографа» Н. Карамзина при изучении его 12-томной русской истории, почерпнув в ней лишь одну идею: «Народы дикие любят свободу и независимость, народы цивилизованные – порядок и спокойствие»¹⁹. Это лишь один пример изменения во взглядах на войну одного из главных ее персонажей – руководителя армии и государства, императора всея Руси.

Сейчас самое время рассмотреть интерпретации войны как культурного конфликта и возникновение данного конфликта в культуре. Как было сказано, понимание войны в культуре – сложный и противоречивый процесс, имеющий в своем содержании конфликтную составляющую. Задолго до конфликта, во время него и после его сопровождает конфликт интерпретаций войны. Его следует понимать как ведущуюся на всем протяжении развития культуры острую полемику (очную и заочную) относительно смысла войны, в которой используются все имеющиеся в распоряжении культуры интерпретационные системы (мифология, религия, философия, идеология, искусство). Этот конфликт рассматривается в качестве культурного вследствие того, что конституируемая им несовместимость парадигм понимания ценности войны, наблюдаемая в культуре на протяжении всего ее развития, является, по существу, основным компонентом, характеризующим критическую стадию противоборства ценностно-нормативных установок, ориентаций, позиций, суждений. В субъектном плане это конфликт между создателями данных ценностей: отдельными творческими личностями, научными и философскими школами и сообществами, другими институтами духовного производства. Принципиальные расхождения между субъектами конфликта, ведущими к сущностной несовместимости понимания ими ценностей войны, обусловлены альтернативным решением вопроса о смысле войны. Современная война, например, – это не война железа с железом, это уже не война стихий (воды, земли, воздуха и огня), а поединок дигитальных волей – мобильных и компактных, в пределе вообще не имеющих «физического» измерения. Конфликт интерпретаций войны возникает вместе с концептуальным оформлением в культуре взаимоисключающих мнений о смысле войны, когда начинается острое духовное противоборство между культурными парадигмами осмысления войны (*приданием войне смысла и позитивных значений*) и, наоборот, обесмысливания войны (*лишением войны смысла и позитивных значений*). Вспомним приезд императора России на Кавказ, его речь и ответные выступления двух лидеров абадзехов – Хаджимуко-Хадже и Хатырби Цея перед критически-завершающей стадией войны в версиях адыгейского просветителя начала XX в. С. Сиюхова, с его не-

избывным «...выше бывлых исторических счётов», и современного писателя Адыгеи, абадзеха И. Машбаша.

Император постарался разъяснить горцам неизбежность покорения этой территории русскими: Кавказ все равно будет в составе России, и благоразумнее примириться с исторической неизбежностью подчинения. Кровавая война на этом закончится, всем горцам гарантируется безопасность и благополучие, будут сохранены их самобытность и религиозная самостоятельность, никто не будет вмешиваться в их внутренние дела. *«Царское слово крепкое, и я торжественно заявляю, что мое слово будет свято и нерушимо, это все я подтверждаю царским указом».* Народ слушает перевод полковника Лоова в гробовой тишине. Выступает Хаджимуко-Хадже: *«У меня любовь к Родине так велика, что был готов любой ценой сохранить ее для наших детей. Но теперь я вижу, что у нас не хватает сил оружием отстоять наши земли. Пришло время, когда мы должны войти в одно из соседних государств... Нам ближе религия Турции, но она не хочет оказать нам военной помощи... Русских много, нас мало, силы неравные, и нам не устоять! Мое мнение – принять предложение русского царя, покориться судьбе, за это Бог не осудит нас...»*

Кто бы обвинил Хаджимуко-Хадже в измене родине или народам, в чувстве страха или потере мужества? Кто бы что после ни сказал, возможно, не так бы была разительна демографическая и гуманитарная катастрофа, могли бы избежать гибели от оружия русской армии, от болезней и голода в Турции, от повторных сражений в роли наемных башибузуков для Османской империи, махаджирства и безвозвратной ассимиляции...

Хатырби Цей, имея в виду Лоова, спросил: *«Все ли правильно переводит этот абазинец?»* – и, обращаясь к Александру II, к истории, ответил как «держава державе»: *«Русский царь сказал то, что должен был сказать по своему долгу. Я не осуждаю его, просто наше желание не совпадает с его желанием... Русскому царю очень понравился Кавказ, и вот уже 60 лет он ведет войну за его покорение. Но и нам любя и дорога наша родина-мать, и мы, не жалея жизней, защищаем и отстаиваем ее... Кавказ будет или нашей колыбелью, или нашей могилой... Мы гибнем, но лучше гибель, чем рабство...»* Нужен ли был этот «последний бой чести», когда все знали, что война с русскими проиграна, ее продолжение бессмысленно? Кто мог воспользоваться славой, положив под жернова Севера и Юга остатки лучших племен абаза-адыгов? По версии Исхака Машбаша, абадзехский предводитель Х. Цей после глубоко и эмоционально переживал свой поступок, приведший к еще большему истреблению горцев, насильственному изгнанию в Турцию миллионов соотечественников: *«О Аллах, руки мои в крови, ум мой помутился. Не преклонил я свои колени перед царем, не мог подавить в себе гордыню... Зачем взвалил на себя эту ношу... Не понял, кто я и кто царь, кто они и кто мы... Даже вчера не смог предвидеть то, что будет с нами сегодня, и своей дерзостью принес всем вам истребление. И теперь кто я, как мне жить, что мне делать?»*²⁰ Немало тех, кто применит к нему принцип: «сукин сын, но наш сукин сын».

До настоящего дня конфликт интерпретаций войны затрагивает глубинные структуры человеческого интеллекта, в которых решается вопрос,

какому из взаимоисключающих представлений о смысле войны следует отдать предпочтение. В данном контексте конфликт интерпретаций войны представляет собой столкновение позиций здравого смысла (*общенравственной оценки войны как зла*), рассудка (*определения войны как средства, имеющего позитивный политический смысл*) и разума, пытающегося разрешить конфликт с помощью здравого смысла и рассудка и найти решение проблемы войны и мира, адекватное природе человека как разумного существа.

Множество или даже одно базовое понятие – «конфликтная ситуация» можно привести в случае с вторжением на территорию Северного Кавказа российской армии, являвшейся, по сути, самостоятельным фактором Великой Кавказской войны. Что характеризует конфликтное состояние экзистенций кавказской войны и кавказского мира (*включая Чечню*), их субъективное осознание с помощью всевозможных интерпретационных систем типа мифологии, религии, философии и пр.? Это вопрос «на засыпку», но и он уведет нас от основной темы. А вот возникновение в культуре идеологической парадигмы понимания приведет к новому обострению конфликта интерпретаций войны, но уже на ином культурном уровне. Идеология мира и идеология войны включают в контекст конфликтного противоборства духовный потенциал всех культурных форм (*религии, философии, науки*). Особо остро идеологическая интерпретация войны нуждалась и будет нуждаться именно в идеологическом обрамлении. Дело в том, что русские ученые, неважно – западники или славянофилы, – еще тогда муссировали «дикость» племен, их откровенный европоцентризм сводил все к столкновению просвещенного начала с варварством, а его кровавый инструмент – русская армия – при этом со временем сама «варваризовывалась». К сожалению, альтернативного описания событий той войны со стороны кавказских горцев нет. В последнее время российские политологи вновь начинают приуменьшать значение Кавказа для России. Приведу слова Б. Славного: *«Варварская периферия православной цивилизации... В душе они остались теми, кем были на протяжении веков: воинами, разбойниками, охотниками»; хирургическую рекомендацию депутата Госдумы РФ А. Хинштейна: «Пока гангрена не расползлась еще по всему телу, взять и отрезать этот больной кусок»; предложение газеты «Московский комсомолец»: «продать туркам или американцам за валюту (Чечню впридачу в виде бонуса)... Кавказ, поди, дорожке Аляски встанет».*

Возвращаясь к конфликтной ситуации, отмечу ее неоднозначность. Это переход от мифологической и религиозной к философской интерпретации войны; это исторически первая культурно значимая альтернатива в перцепции и понимании смысла войны. В картине мира, создаваемой мифологией (*те же «Нарты»*) и религией, языческой и мусульманской, люди беспомощны перед войной. Они воюют, подчиняясь велению высших сил, определяющих логику мирового развития, а в оценке войны руководствуются мифологическими и религиозными канонами культуры, к которой принадлежат. То, что ни мифология, ни религия в силу своей духовной

специфики не способны принципиально по-иному определить место и роль человека в войне, становится по мере накопления военного опыта кризисным фактором понимания войны в культуре, обусловившим подключение к этому процессу новой интерпретационной системы – философии. Именно философия конструирует новую культурную оптику, открывающую возможность объяснить войну естественными причинами. Она стремится определить истинное место рождения смысла войны (*является ли им божественный мир или мир земной*), установить истинного субъекта войны (*являются ли им боги или люди*) и создать антропологию войны, которая позволила бы определить правомочность претензий человека на самостоятельное решение вопросов войны и мира и его места в них. Трансфизическая реальность, или «метаистория» проституруется, таким образом, она есть внедосягаемость некоей ноосферы.

Для исполнения поставленных задач философия анализирует опыт войн и религиозно-мифологическое понимание войны, что подразумевает две противоположные стратегии постижения смысла войны. *Первая* стратегия предполагает определение этого смысла на основе интерпретации знания, полученного из опыта войн. *Вторая* предполагает определение смысла войны на основе суждений, выходящих за рамки опыта, и нацелена на создание различных интерпретаций «абсолютного» смысла войны, который, если соотносить его со смыслом, открытым на основе осознания существующего опыта, не так очевиден, как «опытный» смысл. Рефлексивное равновесие между данными стратегиями нарушается с самого начала, поскольку духовная оптика философии сфокусирована на постижении «предела вещей», на развитии у человека способности суждения о войне, выходящего далеко за рамки опыта войн. В результате философский смысл войны оказывается разведенным на полюса гипотезы и опыта. С вершин того и другого полюсов война видится по-разному. Смысл войны, постигаемый в процессе осознания опыта, показывает, что представляет собой война по отношению к различным социальным явлениям (*например, к политике*). Смысл войны, рождаемый как философское предположение, выходит за пределы имеющегося опыта и раскрывает существенное в пока еще не существующем, но возможном развитии, и выявляет предназначение войны.

Напомню, что первые философские предположения о предназначении войны (*Гераклит, Платон* и др.) высказываются на основе использования главных философских идей античной эпохи (*идеи диалектики, идеи единства мира* и пр.). По мере философского осмысления мира человек обнаруживает все больше аспектов своего существования, от которых напрямую зависит решение проблемы смысла войны. Увеличение числа философских интерпретаций бытия создавало условия для роста количества интерпретаций войны и их соперничества. В конфликте соперничающих между собой философских интерпретаций войны открываются новые грани смысла войны, и это приводит к тому, что в сфере ответственности философии конфликт интерпретаций войны развивается в направлении своего

усложнения. Собственно, именно философия, как рефлексивная интерпретационная система, обеспечивает понимание смысла войны, способствует расширению возможностей культуры в понимании войны. Вместе с тем появление философского понимания войны не означает преодоления философией религиозного понимания войны. Вряд ли это под силу философии, так как пока воюющий человек не перестанет ощущать потребность в единении с чем-то превосходящим его и нуждаться в божественном расположении, религиозная точка зрения на войну останется востребованной.

(Окончание следует)

¹ Гожев К.М. 1-я часть «Наездничество как фактор социального насилия» диалогии «Кавказ и Россия: сопряжение культур и цивилизаций» – рукопись (2007 г. – 515 с.) о традиционных общественных институтах северокавказских горцев, исторически непростых взаимоотношениях Кавказа и России в философском, культурологическом, политологическом, других аспектах с древнейших времен по сию пору.

² Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник русского исторического общества. № 2. М., 2000. – С. 237–238. Здесь историк как бы соглашается с расхожим в непрофессиональной среде мнением о представлении мифа как об обмане, выгодной для каких-то целей лжи. Однако миф для условий архаики зачастую правомерно воспринимать как действительную картину мира, принимаемую на веру как апробированный опытом предшествующих поколений образ действительности, не требующий доказательств.

³ Розин В.М. Природа сознания и проблема его изучения // Мир психологии. 1999. № 1. – С. 104–111.

⁴ Более подробно см.: Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные компании. М., 2005.

⁵ По всему тексту употребляю личное местоимение «я», так как не приемлю императорско-великокняжеское «мы», не прячусь за него, отвечаю за себя. «Прислонение» к преобладающему мнению большинства, привлечение на помощь этого самого большинства ведет к социальной мимикрии. Отсутствие личного местоимения «я» – важнейший признак первобытного сознания. С этим связано и отсутствие исторической памяти. И ребенок начинает помнить себя с того времени, когда впервые сказал о себе «я». Мифический Адам, оправдываясь перед Господом, уже говорит о себе в первом лице. Личностная ментальность, осознание себя является величайшим открытием человека, несоизмеримым ни с каким другим, он должен скорее вытеснить коммунальное «мы», тогда человек быстрее очеловечится.

⁶ Цит. по: В.Шнирельман. Быть аланами: интеллектуалы и политика. М., 2006. – С. 12.

⁷ Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002. – С. 36.

⁸ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1908. – С. 24.

⁹ Липинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. – С. 123.

¹⁰ Прудон П.-Ж. Война и мир. В 2-х т. Т. – М., 1864. – С. 62.

¹¹ Гожев К.М. Образование-конфликт-диалог (социально-философский анализ). Карачевск, 2002. – С. 26.

¹² Сюнь-Цзы. Антология мировой политической мысли // Зарубежная политическая мысль. М., 1997. – С. 140.

¹³ Сегодня много говорят о существующей возможности проложить путь от войны к миру через культуру. В концептуальном смысле это *переход от культуры войны к культуре мира*. Но они не антиподы. Изначальный смысл культуры войны – ее стремление внести в военную практику культурные нормы, позволяющие ограничить стихию войны, лишить уважительного отношения к противнику, демонизировать его, сделать дозволенным любые издевательства и зверства. Культура войны окультуривает практику ведения войны,

но не прекращает ее. Значит ли это, что двигаться по пути развития культуры войны преступно по той причине, что, по сути, это «больная» культура, что война вообще – это антикультура, варварство и пр.? Такое движение означает невозможность снять проблемы войны и мира в сфере культуры путем перехода от культуры войны к культуре мира, так как исключается сам факт существования внутрикультурного конфликта.

С сегодняшних позиций «культура войны» – это культура, в которой война или угроза войной считается приемлемым инструментом разрешения спора. Люди такой культуры – не обязательно политики или военные. Они могут быть менеджерами, инженерами, учеными. Они такими стали в результате воспитания и социокультурного воздействия. Исследователи (Б. Калинин, А. Капто, Ж. Семлен) видят достаточно позитивные подвижки в осуществлении перехода культуры войны к культуре мира.

¹⁴ Культура мира отдает предпочтение не абстрактному пацифизму, практике предотвращения войн по принципу «мир без войны и насилия». Она применительно к миру без войн ориентирована на совершенствование человеческого навыка управлять войной для ее предотвращения, прийти к жизни без войн. В сегодняшней, возможно, либеральной трактовке «культура мира» – это признание среди людей таких правил отношений в конфликтных ситуациях, которые позволяют разрешить конфликт мирным путем, уважая достоинство любой из сторон, с соблюдением ее жизненных интересов и прав человека.

¹⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. – С. 501.

¹⁶ Тарле Е. Наполеон. М., 1991. – С. 278–279.

¹⁷ Цит. по: Жидков В.С. Культурная политика России. М., 2001. – Семевский В. Волнения крестьян в 1812 г., связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество. М., 1912. – С. 78–79.

¹⁸ В философии «интерпретация» представляется интеллектуальной процедурой, имеющей отношение к *пониманию*. В. Дильтей термин «интерпретация» использует как фундаментальное понятие, раскрывающее специфику понимания наряду с «толкованием», «вчувствованием», «осмыслением». П. Рикер писал: «...интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов». В интеллектуальной сфере конфликт интерпретаций протекает в виде острого противоборства между здравым смыслом (*общественной оценкой войны как зла*), рассудком (*политическим определением войны как средства, имеющего позитивный политический смысл*) и разумом, который хочет взять на себя функции арбитра и разрешить этот спор.

¹⁹ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. М., 1981. – С. 175.

²⁰ Все предшествующие цитаты по этому автору. См.: Машбаш. Жернова. Майкоп, 1993.

ББК 63.3(2)6
УДК 947

М.Ф. Полынов

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА КАК СПОСОБ БОРЬБЫ США ПРОТИВ СССР

Возникновение холодной войны было закономерным явлением, результатом сознательной политики администрации США, направленной на установление американского господства в послевоенном мире. США своих внешнеполитических целей могли достигнуть только через конфронтацию, то есть через «холодную войну». Одним из главных методов борьбы была гонка вооружений, направленная на экономическое ослабление Советского Союза.

Ключевые слова:

внешняя политика, конфронтация, международные отношения, план Маршалла, СССР, США, «холодная война»

После окончания Второй мировой войны начинается новый этап во взаимоотношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего между СССР и США, – этап «холодной войны». В настоящее время большинство отечественных и зарубежных историков под сущностью «холодной войны» понимают политическую, экономическую, идеологическую и локальную военную конфронтацию двух антагонистических систем – капитализма и социализма.

В научной литературе по истории «холодной войны» исследователи часто задают вопрос: кто развязал, кто начал «холодную войну»? На этот вопрос в течение десятилетий в западной историографии практически все историки давали один ответ: виновник – Советский Союз. В советской же историографии приводилась масса аргументов, доказывающих, что «холодную войну развязали США.

В современной российской историографии уделяется серьезное внимание изучению проблем «холодной войны», особенно ее начального этапа¹.

Эти работы, написанные на основе привлечения большого количества ранее неизвестных документов, серьезно расширили представления о начальном этапе «холодной войны». Публикации постсоветского периода позволили сделать вывод о возникновении новой истории «холодной войны»². Российские исследователи отошли от традиционных представлений, господствовавших в советской историографии, что виновником в развязывании «холодной войны» выступали США, Запад. Новизна отечественной либеральной концепции «холодной войны» заключается в том, что ответственность за ее возникновение несут в равной степени обе стороны – и США и СССР, а последний, возможно, даже большую ответственность.

Однако обращает на себя внимание то, что в исследованиях российских историков постсоветского времени мало внимания уделяется критическому анализу политики США и слишком много – политике Советского Союза. Под таким углом зрения прошли и некоторые важные международные научные конференции по этой проблеме³. В них политика советского руководства оценивается более критически, чем политика американской администрации. Вольно или невольно, но подобное смещение акцентов в одну сторону способствует формированию одностороннего, а то и вовсе неправильного представления о причинах возникновения «холодной войны» и ее главных инициаторах. С.Г. Кара-Мурза совершенно резонно заметил, что «за годы перестройки нас убедили, что «холодная война» была порождена угрозой экспансии со стороны СССР, который якобы стремился к мировому господству. Это – недавний миф, в послевоенные годы никто из серьезных людей в него не верил. Выбор между войной и миром был сделан именно на Западе»⁴.

Вопрос о причинах «холодной войны» и главном ее инициаторе является ключевым. Ответ на этот вопрос требует выявления реального социально-экономического положения СССР и США после Второй мировой войны и мотивов, которыми они руководствовались в своей политике.

Немецкий историк Бернд Грайнер задает вопрос: кто был заинтересован в «холодной войне» и кто дал ей старт?⁵ Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно хотя бы коротко сопоставить экономический потенциал США и СССР, сложившийся к концу войны. И тогда многое станет более понятным.

Ко времени окончания войны в экономических потенциалах этих двух стран возникло огромный дисбаланс. Конечно, и перед войной существовали серьезные диспропорции во всех областях экономики в пользу США. Но в ходе войны эти диспропорции еще больше увеличились. В Америке в годы войны произошел громадный рост промышленного производства: почти в два с половиной раза. Без учета СССР промышленность США производила больше, чем весь остальной мир вместе взятый. На основе советских источников и литературы, итальянский историк Джузеппе Боффа сделал вывод о том, что контраст между американскими условиями жизни и той отчаянной нищетой, в которой жил советский народ, был глубочайшим⁶. У него же также обнаруживаем, что продукция советской

черной металлургии составляла 16–18% от американского уровня. Производство химической промышленности в Соединенных Штатах было выше, чем в СССР, в 10–20 раз; производство текстильной промышленности – в 6–13 раз; Соотношение между промышленностью двух стран может быть выражено как 5:1. Положение в советской деревне также было катастрофическим⁷. Историки отмечают, что наша страна была вынуждена вступить в соревнование с потенциальным противником, уступая ему по экономическим возможностям в 6–8 раз⁸. В ходе войны у американцев был создан мощный военно-промышленный комплекс, который после войны был сохранен и стал быстро модернизироваться на новой технологической основе.

Огромное экономическое превосходство Америки над Советским Союзом дополнялось еще и военным превосходством: они стали монопольными обладателями атомного оружия. Сложность положения, в котором оказался СССР после завершения войны, отмечает даже Генри Киссинджер. «В 1945 году, – пишет он, – Советский Союз, ослабленный потерей десятков миллионов жизней и опустошением трети своей территории, очутился лицом к лицу с не пострадавшей от войны Америкой, обладающей атомной монополией»⁹.

Кроме того, США находились в гораздо более благоприятном геополитическом положении, чем Советский Союз. Они в то время могли рассчитывать на полную безопасность, так как их территория была не досягаема, даже если бы СССР имел атомную бомбу. У него, как известно, не было средств доставки, и США считали, что он не сможет создать эти средства в ближайшем будущем. Напротив, безопасность СССР была другой: он был уязвим со стороны США. Америка могла доставить атомное оружие до целей в СССР. В Европе были расположены американские бомбардировщики дальнего действия. В 1949 году в непосредственной близости от границ СССР и его союзников насчитывалось более 300 американских баз.

Неравенство сил между двумя странами было огромным, и это американская администрация ясно осознавала. Президент Трумэн говорил: «Мы вышли из этой войны как самая мощная в мире держава, возможно, самая могущественная в человеческой истории». Следует согласиться, что в этих словах не было никакого преувеличения. Он сказал то, что было в реальности. А Черчилль еще до окончания Второй мировой войны в частной беседе с бывшим послом США в Москве Авереллом Гарриманом высказался четко и вполне определенно: «Центром власти является Вашингтон». Это были не просто слова. Это было признание лидирующей роли США западным миром. В самой Америке в этом превосходстве также не сомневались. «В США господствовало всеобщее убеждение, – пишет Дж.Боффа, – в превосходстве своей страны над всеми другими. Все были согласны не только с амбициозной целью руководить миром, но даже со стремлением, выраженным в еще более сильной формулировке: «перестроить по образцу и подобию Соединенных Штатов»¹⁰.

Из выше приведенных данных мы видим, что экономическое положение СССР и США было различным. Если первый вышел из войны победителем, но обескровленным и с глубоко деформированной экономикой, то США – могущественной в экономическом и военном отношении державой. К тому же у них не было таких проблем после войны как у Советского Союза: восстанавливать тысячи предприятий, школ, больниц, сел, деревень, дорог и т.д.

В историографии дискуссионным является вопрос о времени возникновения «холодной войны». Трудность заключается в том, что она началась медленно и постепенно, и ее никто никому не объявлял.

Признаки серьезной конфронтации между союзниками возникли на завершающем этапе Второй мировой войны, то есть когда антигитлеровская коалиция еще существовала. Это главным образом было связано с приходом к власти после смерти Ф. Рузвельта, 12 апреля 1945 г., Трумэна. Преемник Рузвельта поставил под сомнение полезность любых соглашений с Москвой. «Это (советско-американское сотрудничество – М.П.) нужно ломать сейчас или никогда...» – заявил он. Трумэн полагал, что «русские» только мешают США и последние вполне обойдутся без взаимопонимания с СССР¹¹. Вскоре после смерти Рузвельта в Вашингтоне состоялась встреча Молотова с Трумэном, в ходе которой советский министр иностранных дел подвергся «холодному душу», прежде всего, по польскому вопросу¹².

Без каких либо объяснений американская сторона также прекратила поставки в СССР по ленд-лизу. 12 мая в ноте заместителя Госсекретаря США Грю говорилось, что «отгрузка поставок согласно ныне действующей программе по ленд-лизу для СССР будет немедленно видоизменена с учетом конца организованных военных действий в Европе». Во исполнение этого решения была отдана команда не только на прекращение погрузок товаров по ленд-лизу, но и о возвращении судов, находящихся в пути в порты в СССР и даже подошедших к его берегам. Для советского руководства это было полной неожиданностью¹³. Однако просить США о продолжении таких поставок оно не стало. Более того, в шифровке Молотова послу в Вашингтоне критиковалась позиция председателя Амторга, пытавшегося протестовать перед американскими официальными лицами: «Скажите т. Ермину, чтобы он не клянчил перед американскими властями насчет поставок и не высывался вперед со своими жалкими протестами. Если США хотят прекратить поставки, тем хуже для них»¹⁴.

В сентябре 1945 г. США поставили Советскому Союзу неприемлемые условия для получения ранее обещанного займа. От него требовали, чтобы в «обмен на американский заем, он изменил свою систему правления и отказался от сферы влияния в Восточной Европе»¹⁵.

Весьма показательными являются также слова Дж. Кеннана, американского дипломата, сотрудника посольства США в Москве, зафиксированные английским журналистом Ральфом Паркером. Свои откровения Кеннан делал 9 мая 1945 г., когда миллионы москвичей устроили ликование по поводу победы над Германией. Паркер описывает ситуацию

так: «Он стоял у закрытого окна так, чтобы его не было видно, чуть отодвинув длинную портьеру. Он молча наблюдал за толпой ликующих людей, по праву гордившихся своей страной, армией и их вождем-генералиссимусом. Я заметил на лице Кеннана странно-раздраженное выражение. Бросив последний взгляд на людей, он, отойдя от окна, злобно сказал: «Ликуют. Они думают, что война кончилась. А она только начинается!»¹⁶.

В те же майские дни в госдепартаменте США даже ставился вопрос о том, стоит ли президенту Трумэну брать на себя обязательства, данные Рузвельтом на Ялтинской конференции. Речь шла о ялтинских соглашениях по Дальнему Востоку, касающихся Советского Союза¹⁷.

Подозрительность и напряженность в отношениях между СССР и США серьезно возросла после атомной бомбардировки 6 и 9 августа 1945 г. японских городов Хиросимы и Нагасаки. Это было сделано в полной тайне от своего союзника. В зарубежной и отечественной историографии подавляющее большинство историков считает, что военной необходимости в применении атомного оружия не было. Это понимали и сами американские политики. Ну почему же они тогда пошли на такой варварский акт? Как позднее признавался Госсекретарь США Д. Бирнс, применение Соединенными Штатами атомных бомб против Японии было необходимо для того, чтобы «сделать Россию более сговорчивой в Европе» или, по выражению Г. Трумэна, «найти управу на этих русских».

Озабоченность по поводу ухудшавшихся дружественных отношений высказал генерал Дуайт Эйзенхауэр, который по приглашению маршала Г.К. Жукова находился в те дни в Москве. В атомной бомбардировке Японии он увидел непосредственную угрозу отношениям между Россией и США. В советской столице он был принят очень тепло, имел встречи со Сталиным и даже во время спортивного парада на Красной площади 12 августа 1945 г. находился вместе с советскими руководителями на Мавзолее Ленина, что было, как заметил биограф Эйзенхауэра Амброс Стивен, «уникальной честью для нерусского не коммуниста»¹⁸. Корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» в те дни генерал сказал, что чувствовал везде «атмосферу искреннего гостеприимства»¹⁹. Он также отметил, что «до использования атомной бомбы я был уверен, что сможем сохранить мир с Россией. Теперь не знаю. Я надеялся, что в этой войне атомная бомба не будет использована... Люди повсюду испуганы и обеспокоены. Опять все почувствовали беспокойство»²⁰.

После капитуляции Японии не минуло и двух недель как стратеги Комитета начальников штабов (КНШ) принялись за разработку новой «Стратегической концепции и плана использования вооруженных сил США», исходившей из того, что «единственной ведущей державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках ООН, является СССР». Выдвинутая в этом документе «Стратегическая концепция разгрома России» стала быстро обретать очертания конкретных военных планов: уже в сентябре 1945 г. был разработан первый из таких планов, предусматри-

вавший стратегические бомбардировки 20 крупнейших советских городов с использованием атомного оружия²¹.

Однако еще до этого плана, в апреле–мае 1945 г. британский союзник СССР разработал с участием представителей США план войны против Советского Союза под кодовым названием «Немыслимое». Об этом мировая общественность узнала только в 1998 г., когда Государственный архив Великобритании опубликовал эти документы.

В документе общеполитическая цель войны была определена следующим образом: навязать русским (*так в тексте – М.П.*) волю Соединенных Штатов и Британской империи²². По этому плану предполагалось навязывание России тотальной войны, оккупацию ее территории, чтобы свести военный потенциал страны до уровня, при котором дальнейшее сопротивление русских становится невозможным²³.

«Трумэнскому руководству, – пишет А.И. Уткин, – требовалось более или менее убедительное объяснение своей враждебности к вчерашнему союзнику. Вдохновители американской внешней политики искали необходимое идейное основание для пересмотра всех выработывавшихся в ходе военного сотрудничества форм американско-советских отношений. И оно было найдено. Именно в эти дни в Вашингтон начинают поступать получившие широкую известность телеграммы от американского поверенного в Москве Дж. Кеннана»²⁴. Ральф Паркер, знавший его, дал такую оценку его взглядам: «... Кеннан всегда смотрел на Россию как на страну, которую американцам еще предстоит завоевать и колонизировать»²⁵.

В одной из телеграмм, отправленной 22 февраля 1946 г., состоявшей из 8 тысяч слов и вошедшей в историю как «длинная телеграмма Кеннана», а затем в статье «Источники советского поведения», опубликованной в июле 1947 г. в американском журнале «Форин афферс» за подписью «Икс», Кеннан призывает оказывать на СССР давление, указывая, что тот признает только силу. Экономическое и политическое давление США должны оказывать на СССР для того, – по его мнению, – чтобы обострять присущие советской системе противоречия²⁶.

Нужно заметить, что подобная методология была в основе внешней политики США в отношении СССР вплоть до его ликвидации в 1991 году.

Дж. Кеннан стал одним из главных основоположников, творцов доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма (*то есть России – М.П.*). Эта доктрина должна была объединить все западные страны в противостоянии с Россией. Она предполагала в отношении России проведение жесткой силовой политики. Запрещалось предоставлять Советскому Союзу кредиты, продавать современные технологии и навязывалась дорогостоящая изматывающая гонка вооружений.

Позднее, в 1994 году в благодарственной речи по случаю своего 90-летия, Кеннан сделал запоздалое признание в том, что инициаторами «холодной войны» были США, выступившие принципиально против каких-либо переговоров с Россией. «Через три года после этого (*длинной телеграммы Советскому Союзу – М.П.*), Советскому Союзу, – писал Дж.

Кеннан, – случилось одно из величайших разочарований в моей жизни – я выяснил, что ни наше правительство, ни наши западноевропейские союзники совершенно не заинтересованы в ведении каких-либо переговоров с Советским Союзом. Те и другие хотели от Москвы применительно к будущему Европы только одного – безоговорочной капитуляции. Они были готовы ждать ее. Это и было начало сорокалетней «холодной войны»²⁷.

Военные планы в отношении СССР со стороны США разрабатывались и в последующем. В 1947–1949 гг. они основывались на следующем понимании. Первое: война с СССР – реальность, если не удастся «отбросить» мировой социализм; второе: СССР и его союзники не должны достигнуть уровня США в военном и экономическом отношении; третье: США должны быть готовыми первыми использовать ядерное оружие²⁸. Среди известных планов нападения на СССР были такие, как «Чариотер», «Дропшот», «Троуджен», «Хафмун», «Флитвуд», «Даблстар». По плану «Дропшот», реализация которого намечалась на 1957 год, предполагалось на первом этапе: сбросить на 100 городов Советского Союза 300 атомных бомб и 250 тыс. т обычных бомб, уничтожить до 85% промышленности. На втором этапе – наступление наземных сил НАТО: 164 дивизии, включая 69 американских. В ходе войны, СССР предполагалось оккупировать²⁹.

Привлекательность кеннановского анализа для «вашингтонского сообщества» заключалась не только в том, что он снимал с США всякую моральную ответственность за прогрессирующий развал Союза и обострение международной обстановки, но и целиком перекладывал ее на СССР. В концептуальном плане выводы Кеннана довели до формулировки антитезы рузвельтовскому подходу к СССР: имманентная агрессивность советской системы (вместо рационального поведения великой державы), «неисправимость» советского поведения (вместо эластичности мотивов СССР) и как следствие – ставка на «слом» или «размягчение» этой системы под действием превосходящей силы (вместо ее постепенной интеграции в мировое сообщество)³⁰.

Огромное значение в эскалации «холодной войны» имела фултонская речь Черчилля 5 марта 1946 г., произнесенная в присутствии американского президента Трумэна. С этого времени союзники по антигитлеровской коалиции официально стали рассматривать друг друга как противников. Г. Киссинджер с радостью пишет в своей работе «Дипломатия»: «Черчилль снискал широчайшую признательность, как человек, объявившей о начале «холодной войны»³¹.

Наиболее опасным в выступлении Черчилля следует выделить два момента. Первый. Он призвал народы, говорящие на английском языке, сплотиться для борьбы против коммунистических государств (*читай: против России и ее союзников – М.П.*). Это был призыв к созданию англо-американского альянса против СССР. Второй. Он говорил об утверждении ведущей роли англо-говорящих народов в послевоенном мире и, в этих целях, они должны объединить усилия, особенно, в военной области³².

В Москве выступление Черчилля оценили как опасную угрозу. Это был открытый вызов. В Советском Союзе прекрасно понимали, что голосом Черчилля говорит Америка. По сути дела, эта была политическая программа, доктрина. В открытой форме всему Западу подсказывалась новая методология подхода к СССР³³.

Советский Союз оказался перед серьезной проблемой. Вступить ли изможденной, разоренной стране в открытое противоборство с супердержавой, вооруженной атомным оружием?

Необходимо особо подчеркнуть, что Запад не оставлял для Сталина больших возможностей для маневра. Вопрос в отношении СССР был поставлен предельно жестко: либо он признает гегемонию Америки и пойдет в фарватере ее политики, либо изматывающее в гонке вооружений противоборство.

Но Советский Союз, внесший решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и находившийся теперь на пути становления как сверхдержавы, признать свою вторичность в послевоенном мире и англо-американское господство в нем не мог. Через девять дней после выступления Черчилля, 13 марта, Сталин дал ответ.

Нужно заметить, что особого энтузиазма фултонская речь в мире не вызвала, так как стратегия, провозглашенная им в выступлении, нацеливала на борьбу с политическим противником вплоть до самых крайних форм, то есть до войны. Но, человечество, пережившее совсем недавно истребительную войну и вернувшееся к мирной жизни, такая перспектива явно не устраивала. И Сталин это понимал. Он хорошо подготовился к ответу и, нужно сказать, что ему удалось дать в научном и политическом отношении, сильный ответ. «Народам, – заявил Сталин, – а значит и СССР, – предъявили «нечто вроде ультиматума»: признаете наше руководство и превосходство, и тогда все пойдет хорошо, в противном случае война неизбежна. «Но, – добавил Сталин, – нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлера господством Черчиллей».³⁴

Противоборство между США и СССР становилось все более открытым и необратимым.

Были в США деятели, которые предвидели, к чему приведет взятая администрацией Трумэна политика. Министр торговли Генри Уоллес в сентябре 1946 г. направил президенту письмо с предложением отказаться от развязывания «холодной войны» и начавшейся в США гонки вооружений и строительства военных баз. В частности, он писал: «Мы должны признать, что наш интерес в делах Восточной Европы столь же ограничен, как интерес России в Латинской Америке, Западной Европе и Соединенных Штатах... Наши действия наводят на мысль: 1) что мы готовимся к тому, чтобы победить в войне, которая нам кажется неизбежной; 2) или что мы собираемся накопить превосходящие силы, чтобы запугать остальную часть человечества.

Как бы мы чувствовали себя, если бы Россия имела атомную бомбу, а мы нет, если бы Россия имела 10 тыс. бомбардировщиков и воздушные базы вблизи от наших берегов, а мы – нет?»³⁵

Через три дня Уоллес был отправлен в отставку.

Однако Москва не искала поводов для конфликтов с США. Наоборот, она проявляла и в этих условиях заинтересованность в сотрудничестве. В марте 1946 г. советское руководство предложило заключить советско-американский договор о дружбе, торговле и навигации. Одновременно велись переговоры об условиях предоставления СССР американского кредита в 1 млрд долларов для нужд восстановления разрушенного хозяйства. Обе инициативы окончились безрезультатно³⁶.

Фултонская речь Черчилля вскоре превратилась в официальную политику США – «доктрину Трумэна», согласно которой «мир в целом должен принять американскую систему». В рамках этой доктрины, чтобы удерживать те или иные страны в сфере американского влияния и не допустить углубления позиций левых сил, предусматривалось оказание материальной помощи (речь тогда шла о Греции и Турции)³⁷. Доктрина Трумэна обязывала США бороться с коммунистическим движением, любой попыткой коммунистического устройства, любыми притязаниями СССР.

«Эта доктрина, – по мнению В.О. Рукавишникова, – предопределяла стратегию американской внешней политики и политики безопасности на многие годы вперед. Она поддерживалась администрациями, сформированными как республиканской, так и демократической партиями, вплоть до распада мировой системы социализма (и более того, порой кажется, что она жива и поныне)»³⁸.

Составной частью доктрины Трумэна стал «план Маршалла». Вот почему изначально он был задуман таким образом, чтобы не допустить участие в нем Советского Союза, хотя в открытой форме об этом нигде и не говорилось. «В принципе в «плане Маршалла» могли участвовать, – как пишет Ван ден Берге, – и Советский Союз, и восточно европейские страны. Однако в этом инициаторы «плана» не были до конца искренни, потому что знали, что он наверняка не будет одобрен конгрессом, если доллары потекут в Советский Союз. Трумэн и Маршалл в тайне надеялись, что Советский Союз отклонит это предложение, что не только упростило бы положение дел, но и имело бы большую пропагандистскую ценность для США»³⁹.

Диссонансом подобной точке зрения выступает появившееся в постсоветской историографии утверждение о том, что сталинское руководство по политическим соображениям отказавшись участвовать в плане Маршалла, лишило СССР значительной финансовой помощи, предлагавшейся ему по этому плану, обрекая собственный народ на дополнительные страдания. Политическая тенденциозность такого подхода очевидна: все взыскать на советское руководство и обелить американское.

Госсекретарь Дж. Маршалл 5 июня 1947 г. представлял план помощи европейским странам как акт американской благотворительности и бес-

корыстности. В реальности же через этот план США добивались стратегических и экономических целей.

Основными целями плана Маршалла являлись стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе, создание единой экономической системы, где Америка играла бы ведущую роль, а также подрыв советского влияния в Восточной Европе. Не случайно он был назван «Планом реконструкции экономики Европы».

Задуманный план был нацелен на то, чтобы открыть доступ к западноевропейским рынкам и сферам капиталовложения деловым кругам США и тем самым прочно привязать к себе Европу экономически и политически.

Вопрос об участии СССР в плане Маршалла не поднимался. США никогда не предлагали СССР присоединиться к нему. В официальных документах США 1947 и 1948 годов не содержится предложения и странам Восточной Европы⁴⁰.

В июне 1947 г. по приглашению Англии и Франции СССР принял участие в конференции министров иностранных дел трех государств в Париже. Это приглашение было, как пишет Ю.П. Бокарев, «скорее всего данью вежливости по отношению к союзнику, и никто не рассчитывал, что СССР его примет»⁴¹.

У советского руководства отношение к плану Маршалла было положительным, поэтому оно и приняло предложение участвовать в Парижской конференции. Но именно это спутало американские карты. Участие СССР в Парижской конференции не входило в их планы. Не случайно на конференции предложения В.М. Молотова были отвергнуты министрами иностранных дел Франции и Англии – Бидо и Бевиним. Эти предложения были следующими: во-первых, каждая страна сама должна получить возможность определять форму помощи; во-вторых, должно быть проведено разграничение между теми странами, которые были в войне союзниками, противниками и нейтральными.

Министр иностранных дел Франции Бидо предупредил посольство Франции в Лондоне: «... важно не создавать ощущения, что мы сговариваемся исключительно с Западом относительно предложения, которое сделано нам господином Маршаллом». В публичных заявлениях Бидо и Бевин выражали заинтересованность в привлечении СССР к осуществлению плана Маршалла, но в то же время каждый из них заверял американского посла в Париже Дж. Кэффери, что надеется на «отказ Советов сотрудничать»⁴².

Не могли устроить Советский Союз и такие условия получения помощи, как требование сделать советскую экономику и экономические показатели прозрачными. «Американским донорам нужно было предоставить сведения о структуре советской экономики, открыть двери для американских компаний, передать американцам значительную степень контроля над внутренними экономическими процессами в Советском Союзе. Было ясно, что СССР, – как пишет А.И. Уткин, – не согласится с подобными условиями»⁴³. Но один из пунктов плана был для СССР совершенно неприемлем:

принявшие американский план страны должны были согласовать свой экспортный список урана в СССР. Это касалось Восточной зоны Германии и Чехословакии, которая наряду с Германией была главным адресатом «плана Маршалла» среди стран Центральной Европы⁴⁴.

Страны Восточной Европы могли принять участие в этом плане. Но выдвигалось важное политическое условие: прекращение ориентации политики последних на Советский Союз. Ставилась, как видно, цель вбить клин между СССР и его союзниками. Предполагалось также использовать ресурсы стран Восточной Европы для восстановления западной части континента. Фактически план был составлен таким образом, что участие в нем Советского Союза и стран Восточной Европы выглядело весьма проблематичным⁴⁵. Иными словами, чтобы исключить СССР из программы, нужно было поставить его в такие условия, когда он вынужден был от нее отказаться «добровольно». Все по-американски: делать хорошую мину при плохой игре.

План Маршалла привел к окончательному расколу Европы на две части: Восточную Европу и Западную Европу. Но нельзя не видеть и того, что этот план все-таки вбил определенный политический и психологический клин между СССР и странами Восточной Европы. Советское руководство вынуждено было оказывать серьезное давление на правительства Чехословакии и Польши, только после этого они отказались от участия в плане Маршалла. Психологический аспект этой проблемы заключался в том, что Соединенные Штаты в глазах европейских народов выглядели дающей страной, а Советский Союз – отбирающей, поскольку основные репарационные притязания СССР удовлетворял за счет восточной зоны оккупации (будущей ГДР), а также бывших союзников третьего рейха, теперь вошедших в советскую зону влияния. СССР получал репарации из Венгрии, Румынии, Болгарии, части Германии, вошедшей в состав Польши. Еще до плана Маршалла в этих странах уже существовало отрицательное отношение к этой политике. Политические потери, которые нес СССР, были очевидны. Практика изъятия машин и оборудования в восточной зоне оккупации Германии серьезно подорвала авторитет, которым пользовалась советская политика у немецкого населения, причем эти изменения больше всего сказались на настроениях немецких рабочих, именно той силы, которая рассматривалась в качестве основного классового союзника СССР⁴⁶. Отрицательные настроения имели место в Польше и Венгрии. Весной 1947 г. в беседе с В.М. Молотовым М. Ракоши утверждал, что репарации составляют 50% бюджета Венгрии, что «дальше это выдержать будет трудно»⁴⁷.

В июне 1948 г. решение о сокращении остающейся суммы репарационных платежей на 50% были приняты советским правительством относительно Венгрии, Румынии, Финляндии⁴⁸. В 1950 г. аналогичное решение было принято в отношении ГДР, в котором подчеркивалось, что ГДР регулярно выполняла репарационные обязательства, исчисленные в размере 10 млрд долл., и к концу 1950 года значительная часть этих обязательств в

сумме 3,658 млн долл. будет выполнена, остающаяся к выплате сумма репарационных платежей была сокращена на 50%, то есть до 3,171 млн долл. Выплата репарации была рассрочена на 15 лет, начиная с 1951 г. по 1965 г. включительно, товарами из текущей продукции⁴⁹.

Возвращаясь к вопросу о причинах возникновения «холодной войны», ее мотивах и виновниках хотелось бы обратить внимание на публикации известных американских исследователей, издавших свои работы после развала СССР, в 1990-е годы. В частности, Дж. Геддис отмечает: «Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после Второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста»⁵⁰. Другой американский историк К. Лейн пишет еще более определенно: «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после Второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях»⁵¹.

Вышеприведенное вовсе не означает, что «холодная война» возникла только из-за действий и политики Соединенных Штатов. Послевоенная политика Советского Союза, к сожалению, также немало способствовала этому. Но мотивы, однако, у этих стран в проведении их политики были различны. Если СССР пытался упрочить геополитическое положение с целью укрепления своей безопасности, то Соединенные Штаты в первую очередь добивались того, чтобы обеспечить собственное гегемонистское положение, возглавить усилившиеся глобализационные процессы в послевоенном мире, а это возможно было только в том случае, если не допускать появления новой сверхдержавы. Вот почему одним из главных мотивов в «холодной войне» со стороны США, как показал весь послевоенный опыт, стало навязывание СССР изматывающей гонки вооружений.

Этой философией была пропитана и новая внешнеполитическая стратегия США, получившая закрепление в директиве Совета национальной безопасности (СНБ–68) и утвержденной президентом Трумэном в 1950 году. Известный советский дипломат Г.М. Корниенко назвал ее главным документом «холодной войны»⁵². Данная директива оставалась совершенно секретной до 1975 года. Именно этот документ, по его мнению, во многом обусловил более конфронтационный характер американско-советских отношений в послевоенный период, чем это было объективно неизбежным»⁵³.

Документ нацеливал на быстрое увеличение стратегической мощи США параллельно с укреплением военного потенциала главных союзников. В конечном счете он стал генеральным направлением американской внешней политики с 1950 г. и до конца 1960-х годов. Творцы СНБ–68 выступали за долгосрочную программу американского вооружения (в ходе которой США должны были оставить СССР далеко позади), за помощь со-

юзным державам повсюду в мире, за усилия по более жесткому контролю над мировым развитием...⁵⁴ А.И. Уткин приходит к выводу, что «этот документ впервые в практике американской внешней политики без обиняков и оговорок обосновал полицейские функции США повсюду в мире»⁵⁵.

В директиве обосновывалась также новая политика США по отношению к Советскому Союзу в области технологического сотрудничества. Теперь западным фирмам разрешалась передача технологий СССР. Речь, конечно, не шла о том, чтобы помочь поднять уровень советской промышленности. Цель ставилась другая: постараться поставить СССР в большую зависимость от США. Предполагалось, что продажа технологий будет иметь следующее значение. Во-первых, если требуется ввозить технологии для достижения более эффективного уровня производства, то получатель всегда остается в стороне от «тонкостей операций», и, таким образом, СССР не будет иметь стимула для создания собственных технологий, окажется в зависимости от западных. Во-вторых, если СССР будет ввозить технологии, ему надо будет зарабатывать или занимать валюту западных стран для ее оплаты. Зарабатывать валюту СССР сможет только экспортируя сырье, что приведет к преимущественно сырьевому развитию советской экономики. Если же СССР будет занимать деньги, то он окажется под контролем кредиторов⁵⁶.

Огромное значение в период «холодной войны» придавалось гонке вооружений. Со стороны США и ее союзников в стратегическом плане она рассматривалась как политика, направленная на экономическое изматывание Советского Союза. Это, по их мнению, могло подрвать уровень жизни большинства советских трудящихся и вызвать недовольство советским общественным строем, которое затем можно использовать в собственных интересах.

Наиболее красноречиво об этом свидетельствует позиция американского президента Ричарда Никсона, хотя так мог выразиться любой президент США от Гарри Трумэна до Рональда Рейгана. В 1974 г. на одном из совещаний президента США с лидерами конгресса Р. Никсон, дав общий обзор отношений с СССР, подчеркнул:

- «– Мы вполне в состоянии пустить русских с голым задом.
- Куда пустить? – осведомился тугой на ухо сенатор Стеннис.
- С голым задом! С голым задом! – заорал президент (смешки).
- Поэтому, Джон, валяй, ты должен ассигновать все больше денег на вооружение в своем комитете»⁵⁷.

Послевоенная гонка вооружений между СССР и США началась при совершенно различных исходных уровнях экономических потенциалов. Как выше уже было подчеркнуто, Советский Союз по экономическому потенциалу уступал им в 6–8 раз. Такая ситуация ставила его в заведомо проигрышное положение. Однако США не оставляли иной альтернативы Советскому Союзу, кроме как вступить с ними в качественно новый этап соревнования в области гонки вооружений.

После окончания Второй мировой войны центральной задачей для Советского Союза становится создание в кратчайшие сроки атомной бомбы.

Как пишет академик Е.П. Велихов, «в считанные дни он (*Сталин – М.П.*) поднял Россию на дыбы – приняты кардинальные решения, на долгие десятилетия определившие развитие ядерного оружия, атомной промышленности и науки в России»⁵⁸. Столь большое значение этому вопросу уделялось потому, что атомная бомба превратилась в решающий фактор мировой политики. Американский исследователь Д. Холлоуэй пишет, что «именно Хиросима внесла атомную бомбу напрямую в советские стратегические расчеты. До Потсдама советские лидеры не могли усмотреть связи между бомбой и международной политикой. После Хиросимы эту связь нельзя было больше игнорировать»⁵⁹.

Фактор времени, стремление как можно быстрее создать собственную бомбу и лишить США монополии на нее заставили Советское руководство идти на большие траты. 25 января 1946 г. И.В. Курчатов был вызван в Кремль. После встречи он записывает для себя: «... Сталин сказал, не нужно искать менее дешевых путей... что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко. С русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь»⁶⁰. Достоверных данных о стоимости первой советской атомной бомбы нет. Можно лишь говорить о миллиардных тратах, отрицательным образом влиявших на уровень жизни людей в нашей стране.

Если взять для сравнения затраты на создание американской бомбы, то станет ясно, что они были огромны. Она обошлась им в 2 млрд долл. По некоторым данным, которые, очевидно, нельзя считать точными, затраты на советскую атомную программу составили в 1947–1949 гг. 14,5 млрд руб.⁶¹

Спустя 30 лет Президент Академии наук СССР А.П. Александров отмечал: «Теперь можно открыто и прямо сказать, что значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы с тем, чтобы сделать все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия»⁶².

Гонка в области ракетно-ядерных вооружений заставляла тратить непомерно большие средства. Опираясь на американские источники, российский исследователь Ю.Н. Смирнов приводит следующие данные. США с момента разработки первой атомной бомбы затратили в ценах 1995 г. около 4 трлн долл. на создание своего ядерного потенциала и гигантской инфраструктуры, прямо или косвенно задействованной на его поддержание, а также на меры для обеспечения безопасности в атомную эпоху⁶³. Он полагает, что эквивалентные затраты выпали на долю и Советского Союза⁶⁴.

Определить реальный объем расходов СССР на военные цели за весь послевоенный период «холодной войны», является задачей едва ли разрешимой. Официальные цифры никогда не отражали их реальных размеров, поскольку многие военные программы, как полагают исследователи, шли по другим статьям государственного бюджета и были «спрятаны» в

расходы на гражданские цели⁶⁵. Прямые военные расходы СССР с 1947 по 1991 год составляли в долларах США 1993 г. 10 039 млрд, что равнялось 12,6% национального дохода страны в эти годы⁶⁶.

США израсходовали за эти же годы на военные цели 9471 млрд, или 5,6% своего национального дохода. Более богатые США израсходовали меньше, чем СССР⁶⁷. Если учитывать тот факт, что советская экономика, например, в середине 1980-х годов составляла 50–60% ВВП США⁶⁸ то можно сделать вывод о том, что гонка вооружений как минимум в два раза обременительнее была для советских людей, чем для американцев.

Военное противостояние, навязанное США Советскому Союзу, являлось тяжелейшим бременем для страны. Оно стало серьезным тормозом его социально-экономического развития.

Составной частью «холодной войны» являлось идеологическое и пропагандистское противоборство. Главная цель идеологической войны состояла в доказательстве преимуществ одного общественного строя и дискредитации противоположного. Конечная цель такой войны – навязывание своей модели развития противнику. Объектами идеологического воздействия в условиях «холодной войны» являются не только граждане стран, которые эту войну ведут, но и граждане всего мира, поскольку между США и СССР, олицетворявших две противоположные общественные системы, две противоположные модели, развития, шла борьба за освободившиеся страны и привлечение их на свою сторону.

Теперь, по истечении многих лет, можно сказать, что Запад именно в области идеологической борьбы достиг наибольших побед и успехов над СССР. Ему удалось выдать свою экономическую и политическую систему как образцовую, вершину достижения современной цивилизации, альтернативы которой нет. И, наоборот, советскую систему подвергали многолетней системной критике, положительные стороны ее не замечались, а недостатки, коих было достаточно, всячески выпячивались в целях дискредитации всей системы. Им удалось, как западному обществу, так и многим тысячам советских людей, особенно представителям интеллигенции, показать социализм как бесперспективную, тупиковую модель развития.

В идеологической борьбе использовались все средства воздействия на людей – радио, телевидение, секретные службы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, паблисити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости – национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т.д.⁶⁹

Западные политтехнологи стремились сформировать образ Советского Союза как негуманного, тоталитарного, агрессивного государства, стремящегося расширить свое влияние путем захвата других государств. Такое изображение СССР, с их точки зрения, должно было показать, что именно он несет угрозу цивилизованному демократическому миру, сформировать боязнь, фобию по отношению к СССР. Такой образ Советского Союза стал

создаваться практически сразу после окончания Второй мировой войны. Об этом красноречиво свидетельствует выступление Г. Трумэна в июне 1948 г. перед 55 тыс. слушателей в городе Беркли: «Великие проблемы мира иногда изображают как спор исключительно между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это не так... Мы не ведем «холодную войну»... Противоречия существуют между Советским Союзом и остальным миром»⁷⁰.

К началу 1960-х гг. США и всему Западу стало совершенно ясно, что война против Советского Союза не перспективна. С его стороны возможен адекватный ответ. Осознание невозможности уничтожения СССР военным путем, заставляет США усилить психологическую и пропагандистскую войну.

Госсекретарь США Джон Фостер Даллес в 1957 г. наставлял: «Мы тратим много миллиардов долларов за последние пять лет, готовясь к возможной войне с использованием бомб, самолетов, пушек. Но мы мало тратим на войну идей»⁷¹. Его политика и идеи получили развитие и пропаганду в военно-теоретическом журнале НАТО «Дженерал милитери ревью», который откровенно писал: «Единственный способ выиграть третью мировую войну – это взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения»⁷².

«В шестидесятые годы, – по наблюдению генерала КГБ Ф.Д. Бобкова, – «холодная война» все заметнее переносилась непосредственно на территорию СССР»⁷³. И это не случайно. Именно в эти годы в Советском Союзе появляется та микросреда, на которую Запад в борьбе со своим противником опирался: диссиденты. В лице диссидентов США получили своих «агентов влияния», которые ими были взяты под моральную и политическую защиту.

С.Г. Кара-Мурза подчеркивает, что «диссиденты работали в системном взаимодействии с пропагандистской машиной Запада... Без участия диссидентов – «наших», изнутри советского общества, пропаганда «оттуда» потеряла бы большую часть своей силы»⁷⁴.

Диссидентство с самого начала своего возникновения не было однородным явлением. Однако при всей разности и даже противоположности их философских и политологических концепций, диссиденты разных мастей в годы «холодной войны» находились на стороне противника и помогали ему побеждать собственную страну.

Новый этап психологической борьбы наступает после подписания Заключительного акта Хельсинского совещания 1 августа 1975 года. СССР пошел на компромисс с Западом в области гуманитарного сотрудничества, тем самым, такие вопросы как «права человека», свобода передвижения людей, воссоединение семей и другие вопросы, составившие так называемую «третью корзину» Заключительного акта, превращались в международные. Теперь проблема «прав человека» переходила в область взаимоотношений государств. Западные лидеры получили возможность легитимно ставить эти вопросы на переговорах с советскими руководителями и вли-

ять на содержание, как самой проблемы, так и на судьбу диссидентов в СССР. «На Западе и в особенности США, – пишет Дж. Боффа, – сразу же поняли, какую выгоду можно извлечь из него»⁷⁵. В свою очередь, сами диссиденты также понимали, что теперь они могут апеллировать к международному Хельсинскому соглашению и обращаться за помощью к другим государствам, то есть могли рассчитывать на официальную международную поддержку, что оказывало сильное стимулирующее воздействие на их деятельность.

С этого времени проблема «прав человека» в деятельности зарубежных радиостанций: «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна» стали занимать едва ли не центральное место.

«Права человека» – это западный проект. Он был придуман для того, чтобы вбить клин между советскими людьми и властью, интеллигенцией и КПСС, подорвать внутрисоциальную стабильность советского общества, приучить мыслить людей западными индивидуалистическими категориями. Противопоставить интересы человека интересам государства, общества, коллектива.

Позднее, одна из «правозащитниц» В. Новодворская сделала циничное, но ценное признание: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое и хватит врать про права человека и про правозащитников»⁷⁶.

«Холодная война», возникшая после Второй мировой войны, в значительной мере была инициирована США. Это был совершенно сознательный выбор послевоенной Америки. Курс этот преследовал главную цель: уничтожение Советского Союза как геополитического противника. Сейчас можно сказать, что в ходе сорокалетней гонки вооружений СССР надломил себя. Запад достиг своей главной цели.

США и в настоящее время не желают иметь партнерских отношений с Россией. Пытаются проводить политику, направленную на изоляцию России на международной арене. Пятидневная грузино-осетинская война (8–12 августа 2008 г.), спровоцированная агрессивным нападением Грузии на Южную Осетию, показала, что Запад во главе с США снова в отношении нашей страны заговорил языком «холодной войны». Эти события лишней раз показывают, кто является возмутителем спокойствия в современном мире.

¹ См. Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1995; СССР и холодная война. – М., 1995; Чубарьян А.О. Новая история холодной войны // Новая и новейшая история. – 1997. № 6; Холодная война: новые подходы, новые документы. – М., 1995; Сталин и холодная война. – М., 1998; Сталинское десятилетие холодной войны. – М., 1999 и др.

² См. Чубарьян А.О. Новая история холодной войны // Новая и новейшая история. – 1997. № 6. – С. 10–18; О «новой истории» холодной войны (материалы дискуссии) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. – М., 1999. – С. 223–247.

³ См. Сталинское десятилетие холодной войны. – С. 207, 223–247.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М., 2002. – С. 252.

- ⁵ См. Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. – М., 1989. – С. 369.
- ⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 257.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. – М., 2002. – С. 32.
- ⁹ Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. – М., 1997. – С. 385.
- ¹⁰ Боффа Дж. История Советского Союза. – Т. 2. – С. 260.
- ¹¹ См. Безыменский Л.А., Фалин В.М. Кто развязал «холодную войну»... // Страницы истории советского общества... – С. 350.
- ¹² Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. – М., 2006. – С. 323.
- ¹³ См. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. – М., 2001. – С. 81.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См. Страницы истории советского общества... – С. 363.
- ¹⁶ Паркер Р. Заговор против мира. – М., 1949. – С. 4.
- ¹⁷ Печатнов В.О. От Союза к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг. // Холодная война. Факты. События. 1945–1963. – М., 2003. – С. 36.
- ¹⁸ См. Стивен А. Эйзенхауэр. Солдат и президент / Пер. с англ. М., 1993. – С. 187.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. – М., 1968. – С. 4–5.
- ²¹ Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. – М., 1995. – С. 106–107.
- ²² См. Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. – 1999. № 3. – С. 100.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Уткин А.И. Американская империя. – М., 2003. – С. 133.
- ²⁵ Паркер Р. Заговор против мира... – С. 125.
- ²⁶ О «длинной телеграмме» Дж. Кеннана см. Кеннан Дж. Дипломатия Второй Мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. – М., 2002. – С. 454–478.
- ²⁷ Нью-Йорк таймс. 1994. 14 марта.
- ²⁸ Военно-исторический журнал. – 1989. № 2. – С. 17.
- ²⁹ Там же. – С. 17, 23.
- ³⁰ См. Печатнов В.О. От союза – к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.)... – С. 52.
- ³¹ См. Киссинджер Г. Дипломатия... – С. 419.
- ³² Полный текст речи Черчилля на русском языке см.: Независимая газета. 1992. 28 мая. В сокращенном варианте она была опубликована в: Известия. 1946. 12 марта.
- ³³ Некоторые российские историки полагают, что выступление Черчилля было пусть и авторитетным, но, тем не менее, частным мнением человека, утратившего власть. Поэтому, дескать, и не нужно было Москве уделять столь большого внимания его выступлению. Однако соглашаться с такой точкой зрения вряд ли будет правильным. А.М. Филитов подчеркивает, что Черчилль готовил фултонскую речь в сотрудничестве с Трумэном и Бернсом (*государственный секретарь США – М.П.*) (См.: Филитов А.М. Как началась «холодная война» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1985. – С. 49. Следовательно, можно сделать вывод, высшие руководители США, по существу, являются соавторами фултонской речи и несут за нее полную политическую ответственность.
- ³⁴ Ответ Сталина на речь Черчилля был дан в форме интервью корреспонденту газеты «Правда» и опубликован 13 марта 1946 г.
- ³⁵ Цит. по: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация... – С. 254.
- ³⁶ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы... – С. 83.
- ³⁷ Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. – М., 2001. – С. 552.
- ³⁸ Рукавишников О.В. Холодная война, холодный мир: Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. – М., 2005. – С. 215.
- ³⁹ Ван ден Берге. Историческое недоразумение? «Холодная война». 1917–1990. – М., 1996. – С. 101–102.
- ⁴⁰ Бокарев Ю.П. Еще раз об отношении СССР к плану Маршалла // Отечественная история. – 2005. № 1. – С. 92.

⁴¹ Там же.

⁴² Цит. по: Наринский М.М. Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. М., 1997. Т. 2. – С. 57.

⁴³ Уткин А.И. Американская империя... – С. 147.

⁴⁴ См. Филлитов А.М. Как началась «холодная война» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945 – 1985)... – С. 63.

⁴⁵ Наринский М.М. Нарастание конфронтации... – С. 56.

⁴⁶ См. Филлитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. – М., 1993. – С. 49.

⁴⁷ Мурашко Г.П., Волокитина Т.В., Носкова А.Ф. Создание соцлагеря // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – Т. 2. С. 9–10.

⁴⁸ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1948 год. Ч. 1. – М., 1950. – С. 217–222.

⁴⁹ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1950 год. – М., 1953. – С. 25.

⁵⁰ Цит. по: Уткин А.И. Американская империя... – С. 130.

⁵¹ Там же. – С. 130–131.

⁵² См. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. – М., 2001. – С. 61.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. Уткин А.И. Американская империя... – С. 156.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См. Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. – М., 2007. – С. 360.

⁵⁷ Цит. по: Россия – 2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.): В 2 т. Изд. 3-е. – М., 2000. Т. 1. – С. 561–562.

⁵⁸ Велехов Е.П. Гордость российской науки // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. – М., 2004 – С. XV.

⁵⁹ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1945 / Пер. с англ. Новосибирск, 1997. – С. 169.

⁶⁰ Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах... – С. 289.

⁶¹ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1930-е гг.: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., 1996. – С. 83.

⁶² Создание первой советской ядерной бомбы. – М., 1995. – С. 65.

⁶³ Смирнов Ю.Н. Холодная война как явление ядерного века // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. – М., 2003. – С. 617–618.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Наумов Н.В. Международные аспекты распада СССР // Российское государство и общество. XX век. – М., 1999. – С. 378.

⁶⁶ Степанов А.И. Россия, СССР в мировых войнах // Россия XXI. 1994, № 11–12. – С. 87.

⁶⁷ Наумов Н.В. Международные аспекты распада СССР... – С. 378.

⁶⁸ Независимое военное обозрение. – 1997. 12–19 июля. – С. 17.

⁶⁹ См.: Зиновьев А.А. Запад. – М., 2000. – С. 372.

⁷⁰ Уткин А.И. Американская империя... – С. 136.

⁷¹ Цит. по: Бобков Ф. Юрий Андропов, каким я его знал // Кто есть кто. – 2004. 3 1. – С. 39.

⁷² Секреты секретных служб США. – М., 1973. – С. 293.

⁷³ Бобков Ф.Д. Юрий Андропов, каким я его знал... – С. 38.

⁷⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация... – М., 2002. – С. 234–235.

⁷⁵ Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994 / Пер. с ит. М., 1996. – С. 88.

⁷⁶ Правда. 1994. 30 ноября.

ФЕНОМЕНЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316
ББК 60.5

А.В. Петров

ПРОФСОЮЗЫ — ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА*

Статья посвящена исследованию профессиональных союзов как института гражданского общества, обеспечивающего защиту экономических прав человека в условиях неолиберальных социально-экономических реформ и экономической глобализации. В статье рассматривается основная проблематика социологических исследований профсоюзов и их деятельность по защите прав человека в сфере социально-трудовых отношений. В статье также рассматриваются возможности формирования социологии профсоюзного движения как отрасли современной экономической социологии.

Ключевые слова:

Профессиональные союзы, экономические права человека, неолиберализм, гражданское общество, экономическая глобализация, социология профсоюзного движения

Социально-экономические изменения в России конца XX – начала XXI вв. сопровождаются существенной трансформацией гражданского самосознания и демократизацией политических отношений. Важнейшим аспектом этих изменений является становление институтов гражданского общества. Под гражданским обществом мы понимаем систему негосударственных организаций, учреждений, ассоциаций, фондов, профессиональных и общественных

* Материалы статьи подготовлены при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым ученым – докторам наук (проект МД-2380.2008.6).

объединений, которые выполняют функцию гражданской самоорганизации и самоуправления, оказывая влияние на государственный менеджмент и частный сектор, корректируя государственную политику и процесс принятия решений предпринимателями в направлении повышения их социальной эффективности. При этом гражданское общество может оказывать влияние на общественно-политические процессы в целом – как система социальных коммуникаций; и в частности – с помощью специфических институтов, непосредственно связанных с защитой прав человека в различных сферах жизни общества. Одним из таких институтов являются профессиональные союзы, появление которых исторически связано с существенной дифференциацией форм и видов наемного труда и развитием рынка рабочей силы в процессе индустриализации стран Западной Европы с конца XVIII в., а затем в XIX – XX вв. и других обществ. С распространением индустриальных отношений на весь мир профсоюзы превратились в основную форму институционализации социальных интересов наемных работников, единственную гражданскую силу, защищающую права человека в сфере социально-трудовых отношений.

Права человека в сфере социально-трудовых отношений сформулированы в основополагающих международных правовых документах XX в., таких как «Всеобщая декларация прав человека» (1948), «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», «Международный пакт о гражданских и политических правах» (1966), а также, в документах Международной организации труда, например, «Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации» (1998). Фундаментальные трудовые права человека включают: право на труд; право на свободный выбор работы; право на защиту от безработицы; право на справедливые и благоприятные условия труда; право на равную плату за равный труд без какой-либо дискриминации; право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения; право создавать профессиональные союзы и вступать в них для защиты своих интересов; право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск. Это фундаментальные нормы, определяющие сущность социально-экономических прав человека в сфере труда¹. Однако их эффективная реализация встречает на своем пути множество проблем и во многом зависит от того, насколько социально-экономическая политика государства и действия менеджмента предприятий способствует их соблюдению.

Опыт стран с развитой социально ориентированной рыночной экономикой наглядно демонстрирует, что для проведения успешной социальной политики направленной на формирование эффективной системы социальной защиты работников, системы, способной защитить права граждан в сфере трудовых отношений, необходимо наличие сотрудничества между работодателями, наемными рабочими и государственными структурами,

проявляющегося в формировании устойчивых и развивающихся отношений социального партнерства и трипартизма. Важнейшим условием для этого является, прежде всего, наличие *равноправных* представителей интересов наемных работников, работодателей и государства, способных и заинтересованных в том, чтобы решать социальные и трудовые вопросы как на уровне предприятий, фирм, корпораций, государственных учреждений и организаций, так и на уровне национальной экономики и международных социально-трудовых отношений. Но если государство и работодатели располагают широкими политико-правовыми и экономическими возможностями, чтобы эффективно отстаивать свои интересы на всех уровнях социально-трудовых отношений, то свои интересы, свои неотъемлемые социально-экономические права наемным работникам по-прежнему приходится отстаивать самостоятельно, зачастую один на один с мощными государственными и частными структурами. Именно поэтому, несмотря на «мировой кризис» рабочего движения² и настойчиво пропагандируемую сторонниками радикального неолиберализма индивидуализацию деятельности наемных работников по продаже своей рабочей силы на рынке труда³, единственным институтом, который в состоянии оказать действенную поддержку трудящимся в борьбе за их социально-экономические права остаются профессиональные союзы.

В условиях становления неолиберальной социально-экономической системы в России постепенно меняется социальная роль и функции профсоюзов. Как отмечают специалисты, в России профсоюзы и по сей день самая массовая общественная организация, объединяющая 30 млн граждан – 45% от общего числа занятых на предприятиях всех форм собственности⁴. И хотя по-прежнему во многом сохраняется прямая и косвенная связь профсоюзов с администрацией предприятий и структурами государственного управления (что далеко не способствует поддержанию их авторитета как института гражданского общества), тем не менее, профсоюзы остаются одним из наиболее эффективных инструментов защиты экономических и социальных прав граждан, вероятно потому, что во многих случаях они являются единственным инструментом такой защиты. Становление профсоюзов как независимого института гражданского общества в России сталкивается с большими трудностями. Их изучение и определение возможностей их преодоления должно стать предметом современных экономсоциологических исследований, составляя предмет такого их направления, как *социология профсоюзного движения*. Основные проблемы развития профсоюзного движения в России можно условно разделить на две большие группы – проблемы макро- и микросоциального уровня.

Проблемы макросоциального уровня связаны прежде всего с главной проблемой – проблемой эффективности современной системы социального партнерства в России. Суть этой проблемы заключается в том, что, несмотря на все усилия представителей заинтересованных сторон, в начале XXI в. так и не сложилась прочная система социального партнерства основанная на постоянном трехстороннем социальном диалоге. Система социаль-

ного партнерства по-прежнему сводится преимущественно лишь к одной из возможных форм регулирования социально-трудовых отношений – к процессу создания и реализации коллективных договоров между работодателями, профсоюзами и представителями исполнительной власти. Но и эта форма трипартизма крайне не эффективна, так как коллективные договора играют пассивную роль в социально-экономической жизни и страны, и предприятий. Коллективных договоров остаются преимущественно декларациями о намерениях, поскольку очень слаб контроль за их исполнением, зачастую не определены механизмы ответственности сторон за выполнение обязательств, а согласованные в договорах позиции по оплате, условиям труда и социальному обеспечению фиксируются на минимальном уровне явно не удовлетворяющим потребности основной массы наемных работников.⁵ Тому есть много причин. Одна из них – слабость самих профсоюзов, обусловленная рядом правовых, финансовых и внутриорганизационных факторов. Другая, не менее важная – государственная экономическая политика, осуществлявшаяся все 1990-е гг. Неолиберальные экономические реформы, целью которых провозглашалось создание «эффективного собственника» в России, были изначально ориентированы на всемерную государственную поддержку частного бизнеса. Приватизационная кампания, инициированная государством в рамках неолиберальных реформ, привела к тому, что у директорского корпуса и у новых собственников бывших советских предприятий появились интересы, совершенно отличные от интересов возглавляемых и управляемых ими трудовых коллективов. Эти интересы проявились в стремлении новых собственников предприятий к скорейшей аккумуляции доходов от деятельности предприятий, ставших их собственностью, и к борьбе за перераспределение собственности, а не к развитию производства, в чем объективно заинтересованы наемные работники. Таким образом, в ходе неолиберальных реформ и приватизации интересы многих работодателей разошлись с интересами работников, а зачастую стали абсолютно им противоположными. Государство, осуществляя в 1990-е гг. радикальную неолиберальную экономическую политику, способствовало усугублению подобного раскола, последовательно поддерживая в процессе социального диалога работодателей. Эта поддержка проявилась в максимальном избавлении бизнеса (прежде всего крупного) от «лишних» институциональных ограничений, в снятии основных правовых и социальных барьеров на пути его свободного развития, в том числе и в ослаблении влияния профсоюзов на бизнес и в попытках превращения их в «карманные профсоюзы»⁶.

Исследователи профсоюзного движения и представители профсоюзов отмечают, например, явную несбалансированность прав сторон в новом трудовом кодексе РФ (принятом в 2002 г.). Хотя в последнее десятилетие наметилось существенное «движение к минимизации» государственных гарантий в сфере социально-трудовых отношений, особенно по сравнению с советской патерналистской системой их регулирования, многие из них остаются в силе, что, впрочем, не мешает работодателям на практике иг-

норировать их под предлогом «индивидуальной договоренности» с наемными работниками⁷. Несмотря на то, что трудовой кодекс формально предоставляет и работнику и работодателю значительные права и свободы, зависимое положение наемных работников усугубляется тем, что система социального партнерства, призванная выполнять функцию балансировки интересов сторон трудовых отношений, превращается в «консультационную говорильню»⁸. Провозглашенный в статье 371 ТК РФ «учет» работодателем при принятии решений мнения профсоюза погрузил профкомы в «бумажный водоворот». При этом, прочитав собранные и оформленные профкомом документы, протоколы разногласий по различным проблемам работодатель, как правило, принимает решения не улучшающие, а ухудшающие положение наемных работников. При рассмотрении финансовых жалоб работников суды преимущественно принимают решения в пользу работодателей, учитывая их финансовые интересы. Бумажная волокита увеличивает судебные издержки как работников, так и профсоюзов, финансовые возможности которых значительно скромнее тех, что есть у работодателей. Работодатель располагает всеми возможностями избежать правового контроля со стороны профсоюзов, просто содержа большой штат квалифицированных юристов фирмы, превращающихся для него в персональную адвокатуру⁹. И трудовой кодекс подобных явных диспропорций в декларируемых правах и фактических возможностях работодателей и профсоюзов не учитывает. Кроме того, в трудовом законодательстве сохраняется неолиберальная тенденция к усилению индивидуальной защиты прав работников в ущерб коллективной и таким образом к постепенному вытеснению профсоюзов из юридического пространства борьбы за экономические и социальные права человека, ограничивая их деятельность исключительно работой над малоэффективными коллективными договорами и отраслевыми тарифными соглашениями.

Низкая эффективность колдоговорных отношений также объясняется тем, что зачастую их не с кем заключать. По данным недавнего опроса Фонда «Общественное мнение» две трети россиян (67%) полагают, что руководство предприятий сегодня никак не учитывает мнение профсоюзов во взаимоотношениях со своими сотрудниками, и лишь 11% придерживаются противоположной точки зрения. Сами члены профсоюзов оценивают ситуацию чуть более оптимистично: среди них примерно каждый пятый (19%) считает, что руководители предприятий принимают во внимание мнение профсоюзов. С точки зрения большинства россиян (66%), работодатели сегодня никоим образом не заинтересованы в существовании профсоюзов, и только 14% опрошенных полагают, что у работодателей такая заинтересованность присутствует¹⁰. В ходе реформ сложилась на первый взгляд парадоксальная ситуация: в системе социального партнерства фактически отсутствует третья сторона – объединения, союзы работодателей. Работодатели не спешат создавать официальные союзы, не желая связывать себя ненужными им обязательствами перед государством и работниками, предпочитая действовать в рамках неформальных бизнес-

структур. В ходе реформ и институционализации стороны работодателей в рамках трипартизма сложились существенные диспропорции между федеральным и региональным уровнями социального партнерства. Если на федеральном уровне функционирует Российская трехсторонняя комиссия и Генеральное соглашение, то на региональном уровне объединения работодателей еще только создаются. А малый и средний бизнес фактически вообще еще не охвачен процессом создания и профсоюзов и союзов работодателей. Это делает наемных работников данной сферы бесправными¹¹. Однако даже в тех отраслях и регионах, где существуют объединения работодателей, эти объединения носят во многом формальный характер и являются скорее уступкой давлению со стороны государства, которому нужно переложить на кого-то ответственность за соблюдение экономических и социальных прав работников внебюджетного сектора. Кроме того, если директора частных предприятий и входят в различные союзы, ассоциации работодателей, то исключительно с целью лоббирования своих интересов в государственных структурах, а не для участия в социальном диалоге¹². Исследователи также отмечают, что одной из важнейших проблем является проблема ответственности работодателей. Даже там, где союзы работодателей участвуют в социальном диалоге и подписании коллективных соглашений, обязательства, которые они берут на себя, подчас оказываются невыполненными, и у представителей наемных работников нет реального механизма давления на работодателей¹³. Сегодня в становлении социального партнерства гораздо больше заинтересованы профсоюзы, чем работодатели. Таким образом еще одной проблемой развития профдвижения в современной России является проблема отхода от добровольно-принудительного участия работодателей в социальном диалоге и разработки мер по социальному и экономическому стимулированию объединения работодателей на региональном уровне, а также в малом и среднем бизнесе¹⁴.

Новой для отечественных профсоюзов стала проблема организации деятельности в условиях экономической глобализации и транснационализации. Основной трудностью, с которой сталкиваются профсоюзы при работе с транснациональными корпорациями, являются значительно более широкие трансграничные возможности менеджмента ТНК по сравнению с менеджментом национальных предприятий, с которым привыкли иметь дело профсоюзы. Эти возможности создают дополнительные проблемы с заключением тарифных соглашений, с организацией эффективного контроля за соблюдением условий оплаты труда, приемом и увольнением работников, решением социальных вопросов. Еще одна проблема – организация объединенных профсоюзов ТНК (часто включающих предприятия находящиеся как в развитых, так и в развивающихся странах, то есть странах с разным уровнем жизни, разными социально-политическими условиями и принципиально разными стратегиями поведения граждан в сфере социально-трудовых отношений) и их взаимодействие с профсоюзами отраслей, предприятия которых входят в структуру ТНК. Задача эффек-

тивного взаимодействия заключается в том, чтобы профсоюзы предприятий, входящих в структуру ТНК, не ослабляли отраслевые профсоюзы. Исследователи отмечают, что в рамках ТНК профсоюзы разных предприятий склонны призывать к осуществлению солидарных действий, однако вместе с усилением информационного обмена между отраслевыми и международными профсоюзными организациями первичные профсоюзные организации ориентируются в основном на локальные интересы и сотрудничество с менеджментом своего предприятия¹⁵. Также следует отметить, что отношения профсоюзов и ТНК должны регулироваться международными соглашениями, но их заключение и ратификация явно отстают от расширения процесса транснационализации¹⁶. Организация эффективного социального диалога профсоюзов с ТНК – одна из важнейших задач успешного развития профсоюзов как эффективного института гражданского общества в России, да и мировой экономике в XXI в., решения которой пока далеки от провозглашаемого профсоюзными лидерами и, безусловно, актуального курса на «глобализацию профсоюзного движения» в условиях экономической глобализации.

Проблемы профдвижения на микросоциальном уровне связаны прежде всего с организацией работы внутри самих профсоюзов, с совершенствованием их организационной структуры и мерами по повышению эффективности их деятельности.

Эффективность реализации коллективно-договорных отношений во многом зависит от эффективности организации деятельности профкома и профсоюза. Социологи отмечают, что одной из основных причин низкой эффективности коллективных договоров является крайне низкая активность членов профсоюзов при их подготовке. Процесс подготовки и заключения коллективного договора во многом продолжает сохранять традиционный характер. В его подготовке в основном принимает участие профком и председатель, трудовой коллектив самоустраивается от работы по его обсуждению. Переговоры по содержанию коллективного договора часто проводятся между председателем профкома и директором один на один, что создает благоприятные возможности для оказания давления на профком, и на итоговом обсуждении администрация может легко добиться нужных ей параметров договора. Трудовой коллектив на конференции чаще всего ставится перед фактом необходимости принятия уже согласованного по основным пунктам договора¹⁷. На многих предприятиях профсоюз фактически отождествляется с профкомом или даже непосредственно с председателем, роль остальных членов профсоюза сводится к уплате членских взносов. В подобных условиях председателю становится все сложнее противостоять администрации и он все больше начинает выполнять роль профсоюзного менеджера-администратора, борющегося за выживание профкома и профсоюза, а не за улучшение положения трудового коллектива¹⁸. Таким образом, главной проблемой организации деятельности современных российских профсоюзов является проблема способности профсоюзных лидеров и профсоюзного актива к мобилизации

трудового коллектива в процессе решения основных проблем социально-трудовых отношений на предприятии, к использованию активных методов ведения переговоров опираясь на поддержку всех членов профсоюза.

С отсутствием способности и стремления к мобилизации трудового коллектива в борьбе за свои права связана еще одна серьезная внутриорганизационная проблема, оставшаяся современным российским профсоюзам в наследство от советских профсоюзов – проблема слабости профкома и зависимости профлидеров от администрации. Многие работники по-прежнему оценивают эффективность деятельности профсоюза прежде всего уровнем и степенью его возможностей в принятии решений при распределении социальных благ традиционно распределяемых профсоюзами в те времена, когда они были жестко встроены в административную систему предприятий и государства, тем самым обуславливая приоритетность культурно-распределительных функций профкома перед функцией защиты экономических прав работников¹⁹. Однако современные независимые профсоюзы не располагают ни распределительно-административным ресурсом советских профсоюзов, ни финансовыми средствами для приобретения такого ресурса. Более того представители администрации, несмотря на модную тенденцию демонстрации стремления к «социальной ответственности» бизнеса и участия в «социальном диалоге» с представителями трудящихся («новые элементы» управления корпоративной культурой), стремительно вытесняют профсоюзы из сферы контроля за производством (за условиями труда), распределением доходов и расходов (оплата труда и социальное обеспечение). В таких условиях профкомы и профлидеры становятся перед выбором – либо потерять авторитет среди многих рядовых членов профсоюзов, ожидающих от профкома не громких акций в виде забастовок или длительной изматывающей (особенно в условиях функционирования нового ТК РФ) борьбы с администрацией, а скорейшего решения своих социальных проблем, либо идти на поводу у администрации при обсуждении многих принципиальных вопросов в обмен на обещание участия в распределении части доходов с целью направления этой части на нужды членов профсоюзов для повышения своей популярности. Такая дилемма (как бы она не решалась в каждом конкретном случае) ведет только к ослаблению позиций профсоюзов в социальном партнерстве, к сохранению и увеличению зависимости профсоюзных лидеров от администрации (вплоть до экстремальных форм такой зависимости, когда председатель профсоюза фактически сочетает профсоюзные и административные обязанности).

Важной проблемой, связанной с предыдущими, является проблема повышения ответственности профсоюзов перед своими членами. Пассивность коллективных договоров, низкая активность рядовых членов профсоюзов и слабая поддержка профкомов и профлидеров связана с отсутствием обратной связи внутри профсоюзных организаций. Профсоюзные структуры с входящими в них функционерами во многом остаются самодостаточными²⁰. Современные профсоюзы России еще не привыкли

строить свою работу на принципах юридической и материальной ответственности перед работниками. Если с такой позиции оценить роль, на которую претендуют профсоюзы, то окажется, что у них, как правило, нет никаких обязанностей перед членами профсоюзов, а значит и нет особого стимула улучшать свою работу и, повышая степень своей независимости от администрации, отстаивать интересы трудящихся²¹. Единственное, что реально связывает рядовых членов профсоюза с профкомом – это членские взносы, которые, при всей эфемерности социальных взаимоотношений и обязательств внутри профсоюза, явно не могут быть прочной основой для осуществления обратной связи, предполагающей наличие и контроля и ответственности профкома перед рядовыми членами профсоюза.

Эффективность деятельности современных российских профсоюзов во многом определяется также проблемой повышения качества кадров профактива. К началу XXI в. многие российские профсоюзы столкнулись как с проблемой уровня подготовки представителей профкома, профлидеров, так и проблемой старения профсоюзных кадров. Суть проблемы заключается в том, что социальные партнеры профсоюзов – представители исполнительной власти и работодателей – становятся гораздо более компетентными по всем вопросам социального диалога (от расчета заработной платы до правовых гарантий), чем представители профкомов. Время дилетантов на профсоюзной работе уходит в прошлое. Необходим эффективный профсоюзный менеджмент. В тоже самое время работа по подготовке и повышению квалификации профактива оставляет желать лучшего. Первичные организации учатся действовать в новых условиях неоллиберальной социально-экономической системы в основном на практике, методом проб и ошибок²². По-прежнему не остановлен процесс сокращения обучения профактива, поскольку система подготовки профсоюзных кадров разрушена, а отдельные образовательные мероприятия (семинары, конференции и т. п.) не позволяют готовить профактив систематически и в должной мере²³. Особая проблема – это работа с молодежью. У профсоюзов сейчас мало где сохранились комиссии по работе с молодежью, а те, что сохранились, не являются инициаторами решения проблем трудовой молодежи. В коллективных договорах в большинстве случаев нет положений о социальной защите молодежи на предприятиях, что не прибавляет стремления молодых людей ни к вступлению в профсоюз, ни к активной работе в нем.²⁴ Только возрождение учебно-методических центров профсоюзов и организация работы с молодежью позволит решить проблему качества кадров профактива.

Проблема качества профсоюзных кадров, безусловно, связана с существенно большими проблемами – проблемой повышения привлекательности профсоюзов и проблемой мотивации профчленства, которые, судя по профсоюзной прессе, являлись наиболее популярными в дискуссиях о перспективах профдвижения в России все 1990-е гг. Сейчас обсуждение этих проблем развивается в направлении разработки конкретных про-

грамм мотивации профчленства и формирования нового имиджа профсоюзов. При этом особое внимание уделяется, например, проблеме создания эффективной системы внутреннего и внешнего PR профсоюзов²⁵. Под внутренним PR понимается работа по формированию и продвижению имиджа профсоюза в трудовом коллективе путем создания, например, т. н. социального пакета (включающего весь необходимый набор социальных гарантий работникам предприятий) как дополнения к коллективному договору. Как для работников, так и для работодателей такие социальные пакеты могут быть куда более привлекательными предметом для обсуждения в рамках социального диалога, чем положения традиционных коллективных договоров. Внешний PR представляет собой работу со средствами массовой информации, с другими общественными организациями, также занимающимися проблемами защиты экономических и социальных прав человека. Однако, как и прежде, лучший мотив для вступления в профсоюз – успехи в борьбе за права трудящихся.

Несмотря на столь обширную проблематику экономосоциологических исследований профсоюзов следует отметить их разрозненность, несостыкованность, эпизодичность, в то время как современные проблемы развития профсоюзного движения требуют комплексного подхода к их изучению. Дальнейшее развитие социологических исследований в направлении создания комплексного подхода к исследованию профсоюзного движения, на наш взгляд, связано с институционализацией данного направления, с формированием в рамках экономической социологии такой отрасли как социология профсоюзного движения.

¹ Подробнее о своеобразии социально-экономических прав человека в их связи со сферой трудовых отношений см.: Гордон Л. А. Социально-экономические права человека: содержание, особенности, значение для России // *Общественные науки и современность*. 1997. № 3. – С. 5–14. Как справедливо отмечает автор, социально-экономические права человека нельзя противопоставлять гражданско-политическим, отождествляя последние с неотъемлемыми правами человека, а первые – лишь с интересами и привилегиями, «социально-экономические права человека потому и дополнили гражданско-политические, что государственная защита и общественная самозащита социально-экономических интересов рядовых людей приобретают в современных обществах огромное и растущее значение». Там же. – С. 8–9.

² Указывая на признаки «мирового кризиса» рабочего движения, проявляющиеся ярче всего в существенном снижении уровня юнионизации в мире в конце XX – начале XXI вв., исследователи объясняют его, например, «эффектом деиндустриализации» развитых стран, идеологическим кризисом левого движения после распада СССР, кризисом идеологии «социального государства», последствиями экономической глобализации, придавшей большей динамизм капиталу в сравнении с трудом... Петров А. В. Трансформация профсоюзного движения и проблемы защиты экономических прав человека: международный аспект / *Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы*. Материалы 12-й международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2001 г. СПб., 2001. – С. 287–290. Но главным фактором кризиса рабочего движения специалисты считают «либеральное наступление» последних 25 лет (прежде всего в развитых индустриальных странах), направленное на подавление борьбы наемных работников за экономические права, в связи

с затяжной депрессией мировой экономики, существенным образом сказывающейся на уровне прибыли крупных корпораций. Пато Т. Состояние профсоюзного движения в Европе // 5.10.2006. http://scepsis.ru/library/id_905.html

³ Как отмечает, например, В. Дамье, «к концу XX века в результате всемирного поворота к неолиберализму и глобализации возникла совершенно новая ситуация. «Кейнсианский компромисс» — это негласное соглашение между социальными партнерами [утверждение которого стало возможным благодаря стабильному 30-летнему мировому экономическому росту после Второй мировой войны. — Прим. А. П.] — приказал долго жить. Глобальная конкуренция заставляет предпринимателей любой ценой снижать производственные издержки. В поисках более дешевой рабочей силы, менее жестких социальных или экологических ограничений хозяева часто сворачивают производство и переносят его на «периферию», в государства третьего мира. Отвыкшие отстаивать интересы работников профсоюзы [индустриально развитых стран. — Прим. А. П.] оказались к этому не готовы». Дамье В. Самоорганизация наемных работников // Отечественные записки. — 2007. № 4(36). <http://www.strana-oz.ru/?numid=38&article=1507>

⁴ Козина И. Постсоветские профсоюзы // Отечественные записки. — 2007. № 4(36). <http://www.strana-oz.ru/?numid=38&article=1505>

⁵ Ракоти В. Новая модель организации работы профсоюзов // Человек и труд. — 2001. № 6. — С. 80–81.

⁶ Неолиберальная политика государства спровоцировала раскол и в самом российском профдвижении, в рамках которого, наряду с «традиционными» и по-прежнему самыми массовыми профсоюзами, объединившимися в начале 1990-х гг. в Федерацию независимых профсоюзов — ФНПР (ставшую правопреемницей советских профсоюзов и ВЦСПС), получили развитие «альтернативные» профсоюзы, почти не участвующие в формальном «социальном диалоге», которые частично объединены в Конфедерацию труда России (КТР) и Всероссийскую конфедерацию труда (ВКТ).

⁷ Тодэ Н. О новом трудовом кодексе и проблеме нарушений прав работника // Отечественные записки. — 2007. № 4(36). <http://www.strana-oz.ru/?numid=38&article=1504>

⁸ Абузьярова Н. Трудовой кодекс: сбалансированы ли права сторон? // Человек и труд. — 2003. № 9. — С. 79.

⁹ Готов В. Пора осмысления кодекса закончилась // Профсоюзы и экономика. — 2004. № 2. — С. 55.

¹⁰ Опрос: 66% россиян уверены, что работодатели не заинтересованы в существовании профсоюзов // 14.02.2008. <http://www.regnum.ru/news/957215.html>

¹¹ Козлова В. Д. Наш рецепт от произвола работодателей // Профсоюзы и экономика. — 2004. № 2. — С. 16.

¹² Борисов В. Есть ли в России социальное партнерство? // Человек и труд. — 1999. № 11. — С. 68–69.

¹³ Петрова Л. Е. Объединения работодателей: потенциал в социальном партнерстве // Экономическая социология. — 2003. Том 4. № 1. 76–78.

¹⁴ Садовая Е. Социальные партнеры учатся находить общий язык // Человек и труд. — 2000. № 11. — С. 77–78.

¹⁵ Чеглакова Л. М. Профсоюз в транснациональной компании (на примере металлургического завода) // Экономическая социология. — 2008. Том 9. № 2. — С. 54.

¹⁶ Карнюшин В. ТНК и профсоюзы // Профсоюзы. — 2003. № 6. — С. 12–13. Решение задачи организации эффективного социального диалога профсоюзов с ТНК осложняется не только указанными выше факторами. Руководство ТНК, размещая производства в странах с низкоквалифицированной и квалифицированной, но дешевой рабочей силой, ориентируется на снижение издержек также за счет либеральных условий регулирования социально-трудовых отношений. Это означает, что ТНК рассчитывают, в том числе, на сдержанность профсоюзов в требованиях повышения оплаты, улучшения условий труда, соблюдении социальных гарантий, а то и вовсе на отсутствие профсоюзов.

¹⁷ Пуляева О. Коллективный договор: необходимая условность или полезный инструмент? // Человек и труд. — 2000. № 9. — С. 69–70.

¹⁸ Борисов В. Указ. соч. — С. 70.

¹⁹ Козина И. М. Российские профсоюзы: трансформация отношений внутри традиционной структуры // Экономическая социология. — 2002. Том 3. № 5. — С. 78.

²⁰ Максимов Б. Никто не даст нам избавленья // РФ сегодня. — 2007. № 3. http://www.russia-today.ru/2007/no_03/03_topic_2.htm

²¹ Ракоти В. Указ. соч. – С. 81–82. Одним из вариантов решения данной проблемы является заключение профсоюзом индивидуальных договоров с каждым работником, желающим вступить в него и пользоваться его услугами. Заключение таких договоров повысит ответственность профкома перед рядовыми членами профсоюза и предоставит профсоюзу полные юридические гарантии считать себя их действительными представителями при переговорах с работодателем. Кроме того, в таком случае и у работодателя будет меньше возможностей для перевода социального диалога с уровня коллективно-договорных на уровень индивидуально-договорных отношений. Ведь, как отмечают специалисты, современным профсоюзам в меньшей степени нужно нагромождение индивидуальных трудовых прав, а в большей степени — расширение коллективных прав, чтобы эти права связывали степень защищенности работника с его членством в профсоюзе. Деркач В. Завоевать свое профсоюзное место на рынке труда // Профсоюзы и экономика. – 2003. № 8. – С. 60.

²² Как отмечает, например, Г. Нойнхоффер, «живые первички активно осваивают переговорные навыки: учатся формулировать свои требования, взвешивать предложения другой стороны, искать компромисс, проявлять твердость, когда на них оказывают давление. Параллельно профсоюзные лидеры учатся вести организационную работу, использовать различные информационные и коммуникационные инструменты, обеспечивать постоянную обратную связь с коллективом. Например, проведение опроса среди работников не только позволяет оценить, насколько важна для людей та или иная проблема, но и распространить о ней информацию, обсудить варианты ее решения в коллективах, понять, готовы ли члены профсоюза к решительным действиям. Некоторые первички стали активно использовать для этих целей форумы в корпоративных сетях компаний». Нойнхоффер Г. Профсоюз — каждодневная практика // Отечественные записки. – 2007. № 4(36). <http://www.strana-oz.ru/?numid=38&article=1506>. Проведение социологических исследований призвано восполнить информационные пробелы, неизбежно возникающие в работе профкомов особенно в ситуации принятия быстрых и качественных, отвечающих интересам членов профсоюза решений. Иванов С. Ю. Социологическое сопровождение профсоюзной работы // Труд и социальные отношения. – 2004. № 4. – С. 16–21.

²³ Все решают кадры // Профсоюзы. – 2003. № 3. – С. 17.

²⁴ Мудров М. С кем молодежь, за тем и будущее // Профсоюзы. – 2003. № 6. – С. 10–11.

²⁵ Черкашина М. Реформируя отрасль, реформируем профсоюз // Профсоюзы и экономика. – 2004. № 2. – С. 69–73.

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)

А.М. Егоров

КОНТРАБАНДИЗМ И БОРЬБА С НИМ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ КАК АТРИБУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Рассмотрены государственная политика по укреплению вновь образовавшейся границы России в 20-х годах XX века, мероприятия по административнохозяйственной поддержке приграничных уездов для их социальной регенерации в целях искоренения социальной почвы контрабанды.

Ключевые слова:

суверенитет, государственная граница, пограничный район, контрабанда

Стабильное развитие и укрепление российского государства невозможно представить без обеспечения должного территориального суверенитета. Мероприятия по воссозданию в 1990-х гг. псковского участка государственной границы не могут не стимулировать повышенного интереса к его прошлому, как у историков, так и у специалистов-практиков. Особенно интересны в связи с этим исторические уроки развития псковских пограничных районов в 1920-е гг., имеющие много параллелей с событиями конца XX века в этом регионе.

Чрезвычайные социальные потрясения, распад империи и негативные последствия жестокого гражданского конфликта негативно отразились на переговорах о территориальном размежевании между Советской Россией и новыми прибалтийскими республиками. Перемещение государственного рубежа на территорию Псковщины неизбежно сопровождалось возникновением традиционных для пограничного региона проблем, одной из которых является контрабандизм. Однако его масштабы на Северо-Западе

России в начале 20-х годов прошлого века придали этому явлению небывало острый характер и чрезвычайный политический резонанс.

Указанный период характеризовался тяжелым социальноэкономическим положением страны, что серьезно подрывало престиж государственной власти в наиболее затронутых разрухой районах. Упадок промышленности и сельского хозяйства в результате первой мировой и гражданской войн, рост цен и безработица, острый товарный дефицит и огромные очереди за элементарными предметами первой необходимости порождали спекуляцию и стимулировали рост преступности. Материальные затруднения населения способствовали развитию «черного рынка» и контрабандной торговли, которая в пограничных районах превращалась в устойчивый криминальный бизнес¹.

Обычным явлением для России первой половины 20-х годов XX века являлось так называемое «мешочничество». Ежегодно массы горожан устремлялись в сельскую округу, на Украину и Кубань, в Сибирь и Среднюю Азию. Первоначально большинство из них гнал в дорогу голод и желание выменять на имеющиеся вещи продукты питания. Это движение было хорошо известно и на Северо-Западе России. Известный лингвист Л. Успенский, хорошо знакомый с бытом и нравами псковской деревни 1917–1923 гг. по работе в тех местах землемером, оставил беллетристические воспоминания на этот счет: «С 1918 года в дальних и ближних уездах тогдашней Псковской губернии стали во все большем и большем числе появляться невиданные до того люди. Мои «скобари» называли их поразному: староверы вспомнили давнее слово «шалгунники», от «шалгун» мешок, заплечная торба. На современный лад настроенные шутники именовали тех же людей «пискулянтами», преобразуя таким затейливым образом городское, ранее неслыханное определение «спекулянты»².

Однако на Северо-Западе это движение не всегда сопровождалось обычным обменом вещей на продукты питания. Многих приезжих привлекала возможность заполучить импортные товары. Их притягивала граница, и местные жители довольно быстро осознали выгоду своего положения. Следует особо учесть, что приграничное население довольно сильно пострадало в результате боевых действий 1918–1920 гг. На Изборском направлении, например, была выжжена значительная часть деревень. Но уже к 1923 году здесь выросли фактически новые поселки с домами на каменных фундаментах и хозяйственными постройками из плитняка³. Их хозяева даже не отрицали, что средства на строительство зачастую добывались ими благодаря занятию контрабандой.

Настроения, сопровождавшие не всегда законный рост благосостояния местных крестьян, колоритно описаны тем же знатоком народной жизни Л. Успенским: «Зато и изысканность наших окрестных дам и девиц вскоре стала превосходить всякое воображение: «Ну уж эта Танюшка Клишковская (или, там, Смыковская!)», – кривились завистницы. – Уже чистая стала *питерская прохессорка*: на гулянку в Концы явивши была, снизу шерстяной костюм поддет, а свярха – шелковый!»

Странные люди эти возникали и исчезали, как тени»⁴.

Жесткие административные методы воздействия, вроде круговой поруки или отселения наиболее злостных нарушителей режима из пограничной полосы, давали порой нежелательный для властей побочный эффект. «Настроение крестьян очень плохое... По деревне идешь – закрывают двери», – такими и подобными им выражениями пестрели письма красноармейцев, дислоцировавшихся в пограничных районах⁵. Массовый контрабандизм являлся своеобразным барометром, который чутко реагировал на экономическое положение населения. В связи с этим начальник Псковского ОГПУ Невернов еще в середине 1920-х гг. считал, что окончательно закрыть границу на замок и ликвидировать промысловый контрабандизм можно лишь при условии развития производства и снижения цен на товары внутри страны⁶.

Контрабандные операции осуществлялись с широким размахом на всем протяжении северозападной границы, начиная от Мурманского края и заканчивая прибалтийским участком. На Севере контрабанда перемещалась командами и владельцами русских парусных судов, иностранными моряками, кочующими племенами самоедов и лопарей⁷. Но ее ассортимент здесь был достаточно ограничен, а объем относительно невелик. Зато южнее контрабандизм приобретал все более организованные формы и значительные масштабы. Порой в него вовлекались ответственные должностные лица. В качестве канала нелегального товарообмена ими активно использовался железнодорожный транспорт. Себежская администрация, например, намеренно отправляла в Латвию бракованный подвижной состав. За границей такие вагоны не принимались, опечатывались и перегонялись обратно. По существовавшим правилам отбракованный состав не проходил специального таможенного досмотра. Поэтому перед отправкой назад в него закладывался контрабандный груз⁸. Разумеется, совершать подобные манипуляции можно было только по предварительному сговору с зарубежными коллегами.

Однако контрабандизм первой половины 1920-х гг. представлял собой угрозу не только экономическим интересам страны. Зачастую он был тесно связан с преступлениями против порядка государственного управления и прямо нарушал основы пограничного режима на Северо-Западе.

Достаточно опасные группировки контрабандистов, занимавшихся переправкой в Россию нелегального спирта, базировались на южном побережье Финского залива. Особенно дерзко они действовали в Сойкинской, Кириновской и других волостях Кингисеппского уезда. По свидетельствам очевидцев, с деревьев на берегу залива местные контрабандисты подавали условные сигналы в направлении Финляндии или Эстонии, после чего в советские территориальные воды входили быстроходные иностранные катера. Приближаясь к берегу, они обстреливали пограничные посты и выбрасывали в воду порой сотни бидонов со спиртом⁹. Окрестные жители вылавливали их, прятали в лесах, а затем составляли целые караваны и под усиленной охраной отправляли в тыл. При этом задержанные конт-

рабандисты были так уверены в силе своих организаций, что очень редко соглашались выдавать сообщников.

Наиболее привлекательными для контрабандистов были пограничные районы, приближенные к крупным потребительским центрам – прежде всего к Петрограду и Москве. Поэтому идеальным коридором для транзита контрабанды на северозападе страны оказалась почти равноудаленная от обеих столиц Псковская губерния. По сведениям ОГПУ, в данный промысел была вовлечена значительная часть населения Псковского, Островского, Опочецкого и Себежского уездов¹⁰.

В этот период отчетливо проявилась тенденция к профессионализации псковских контрабандистов. Контрабандисты-одиночки, пытавшиеся таким образом удовлетворить свои личные потребительские запросы, довольно быстро трансформировались в «промысловиков», зачастую объединяясь в устойчивые преступные группы. Они работали по найму, получая за доставку контрабандного товара от 10 до 25% его стоимости – в зависимости от объема партии, расстояния ее доставки и степени участия отдельных сообщников¹¹. Существовали и сплоченные команды, которые не только ходили за границу, но и доставляли товар к месту сбыта в крупные города России, где самостоятельно его реализовывали.

Первоначально эффективной борьбе с профессиональными контрабандистами препятствовали вооруженность и хорошая организованность последних. Для нейтрализации действий пограничной охраны контрабандисты устраивали всевозможные системы сигнализации, наблюдательные пункты и даже засады¹². Малочисленные дозоры красноармейцев не всегда могли совладать с такими сообществами. Порой контрабандисты курсировали в районе границы совершенно открыто. Начальник таможенного поста № 27 на острове Талабск (Залита) в Псковском озере, например, отмечал зимой движение по льду на участке его ответственности целых обозов в несколько саней, сопровождаемых вооруженными людьми¹³.

Контрабандный промысел на Псковщине оказался очень рентабельным. Поэтому переход государственной границы носил массовый характер. Особенно заметно это было на псковско – эстонском рубеже, обозначенном проволочными заграждениями. Вся колючая проволока здесь, начиная от стыка с латвийской границей и вплоть до Псковского озера, была увешена ключьями льна, оставшимися при протаскивании его местными жителями через заграждения¹⁴. Проведенная Псковским губернским отделом ГПУ весной 1923 года проверка констатировала, что граница фактически открыта как для контрабандизма, так и для шпионажа¹⁵.

Аналогичная ситуация в данный период сложилась и в районе Псковско-Чудского водоема (третьего по площади в Европе). В период навигации контрабандистские рейсы здесь осуществлялись в основном силами местных рыбаков, которые прятали товар в прибрежных камышах. Зимой на лед выходили жители более удаленных от границы волостей и уездов. Иногда появлялись «представители» соседних губерний. Наиболее часты-

ми гостями такого рода являлись выходцы из Лужского уезда Петроградской губернии.

Чаще всего маршрут контрабандистов лежал между устьем реки Великой и Талабскими островами. Сборными пунктами для них на восточном берегу Псковского озера служили деревни Абижа, Жидилов Бор, Черново, Ершово¹⁶. На побережье Псковско-Чудского озера в пределах Гдовского таможенного участка контрабандисты двигались, как правило, через деревни Рудница, Самолва, Мтешь, Теребище, Балсово и Немолва, а затем переправлялись на эстонский берег через узкий пролив, именуемый Теплым озером. Севернее Гдова они концентрировались в районе деревень Писковицы, Локоть, Орел¹⁷.

От побережья Псковского озера контрабанду доставляли к железнодорожным станциям или шоссейным дорогам на линии Псков – Петроград или Псков – Бологое. От Чудского озера она шла в направлении Кингисеппа¹⁸.

Активность российских контрабандистов поощрялась прибалтийскими правительствами, за которыми стояли влиятельные деловые и политические круги западных стран, прежде всего Великобритании¹⁹. Еще в самом начале 1920-х гг. контрабандная торговля была легализована Эстонией и Латвией посредством учреждения так называемых «транзитных лавок», которые располагались буквально в нескольких шагах от пограничного рубежа и функционировали по колониальному принципу: т.е. промышленные товары менялись в них на сырье по весу. Будучи лично заинтересованными в прозрачности границы, лавочники часто организовывали провокации и являлись подстрекателями неоднократных обстрелов войсковых нарядов местными контрабандистами.

Борьбу с различного рода нарушителями границы серьезно затрудняло отсутствие развитой пограничной инфраструктуры. Пограничные кордоны располагались далеко друг от друга. Связь часто нарушалась или вовсе отсутствовала. Государственный рубеж был слабо обозначен на местности. Планомерная расчистка пограничной полосы шириной в 150 саженей начала проводиться лишь с 1925 года. Военнослужащие были расквартированы по крестьянским избам и в силу материальной необеспеченности иногда попадали под влияние хозяев.

Тем не менее, система пограничного контроля постепенно совершенствовалась. Некоторое время охрана государственной границы осуществлялась строевыми частями Красной Армии. Но уже в середине 1923 года формируются подразделения пограничной охраны губернских представителей ГПУ. А в 1924 году эти органы и войска объединяются в единый аппарат погранохраны ОГПУ.

Данная реорганизация положительно сказалась на укреплении пограничного режима. В Псковской губернии первые пограничные городки начали закладываться в 1923 году. Однако еще в 1926 году на 37 застав и 8 комендатур Себежского, Островского и Псковского погранотрядов приходилось всего 17 готовых к эксплуатации зданий²⁰. В условиях подобной

неустроенности закрыть границу без содействия со стороны гражданского населения было довольно сложно.

К середине 1920-х гг. по инициативе государства все настойчивее начали предприниматься шаги для налаживания доброжелательных отношений между местным населением и пограничными властями. В июле 1925 года при Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством М.И. Калинина прошло заседание специальной комиссии, на котором было принято принципиальное решение о необходимости интенсивного социально-экономического развития приграничных районов страны. Контролировать выполнение поставленной задачи на СевероЗападе России, Украине и в Белоруссии было поручено Я.В. Полуянову.

В интересующем нас регионе соответствующую работу координировало Северо-Западное областное бюро ЦК ВКП(б). Для детального обследования пограничных районов при нем была создана специальная комиссия в составе: Русанова, Москвина, Мессинга, Струппе (секретарь Псковского губкома), Ярвисало, Саакова и Кондратьева²¹. Вопросы борьбы с контрабандой и бандитизмом в этой комиссии курировал начальник полномочного представительства ОГПУ в Лоенном округе С.А. Мессинг.

К началу августа 1925 года губернские комитеты партии, в том числе и псковский, обязаны были передать туда перечень неотложных мероприятий по улучшению хозяйственного и культурного состояния пограничных уездов. Среди указанных мер особое внимание первоначально отводилось оказанию семенной и продовольственной помощи гражданскому населению, снижению его налогообложения, увеличению средств райсоюзов всех видов кооперации, стимулировании мелкой торговли, интенсивному казарменному и дорожному строительству в приграничной полосе, а также развертыванию там сети просветительских учреждений.

Согласно ПП ОГПУ в ЛВО № 173 и последовавшему за ним распоряжению Псковского губернского отдела ОГПУ № 261 начальники погранотрядов были обязаны не только вести разъяснительную работу среди местных крестьян, но и оказывать им посильную материальную помощь. С этой целью осенью 1925 года в пограничных уездах была развернута агитационная кампания под лозунгом: «Погранохрана лицом к деревне»²².

В целом социальная поддержка гражданского населения положительно сказывалась на его участии в охране государственной границы. Уже летом 1926 года Псковский губернский отдел ОГПУ с удовлетворением отмечал, что 20–25% задержаний нарушителей пограничного режима производилось при гласном содействии местных жителей. Еще больший процент задержанных должно было давать негласное сотрудничество.

Однако подобные доверительные отношения складывались все же не повсеместно. Согласно информации сотрудников ОГПУ за шестнадцатикилометровой приграничной полосой продолжали процветать «вера во вздорные слухи» и «сокрытие от органов власти преступного элемента». Не изменилось и отношение многих крестьян к контрабандизму. Человек, отозвавшийся отрицательно о контрабандистах, терял в их среде всякое

доверие. Его автоматически причисляли к «агентам», «сыщикам», «тайникам» и «вредили при всяком удобном случае»²³. Такое различие в настроениях населения официальные лица объясняли нехваткой ресурсов для устройства «полной советской общественности» за пределами пограничной полосы²⁴.

Действительно, в силу ограниченности средств на местах, усиленное снабжение погранрайонов хлебом, промтоварами, строительным лесом и многим другим шло за счет урезания запросов внутренних районов губернии. Сюда же направлялась большая часть безвозмездных кредитов и других финансовых льгот. Административно-хозяйственная поддержка такого рода, конечно, не была рассчитана на быструю социальную регенерацию приграничных уездов в целом. Не случайно после переноса государственной границы далеко на запад и перехода Псковского края в разряд «тылового», они сами превратились в неперспективную глубинку.

Однако в тактическом отношении описанная выше политика имела и положительные результаты. Прежде всего, она позволила изжить промысловый контрабандизм как массовое явление. Заручившись поддержкой местного населения, компетентным органам удалось в короткие сроки свести этот незаконный промысел на Северо-Западе России к минимуму.

¹ Иванов В.А. Хозяйственно-экономическая ситуация на Северо-Западе России во второй половине 20-х годов: проблемы борьбы с контрабандой // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. № 1 (1), 1996. – С. 62.

² Успенский Л.В. За языком до Киева: Лингвистическая проза, повесть, рассказы, публицистика, письма. Л., 1988. – С. 282.

³ ГАНИПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 304. Л. 66.

⁴ Успенский Л.В. Указ соч. – С. 285.

⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 922.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.

⁷ Там же. Д. 38. Л. 71.

⁸ Там же. Л. 62.

⁹ Там же. Л. 71.

¹⁰ Там же. Д. 101. Л. 34.

¹¹ Там же. Л. 35.

¹² Там же. Л. 33.

¹³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 67.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р1125. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 33.

¹⁹ Почк К.Я. «Санитарный кордон»: прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига, 1985. – С. 34.

²⁰ ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 213. Л. 88.

²¹ См. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920х годов. СПб., 2007. – С. 43.

²² ГАНИПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 394. Л. 470.

²³ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.

²⁴ Там же.

УДК 316
ББК 60.5

С.А. Загрубский

МОЛОДЕЖЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ СЛОЙ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается роль молодежи в обществе, а также выявляются причины некоторых особенностей поведения этой группы, например, молодежный экстремизм. Важной характеристикой общества, определяющей поведение молодежи, является создание условий для реализации ее потенциала.

Ключевые слова:

индивидуальность, молодежный экстремизм, потребности, социология молодежи, способности

Концепт «молодежь» мы рассматриваем не как «единственный привилегированный класс» (трактовка советского времени) и, тем более, не в качестве «нашего будущего» (всеобщее мнение наших дней), а просто как реальную многочисленную и очень существенную часть социума.

Необходимо отметить, что само понятие «молодежь» трактуется по-разному в социологической литературе, но в основном – на базе возрастной характеристики. Такой подход заслуживает критики, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, и в 15 лет, и в 20, и в каком-либо другом фиксированном возрасте люди не представляют собою сколько-нибудь однородной массы. Во-вторых, люди любого возраста пребывали в обществе всегда, но так называемая «проблема молодежи» существует не всегда, а интересующее нас ее нынешнее состояние возникло исторически недавно. Некрасовский «мужичок с ноготок» в свои шесть лет не может быть назван «молодежью» в социологическом смысле. Он сам (равно как все его окружение) считает себя «мужиком», он глубоко и естественно вписан в об-

щественные отношения, поэтому никакой особой молодежной проблемы не порождает. Не могло быть также отдельной молодежной проблемы, например, в современном нам обществе в годы войны, а во времена Чацких или Базаровых проблема «отцов и детей» резко отличалась от проблемы сегодняшней.

Наш подход, основывающийся на предположении, что каждый человек объективно понуждается к поиску путей для самореализации простым фактом объективного же наличия у него множества способностей, позволяет сделать предположение, что социально-значимой характеристикой молодежи является ее особое – среди других возрастных слоев – положение именно в процессе реализации своих способностей. С этой точки зрения сразу же становится ясным, что возраст – не главное. Причем не главное одновременно как в личностном, так и в общественном восприятии. С этой же точки зрения оказываются понятными те нежелательные в социальном плане особенности молодежного поведения, которые и ложатся в основание «проблемы» в наши дни.

Представляется возможным называть молодежью социальный слой, включающий в себя людей, не занятых пока еще трудом, востребованным и оплачиваемым обществом, не нашедших места в обществе, где реализовывались бы их способности. То есть, если молодой по возрасту человек занят трудом самостоятельным и оплачиваемым, он перестает быть «молодежью» в социологическом смысле слова.

С этой точки зрения можно выделить определенные особенности молодежного состояния, обуславливающие ее социальную ущемленность.

а) Способности молодых людей вплоть до выхода последних в самостоятельную жизнь интересуют взрослых только как предмет развития этих способностей, причем условия для их реализации исключительно малы. Поскольку, таким образом, эти способности пребывают как бы в некоем потенциальном только наборе, взрослые учителя и воспитатели «перебирают» их по своему вкусу и своему усмотрению, отрицая их или поддерживая, тормозя или направляя «по себе».

Традиционно это полностью оправдано, так как в прежние времена, при малом количестве условий реализации способностей людей, приходилось развивать в себе не те из них, какие бы хотелось, а те, которые найдут применение во взрослой жизни. Старший по возрасту обязательно был авторитетом, поскольку изменений в роде занятий не предстояло на протяжении многих поколений. Старший – учитель, поэтому воспринимался он как авторитет и благодетель.

Понятно, что с общим ростом количества и качества условий реализации способностей, со снижением всякого рода социальных неустроенностей и страхов – знания и опыт старшего по возрасту не обязательно станут полезны младшему, вот почему кураторство и наставления старшего могут восприниматься младшим как назойливое брюзжание, от которого тому же никуда не деться.

б) Весь период обучения и воспитания современного молодого человека приучают к тому, что перед ним «все дороги открыты». Взрослая часть общества не обманывает молодых тем, что развитая и многоотраслевая структура общественного хозяйства действительно требует людей, способных к различному и многообразному социальному применению. Но! – даже при теперешнем очень высоком уровне механизации, автоматизации, компьютеризации основное количество рабочих мест ориентировано на применение самых простых, первичных способностей, никак не отражающих нашей индивидуальности. Рабочие места, дающие применение способностям более высоким, допускающие индивидуальность, заняты теми, кто пришел на них раньше. В результате молодой человек сталкивается с тем, что распределение социальных благ связано не столько со способностями, сколько с возрастом, в котором он «не виноват».

в) Весь образ жизни молодого человека, организованный для него взрослыми, противоречит наблюдаемому им образу жизни этих взрослых, причем это различие не в пользу молодого. Взрослые трудятся за плату и обычно в течение четко ограниченного времени, а молодой человек – бесплатно, и за ним не признается право бездельничать. И главное – во взрослых поощряется процесс **реализации** их способностей при общественном безразличии к процессу **развития** этих способностей (дополнительное обучение, повышение квалификации, расширение кругозора отданы на собственный выбор и волю взрослых людей), а для молодых людей общество загоразживает пути их самореализации, тогда как процессы изменения себя, «подгонки» личности под нужды взрослого мира возводит в ранг основной задачи молодых.

Мы не даем здесь этической оценки такому факту. Конечно, детский труд прошлых веков воспринимается нами сегодня как печальная страница истории, но все же эта печаль обусловлена не фактом включенности детей в работу, а чрезмерностью детского труда, о чем в мире существует огромная литература. Вывод, следующий из нашего рассмотрения, сводится к тому, что молодых людей **недопустимо исключать из общественно-полезного труда**.

г) Возможности будущего устройства молодого человека фактически определены старшими в том смысле, что направления, приоритеты, вся организация общества, в котором этому человеку предстоит жить, навязаны ему без всякого интереса к его мнению по этому поводу. Как говорится, «без меня меня женили». Когда еще он сможет посчитать, что и сам участвует в устройстве жизни общества!

Взрослые, кстати, чувствуют некоторую несправедливость такого положения, что проявляется в многообразных акциях принуждающего «приобщения»: присягах, клятвах, обетах и т.д. До наших дней эти особые, хотя и массовые, процедуры сохранились только в тех социальных ячейках, где наиболее откровенно от человека требуется послушание превыше индивидуальности: в жестко организованных сообществах (в армии, в монастырях, в каких-либо тайных объединениях).

д) Молодежь традиционно превозносится как объект наибольшего внимания общества и как потребитель внимания и сил взрослых. Но никто не обращает внимания на «дающую» роль молодежи, согласно которой она выступает в качестве некоего огромного «резервуара», куда старшие по возрасту «сливают» свои способности, не востребованные жизнью, не «дореализованные». Таковыми являются в первую очередь самые высокие способности индивидов: направлять, учить, организовывать жизнь, формулировать критические оценки происходящего (то есть судить). Это приводит к тому, что последние возможности молодого человека реализовывать свои способности хотя бы в пределах семьи или даже личной жизни отнимаются у него старшими, главным образом пенсионерами, сохранившими пока еще здоровье и ощущающими свою недоиспользованность, нерастраченность. В культуре всех народов существует как комическое противостояние тещи и зятя. По существу же это явление трагическое. Трагическое – как отражение собственной неустроенности, нереализованности человека пожилого, и тем более по воздействию на жизнь людей молодых. В частности, еще и потому, что нереализованными остаются в первую очередь способности духовные. Взрослые хотят и готовы любить своих молодых, но так же точно они ждут и ответного движения, ждут любви и уважения, что воспринимается главным (самым ясным и легким) образом через послушание молодого, через готовность его демонстрировать перед взрослым свою второстепенность, что, по понятным причинам, вносит напряжение в семью.

Попробуем теперь представить, к чему может – или должен – привести такой молодежный «статус», опираясь, как и прежде, **только на логику**.

Если мы допускаем, что в каждом человеке – вне зависимости от возраста – способностей много и они разнообразны, что общество воспринимает, содействует развитию лишь части наших личных способностей, то невостребованные способности будут беспокоить нас, требовать реализации.

Не находя легитимных форм реализации, то есть форм, воспринимаемых обществом, они должны будут вылиться в какие-то формы самостоятельные, произвольные, необязательные. Во взрослом мире это различные хобби, а чаще «закусание» и пьянство. У людей, не успевших устать от жизненной борьбы – **не только у молодых**, но у молодых в первую очередь, – это должно быть обязательно (логически обязательно) что-нибудь оригинальное, что-нибудь **не такое, как у взрослых**.

Каждый из нас стремится быть значимым в своем окружении – просто такова человеческая природа, таков результат бурления в нас наших способностей – стремится быть замеченным и авторитетным. И если для такого стремления нет официальных, легитимных каналов осуществления, логика подсказывает: люди, не воспринятые окружением, обязательно создадут некий ареал и собственные символы своей авторитетности и заметности.

Условия и символы этой неформальной авторитетности не обязательно будут асоциальны, но с очень большой вероятностью – потому что ведь и

само определение «социализации» как усвоения границ социально-допустимого целиком находится в компетенции «взрослого мира», с возражения и противопоставления которому начинается неформальная – потому что собственная – деятельность молодых людей.

Иначе говоря, такие явления, как молодежный «пофигизм» (слово приобрело уже официальный статус), социальная инфантильность, экстремизм – отличаются друг от друга только уровнем асоциальности, но совсем не различаются по существу. Если «пофигизм» мы назовем самым социально-безобидным проявлением девиантности, то экстремизм есть просто более активная, более деятельная форма того же пофигизма. Молодежный экстремизм является просто материальной, деятельностной реализацией пофигизма.

В перечисленных выше аспектах социального ущемления молодых людей особенность, раскрытая в пункте «а», выступает, пожалуй, наиболее **разрушительной** для молодого человека **причиной** многих социальных тревог и забот. В то же время она является отражением великого достижения всего человечества и предметом гордости каждого народа и каждой семьи, поскольку есть **результат социального прогресса***.

Понятие социального прогресса может непротиворечиво раскрываться как рост количества условий и возможностей реализации массовых способностей людей, как рост общественного уважения и приятия этих способностей. Соответственно – как рост возможностей и прав быть индивидом, быть самим собой. В жизни конкретных индивидов этот прогресс сказывается, в частности, и в том, что способности детей своих с радостной надеждой предполагаются и с великим усердием развиваются (часто еще с большим усердием, чем способности ребенка того заслуживают) с первых же дней его существования.

В предыдущие тысячелетия поведение старших по возрасту было принципиально иным. Старший должен был не «развивать» младшего, а загонять его в узкие рамки осуществимого будущего. И в Библии, и в «Домострое», и во многих иных обучающих текстах отмечается, что процесс этот трудный, что приходится применять «железо» для «укрощения» молодежи – потому что не был обеспечен социальный заказ на индивидуальность.

Нынче положение иное. «Нынче» – это лет 30–40, время постиндустриального общества, которое характеризуется многоотраслевой экономикой, наукой, культурой, поставляющими заказ на различных индивидов и позволяющими надеяться родителям, что их ребенок найдет себе в жизни место «по себе». «По себе» – это, для начала, не «по-папиному – маминому».

Казалось бы, прекрасное человеческое достижение. Но к чему же оно приводит?

* Социальные проблемы молодежи связаны не столько с социальным прогрессом, сколько с социальным регрессом капитализма в логике действия механизмов постоянно возрождающегося и углубляющегося отчуждения человека в «обществе Капитала», в котором формируется отчуждение человека от орудий труда и средств производства, от общественного продукта труда, и, следовательно, от самого труда и от самого себя, истории (прим. рецензента).

Молодой человек с первых же шагов в своей жизни привыкает к тому, что он – индивид, ничем не худший, чем все окружающие (а во многих семьях он даже «лучший»). В то же время, по причине его малых сил и жизненного опыта, все взрослые беспрерывно за ним ухаживают, стремясь угадать и предупредить его желания и нужды. В подобной атмосфере и взрослый-то человек приучился бы считать себя выше и авторитетнее окружающих, а что уж говорить о человеке молодом и знающем жизнь только в этом крохотном мире!

Молодой человек не приобретает понятия авторитета, уважения к учителям и наставникам, поскольку последние выступают для него в образе слуг, в то же время уча его, что каждая личность имеет моральное право на самоуважение и реализацию собственной индивидуальности.

Если в прежние века в социально убогой атмосфере отец-сапожник выступал перед сыном верховным и крайним авторитетом потому, что сапожничество в будущем только и могло дать сыну условия какого-то приемлемого существования, то теперешний отец-сапожник может даже стыдиться своей непрестижной профессии перед детьми, получающими высшее образование, а отец-физик или отец-артист совершенно не считает, что и сын его должен будет стать физиком или артистом. Можно выразить это фразой Владимира Высоцкого: «Делай как я – это значит: не надо за мной».

Если же, по позиции самих родителей перед своим ребенком, их личный возрастной и профессиональный опыт и знания не являются существенными, а во всех остальных семейных ситуациях они главным образом слуги, – какое отношение к миру взрослых приобретает молодой человек, да еще встречая в этом мире тормоза его продвижению, стремление им руководить и ожидание от него послушания и скромности? Возникает совершенно детский процесс неприятия требований этого мира. Процесс, в котором на первом месте не рассуждение, не ответственность, – а каприз.

В молодых людях тормозится желание и даже сама способность учиться – не потому, чтобы эта способность была у одного поколения меньше, чем у другого, а потому, что **любое учение базируется на авторитетности учителя**. Авторитетности хотя бы гипотетической, изначальной, – но изначальна в молодом человеке как раз уверенность в своем равенстве, в своем **праве на индивидуальность**, четко выраженная А. Макаревичем в словах: «Не надо прогибаться под изменчивый мир, – пусть лучше он прогнется под нас!»

Выше такая ситуация была названа разрушительной. Поскольку трактовка всех понятий в социальном поле строится нами с опорой на условия развития способностей индивида, утверждение о разрушительности чего-либо должно быть обосновано с тех же позиций.

Действительно, это прекрасно, когда человек с молодых своих лет приучен уважать и ценить себя как личность, а не только как кирпичик в общественном строении. Но что он такое есть? Что есть каждый из нас? Что такое есть эта моя личность?

Наличие в каждом из нас множества способностей, помимо удовольствия по этому поводу, создает великую трудность в понимании того, что хуже, что лучше, что вредно, что полезно – для меня, любимого. Разобраться в мешанине способностей, потребностей, желаний, страстей, возможного и невозможного чрезвычайно трудно. У взрослых уже есть какой-то опыт (в основном, как говорят, «набитые шишки») – но молодой человек не умеет уважать старших (и потому интересоваться их опытом). Он мог бы внимательно изучать себя, учась хотя бы на чужих ошибках, но он не приучен вообще обращать внимание на других. Подчеркнем: **не приучен не потому, что его учили быть хамом, а потому, что его учили, что он очень интересная, единственная и принципиально уважаемая личность, что он никого не хуже, поскольку каждый хорош по-своему.**

Невнимание к другому человеку приобретает форму уважения его, что, кстати, давно уже отмечено мировой литературой для высших слоев общества феодального и как растущее со временем состояние общества капиталистического (очень явно у Ницше), что проявляется в возрастающей холодности в межличностных отношениях, в увеличении безразличия человека к человеку.

Ко всем перечисленным трудностям молодому человеку предстоит еще устоять перед огромным количеством соблазнов, возникновение которых также является великим достижением человечества: масса развлечений, масса «вкусностей» всякого рода. Для кого же это все, если не для меня!

Но чтобы не утонуть в море соблазнов, хорошо бы стать опытным и зрелым. Опытность и зрелость есть у старших (у того же отца-физика или сапожника), но они не авторитетны перед своими сыновьями, которым помогли развить способности, но не смогли создать понятие об **иерархии способностей в самом человеке**. Развив опережающим образом **самоуважение**, ставя с детства интерес и уважение к внешнему миру на второе после себя место, человек оказывается вдруг беззащитным в поле естественных, объективных ограничений. Ограничений как со стороны общества, так и со стороны собственных физических, интеллектуальных, душевных способностей и сил.

Наши способности располагаются в трех сферах: физиологической, интеллектуальной и духовной. Безусловно, способности (и инициированные ими потребности) физиологические и воспринимаются легче других, и более явно требуют своей реализации. Стремясь «заниматься собой», молодой человек поневоле уклоняется в первую очередь именно в сторону удовлетворения потребностей физиологического плана. Беспредельны возможности саморазвития духовного и интеллектуального, – но эти потребности не так «назойливы» и не всегда ясны; в то же время очень явно **физиологически** ограничены возможности удовлетворения именно физиологического (где потребности как раз очень ясны и весьма «назойливы»). Ограничены и собственными силами, и общественным дефицитом. Молодой человек вдруг с огорчением видит, что «обижен жизнью». Отсюда капризы, претензии, неблагодарность, иногда даже обозленность, способ-

ные воплотиться в разного рода асоциальных действиях. И разрушающее душу, обезоруживающее перед трудностями жизни отсутствие «святыни» в себе. Не в религиозном, конечно, смысле «святыни», а именно в общественном: отсутствие иерархии ценностей, изыскиваемых индивидом. «Закон – мое желание!» – разрушающее личное воздействие подобной жизненной ориентации было известно еще Некрасовскому персонажу.

На базе чрезмерного – можно назвать его даже анархическим – самоуважения при отсутствии внешних «авторитетов» и «святых» порождается и такое печальное явление, как готовность молодых людей к функционированию в составе многообразных сект и объединений явно тоталитарного характера. Это может показаться противоречивым: соединение «раскрученной» индивидуальности и готовности к полной подчиненности. Но вот какая здесь связь.

Множество способностей человека порождает многие же его потребности, а **отсутствие понимания** того, что лучше для меня, а что хуже – создает в душе и слабо развитом сознании ощущение почти физиологического дискомфорта.

Каждый человек нуждается в определенной целостности, в единстве своего самоощущения, но внутренний мир, ни на что не ориентированный, не способен создать никакую целостность и единство из свойственной ему хаотичной множественности. Вот и начинает нуждаться такой хаотичный мир в **упорядочении**, причем именно и только – в упорядочении, безразлично на какой основе. И спешит молодой человек, «индивидуальный и самостоятельный», под крышу какой-нибудь секты, клуба, организации. Важно отметить, что руководители этих сект и организаций не лукавят: от адептов требуется послушание в первую очередь, формально исключается право на самостоятельность, отдельность, индивидуальность. Послушание и исполнительность – одинаково в религиозных, или бандитских, или политических, или в любого рода других объединениях.

Интересно отметить, что многие из тех молодых людей, до которых не дошли еще «паханы» и «гуру» (или тех, которые их все-таки благоразумно избегают), объединяются в различные сообщества «фанатов», в которых, даже если и не требуется кого-нибудь громить (хотя бывает и так), обязательно нужно принимать как высшую ценность объект своего фанатизма, то есть артиста, или футбольную команду, или... все равно, что. Цель и смысл объединения – найти внешнюю ценность для своих чувств и мыслей, не поддающихся собственной, внутренней упорядоченности. Цель и смысл объединения – почувствовать себя цельным, ясным, определенным, – а для этого уйти от собственного душевного хаоса.

Можно спросить: а почему же при этом не поддержать ценности легальные, рекомендуемые миром взрослых, то есть ценности обычные, **нормальные**? И ответ ясен здесь же: собственная несоциализированность, собственная невключенность в процесс легальной самореализации делает в сознании молодого человека «своим» в первую очередь также представителя мира «нелегального», «внезаконного».

Русский мыслитель XIX-го века Константин Николаевич Леонтьев подарил нам высказывание, которое здесь будет очень кстати: «Феодализм германский положил основание чрезмерному самоуважению лица. Самоуважению, которое... дойдя до нижних слоев западного общества, **сделало из всякого простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства**»¹.

Если этот текст попадет на глаза человеку социологически грамотному, – простите Леонтьеву его заблуждения в области обществознания, но воспримите заключительную часть утверждения, ибо **многие из нас сегодня чувством собственного достоинства не обладают, не возвышены, а именно – исковерканы**. И это уже печаль XXI-го века. Тем более, что леонтьевское «лекарство» от этого исковерканья никак не может нас удовлетворить: «Поменьше так называемых прав, поменьше мнимого блага!»² Леонтьев увидел отрицательную сторону социального прогресса и возгласил: **долой прогресс!**

«Исковерканность» молодых людей ощущается ими (как это показывают встречи и разговоры с молодыми людьми). В пояснение этого – действительно, непростого, – вопроса может быть полезно следующее: первичное и усиленное внимание к способностям наиболее явным и наиболее легко удовлетворяемым происходит за счет наличествующей в организме энергии, которую можно бы назвать «жизненной силой» (у физиологов наверняка имеется какое-нибудь специальное название для этой силы). Но количество такой силы естественно ограничено, – и тем самым уменьшается собственным их самоуважением энергетическая возможность проявления и реализации их же способностей более высокого, но менее явного плана. Человек, занявшийся собственной физиологией слишком рьяно, ограничит возможность самопроявления и даже самоосознания, – он **исказит, исковеркает** даже самопонимание, а не только самопроявление. Кстати, призыв не увлекаться радостями физиологического толка формулировался уже древними, а излишества в этом плане считались презираемой особенностью рабов, – поскольку явно тормозили возможность реализации способностей более высокого плана.

Как же бороться с недугом, происхождение которого и ясно, и неотвратимо (как результат социального прогресса)? Развиваемая здесь концепция позволяет прописать «рецепт», по крайней мере, непротиворечиво: **уберечь молодежь от исковерканья их правами и уважением можно только тем, чтобы, во-первых, предоставлять возможности для посильной и соразмерной реализации присущих им способностей, и, во-вторых, связывать размеры «даваемого» им с «получаемым» от них. Для чего в семьях необходимо:**

- **обязательно загружать детей посильными обязанностями и не допускать унижения взрослых перед любимым ребенком: лучшее место за столом, лучший кусок – папе с мамой (тем более, что «плохих кусков» нет, ребенок не будет обижен);**

- **перестать навязывать детям высокий уровень образования. Далеко не всем он нужен. Если ребенок учится без особого интереса, то лучше**

предложить ему освоение какого-либо ремесла. Великое достижение цивилизации выражается и в том, что продолжение образования именно в направлении, выбранном лично и по зрелому размышлению, сегодня осуществимо.

И еще: поскольку все люди стремятся реализовать свои способности, полезно напоминать молодым людям, что каждый из нас воспринимается другими людьми в первую очередь именно в этом ракурсе, то есть как помощь (подспорье, условие) в их самореализации. **Чем ты полезен окружающим?** – этот вопрос никого не должен обижать. Это честный вопрос, и молодой человек должен с детства уметь его себе задавать.

В свете того, о чем говорилось выше, тема «молодежь и культура» может восприниматься непротиворечиво не в каком-либо «особом» аспекте культуры, а именно как тема социологическая. То есть и с вопросами, и с ответами, почерпаемыми именно в теме «социология молодежи».

Итак, каким же должно быть **предполагаемое** отношение молодежи к культуре, или чего можно ожидать от «молодежной культуры»?

Если «мы», молодые, по отношению к вам, взрослым – «другие», – так и музыка наша, и литература, и фильмы, и манера поведения, и стиль взаимоотношений должны быть «другими». В кавычках потому, что «другие» – это не обычное русское слово, а принцип и ценность. Причем (что важно здесь) это такая ценность, которой служить легче всего, и (может быть, главное) понятней и осуществимей всего.

Музыка перестает быть **музыкой**, а становится каналом и символом выражения и самоутверждения. Кстати о музыке: каждой из групп наших потребностей может соответствовать какая-либо музыка. Духовной сфере, очевидно, музыка соответствующая, выражающая глубину и разнообразие потребностей духа. А вот какая музыка может соответствовать потребностям физической сферы в нас? Явно и ясно – содействующая и стимулирующая всякого рода движения, то есть главным образом ритмичная и достаточно громкая. Ну и как, читатель? Соответствует ли такой вывод тому явлению, которое называется у нас «молодежной музыкой»?

Вообще музыка ритмичная и даже громкая нужна всем возрастам – поскольку во всех возрастах существует физиолого-физическая группа потребностей (базирующаяся на соответствующих способностях) – но не только же!

Продолжим. Чайковский или Бетховен не плохи и не хороши. Они – ваши. Уважение к женщине не хорошо или плохо, – уважение к женщине нам (молодым) преподают взрослые – и потому «кайфово» перевернуть эти отношения вверх ногами: парни разукрашиваются косметикой и побрякушками, в разговорах элиминируется понятие стыда и дозволенности, дешевый каприз приобретает форму изысканной утонченности и, главное, независимости. Девушки на подиуме, на сцене и на эстраде – а вслед за тем и в компаниях – просто **должны** вести себя разнузданно, так как иначе они не будут приняты в качестве «своих». В литературе приобретают авторитет авторы, глубокомысленно «размышляющие» над темами, дав-

но человечеством осознанными, и особенно – отрицающие, отвергающие ценность вечных (взрослых) ценностей.

Напоминаю, что все это перечисление есть пока что только **предположение, основанное на нашем видении социального положения молодежи.** Но разве отличается это логически обоснованное ожидание от реальности? И потому также логически непротиворечиво может быть сформулировано предложение по поведению воспитателей и педагогов:

– достижения мировой культуры нужно не противопоставлять ее примитивным образцам, уважаемым в молодежной среде, а подавать их как просто следующий уровень. Например, в музыке ритм, темп, громкость – очень хороши. Не надо их ругать и, тем более, запрещать своим детям. Но подсказать, что другим состояниям молодой души может соответствовать музыка менее громкая, а богатству и глубине молодой души может соответствовать музыка разнообразная. Не нужно навязывать Баха или Рахманинова **вместо** рока и джаза. Их нужно предложить как дополнение к року, джазу и т.п.

– обращать внимание молодых людей на то, что их совершенно объективная тяга к самопознанию объективно же требует разнообразия и множественности впечатлений, а культура «взрослого» мира способна предоставить им эти множественность и разнообразие.

– **обеспечивая и оплачивая молодежное развитие, подчеркнута не поддерживать капризов и повышенной требовательности и претенциозности.** Приучать детей с малых лет учитывать уровень денежных трат даже в том случае, если в семье нет проблем с деньгами. При этом вот что существенно довести до понимания молодого и любимого в семье человека: беречь деньги и соразмерять их траты молодым (не зарабатывающим) человеком надо не только потому, что они «тяжело достаются», а главным образом потому, что безответственное отношение к деньгам содействует развитию в первую очередь способностей потребляющих. А такое развитие объективно тормозит развитие способностей творческих. Этот вывод – не просто «житейская мудрость», а результат учета энтропийно – негэнтропийных процессов, протекающих и в космосе, и в природе, и в обществе, и в индивидуе. Причем в индивидуе – одновременно и по-разному в его физиологической, психической и интеллектуальной сферах.

¹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского – СПб., 1991. – С. 172.

² Там же. – С. 290.

МИР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 74
ББК 85.12

М.А. Марченко

ИГРУШКА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕФОРМ НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассматривается круг вопросов, связанных как с историей изобразительного искусства, так и с историей педагогики, редко пересекающихся в рамках одного исследования. Анализируется мало известный материал по истории художественной игрушки, до сих пор остающейся маргинальной областью российской гуманитарной науки.

Ключевые слова:

декоративно-прикладное искусство, дизайн, игра, коллекционирование, кукла, художественная игрушка

Начало XX века – время кардинального пересмотра накопленного художественного опыта. Кризис культуры и распространение реформаторских художественно-педагогических идей активизировали интерес к национальным корням и поиски истоков «живого искусства» в новых областях. Открытие народного искусства как источника гениальных в своей выразительной простоте форм привлекло внимание художников к одному из наиболее ярких его проявлений – традиционной игрушке. С конца XIX века она погибала в непосильной конкуренции с дешевой промышленной продукцией. С другой стороны, в начале нового столетия передовой европейской общественностью, поддерживающей революционные идеи переустройства мира через воспитание красотой, было инициировано массо-

вое обращение профессиональных художников к оформлению детского, в том числе игрового, мира.

Содействие искусству, ремеслу и промышленности было целью ремесленных музеев, открывшихся в последней трети XIX века. Одним из них, Баварским ремесленным музеем в Нюрнберге, в марте 1903-го года был организован интернациональный конкурс проектов новой «художественной игрушки» среди профессиональных художников. Впервые игрушка стала темой соревнования в области искусства. «Каждое время имеет те куклы, которые оно заслуживает», – писала австрийский реформатор Берта Цукеркандл, призывая деятелей культуры к ответственности¹.

Огромный интерес к теме продемонстрировали прошедшие одна за другой интернациональные выставки: «Женская выставка» (Лондон, 1900), «Ребенок в перспективе времени» (Париж, 1901), передвижные выставки «Искусство в жизни ребенка», показанные во многих европейских странах и в России в первое десятилетие XX века, «Детский мир» (Санкт-Петербург, 1903–1904), Художественная выставка в Вене (1908), «Искусство для детей» (Париж, 1913) и др.

«Новейшая история игрушки» началась в Дрездене. В становлении художественной игрушки как самостоятельной области декоративно-прикладного искусства и дизайна важную роль сыграла деятельность Карла Шмидта, основавшего в 1898-м году в Дрездене фирму по производству мебели и домашних аксессуаров (позже Дрезденские мастерские прикладного искусства), где с 1902-го года начали производить игрушки по проектам художников. Уже в 1906-м году «игрушка от художников» была впервые продемонстрирована на дрезденской Выставке прикладного искусства. В каталогах фирмы впервые в истории игрушки под иллюстрациями стояли имена проектировщиков. Шмидт сознательно использовал их репутацию в рекламе своих изделий.

С самого начала авангардная «дрезденская игрушка» активно обсуждалась в газетах и в художественных журналах: «Ребенок и искусство», «Искусство», «Декоративное искусство», «Искусство и ремесло». Историческая значимость явления не осталась незамеченной современниками. Незвестный автор писал в декабрьском номере журнала «Ребенок и искусство» за 1905 год: «Если в более поздних десятилетиях или столетиях историк будет рассматривать наши игрушки, то он сможет понять через них дух нашей культуры и сделать некоторые интересные выводы. Наряду с безвкусной и бесполезной игрушкой он... сможет проследить формирование особого искусства игрушки. Эти игрушки отличаются от тех, которые еще преобладают на рынке, в первую очередь, замечательной простотой. Кому не бросается в глаза, что равная тенденция наблюдается в прикладном искусстве в целом... Искусство вошло в индустрию игрушек, будущий искусствовед объяснит это также знаком нашего времени, в котором искусство распространялось на все области жизни»².

Сложно свести все многообразие новой игрушки начала XX века к общему стилю, хотя определяющими в творчестве большинства ее создателей

были установки модерна. Так же очевидно, что большинство участвующих в этом процессе художников получило образование в академиях художеств или школах прикладного искусства в Дрездене, Карлсруэ, Мюнхене и Вене. Их стимулировал реформаторский культурный климат этих городов. При этом не было никаких установленных канонов форм – «искусство игрушки» возникало из сравнения, видоизменения и эксперимента. Среди материалов безусловное предпочтение было отдано дереву, а выбор тем и форм реформ-игрушки однозначно связывает ее с традиционной народной игрушкой.

Вплоть до Первой мировой войны художественная деревянная игрушка большей частью ориентировалась на мотивы игрушки XIX века до времени упадка традиционных игрушечных промыслов в последней трети столетия в связи с усилившейся индустриализацией общества. В своем отказе от натуралистического оформления художники пытались создать новую эстетику игрушки, которую отличали подчеркнутая образность, стилизация и упрощение естественных форм до характерного точно найденного силуэта или симметричной круглой токарной формы. Эффективными эти принципы стали там, где современная эстетика и рациональные методы изготовления счастливо соединялись, как, например, в плоской игрушке. В результате «новая художественность» возникала не в привычных объемных формах, а в выразительных силуэтах плоских фигур. Этому способствовало и влияние новых педагогических теорий, доказывающих, что игрушка для маленьких детей не может быть сложной и слишком реалистической. Плоская игрушка идеально соответствовала этим новым требованиям.

На оформление игрушки влияли самые различные течения искусства начала XX века, что доказывают отчетливые параллели с художественной книжной и журнальной графикой модерна или просматриваемые в отдельных проектах черты нового авангардного искусства. Новая игрушка соединила в себе элементы художественного ремесла, декоративно-прикладного искусства и зарождающегося дизайна. Большинство проектировщиков (братья Гайгенбергер, П. Ной, Э. Либерман, К. Зофель и др.) были дипломированными живописцами или графиками, работавшими как иллюстраторы или специалисты по рекламной графике. Их интерес к плоскому изображению закономерен.

В игрушках Р. Кулля, К. Вайдемайера и Г. Урбана явно просматриваются признаки кубизма и экспрессионизма. Было ли это результатом влияния модернистских направлений изобразительного искусства или итогом самостоятельных экспериментов, остается неясным. В любом случае они характерны для поколения художников, находившихся в активном поиске новых форм художественного выражения как в прикладном, так и в изобразительном искусстве.

Важное место в реформ-игрушке занимали жанровые игры, которые приветствовались движением возрождения и защиты народной культуры. Прежде всего, это спроектированные архитекторами города, деревни,

замки и усадьбы в духе типичных национальных ландшафтов. Они должны были нести родную культуру в детские комнаты. Их проектировали К. Шмидт, К. Вайдемайер, Г. Шаале, О. Швиндрацхайм и др. Эти архитектурные игрушки соседствовали с пастушескими сценками и идеализированными крестьянскими домами. Здесь заметны параллели с работами живописцев из движения возрождения народного искусства. Не удивительно, что такая игрушка воспринималась последними как образцовая и особенно ценная.

Однако промышленной массовой игрушке художественные реформаторские проекты не могли составить серьезную конкуренцию. Большая часть их так и не была внедрена в производство, оставшись проектом на бумаге или уникальным художественным произведением. Среди них оказались и работы лауреатов Нюрнбергского конкурса 1903-го года: И. Пухонни, Б. Хальбрайтера, М. Эберляйна, П. Майенфиша, Й. Бауера и многих других. Все же главной заслугой конкурса можно считать серьезный общественный резонанс, привлекий к игрушке внимание художников различных регионов и стран.

Ставшие широко известными мюнхенские зальцман-куклы по типу русской матрешки наряду с другими игрушками А. Зальцмана, В. фон Бекерата и Э. Вайгельт были впервые представлены на выставке прикладного искусства в Чехии в 1904-м году. Декорированные веселой росписью и выжигой игрушки вызвали бурный восторг не столько детей, сколько взрослых, о чем сообщала местная пресса. Не случайно некоторые художники (П.Л. Троост, Л. Холвайн) использовали их в оформлении интерьеров. Теряя функцию игры, игрушка начала создаваться как деталь оформления. Эту линию продолжили П.Ф. Мессершмидт и Ф. Рингер, чьи стоящие на подставках-ящичках выточенные деревянные куклы в форме традиционных немецких «докен» являются еще одним примером этой новой тенденции прикладного искусства, которая сделала совершенно расплывчатыми границы между игрушкой и декоративным предметом. С того времени декоративная и игровая функции игрушки становятся равноправными. Игрушка окончательно поселилась во взрослом мире.

Особая элегантность и рафинированность отличала художественную игрушку Вены. Выточенные фигуры К. Мозера, Ю. Цимпеля или ранние работы Ф. Андри, конечно, радовали эстетов, однако едва ли были предназначены для детских рук. Большинство венских художественных игрушек созданы для выставок и витрин. Как подтверждают иллюстрации в многочисленных журналах прикладного искусства, именно эти игрушки часто находили применение как элементы оформления и предметы коллекционирования в домах крупной буржуазии. Дорогие, богато декорированные в стиле модерн фантазийные животные Д. Пехе – настоящие шедевры декоративно-прикладного искусства. Той же линии придерживались Й. Хофман, К.О. Кцешка, М. Маутнер фон Маркхоф, М. фон Ухатиус, М. Роллер, И. Хольман, Р. Ваксман, чешские художницы Ф. Харлфингер-Цакука и М. Подхайска.

Реформаторский климат Вены был похож на мюнхенский. Часто употребляемый термин «венский художественный стиль», охватывающий целый комплекс духовных феноменов того времени, включает в себя и область художественного творчества, направленного на ребенка. Большинство исследователей склонно считать именно Вену центром реформаторского художественно-педагогического движения.

Усилия австрийских художников были направлены, прежде всего, на привнесение в мир ребенка творческих игровых элементов и, больше, чем где бы то ни было, соотносились с народной традицией. Старые формы народного искусства, почти забытые техники и материалы открывались по-новому и адаптировались для изготовления игрушки. Высокий эстетический уровень и качество используемых материалов стали главными требованиями, предъявляемые к новой игрушке. Школа прикладного искусства, открывшаяся в 1899-м году под руководством Ф. фон Мирбаха, стала местом рождения молодого авангарда, а основанные в 1903-м году Венские мастерские, с их высоким художественным потенциалом, сделали решающий шаг на пути претворения в жизнь интернациональных реформаторских стремлений.

Во Франции игрушки, вдохновленные современностью, появились уже на конкурсе, организованном Лепином в 1901-м году (Ф. Мартэн, М. Келлерман). Однако вплоть до Первой мировой войны игрушка здесь оставалась в традициях французского прикладного искусства, все чаще получая упреки в чрезмерной изощренности. «Лучше, чем здесь, отсталость французского прикладного искусства не увидишь нигде, идет ли речь о книжных переплетах, вышивке, женских украшениях, или, как в этом году, об искусстве для ребенка», – пишет анонимный автор в статье о выставке декоративно-прикладного искусства 1913-го года в Париже³.

Реформы во Франции были ускорены войной, которая исключила немецкий импорт и усилила патриотизм. Каран д'аш (Э. Пуаре) был одним из первых художников, начавших делать деревянную игрушку. Родившийся в России Э. Пуаре известен, в первую очередь, своими юмористическими рисунками, в которых, как и в игрушках, он эффектно использует выразительность силуэта. Его добродушные львы, собаки и жирафы, похожие на телеграфные столбы, забавны и элегантны одновременно. Уже в 1882-м году Пуаре, тогда капрал форты Бисетр, вырезал из дерева солдат, а в 1907-м году он выставил свои деревянные фигурки на Салоне юмористов. Вероятно, их успех привел Каран д'аша в игрушку, которая продавалась в художественных магазинах под именем художника и сопровождалась рекламным текстом «Это игрушка и, в то же время, произведение искусства»⁴. Примеру Пуаре последовали Ж. Онфрей де Бревиль, А. Элле и Б. Рабье.

Несколько позже присоединилась к реформаторскому движению Швейцария. Приходу художников в индустрию игрушки способствовал основанный в 1913-м году Швейцарский заводской союз, организовавший ряд выставок и конкурсов. Их большим достижением можно считать актив-

ное внедрение премированных проектов в производство и высокие требования не только к художественному, но и к технологическому качеству. При этом швейцарские художники остались верны собственной традиции резьбы и росписи круглых фигур (А. Ислер, П. Хуглер, Й. Фюльшер, Й. Керли-Хубер).

В русле общих поисков современных форм через возвращение к «народности» работали художники-реформаторы Венгрии (М.У. Спрингольц, А. Юхаз, Л. Инотай, Г. Маркус) и Чехии (Ф. Закука, М. Подхайска).

Вопросы новой эстетики игрушки активно обсуждались в России, в первую очередь, в статьях Н.Д. Бартрама и Л.Т. Оршанского. В докладе Оршанского «Игрушки и прикладное искусство» на Всероссийском съезде художников 1912-го года прозвучал призыв бороться с «рыночным хламом» средствами искусства⁵. При этом у русских художников было свое, несколько отличное от западноевропейского понимание художественной игрушки, которая, по их мнению должна «строиться на скульптурной круглой конструкции, потому что это лучший и более исчерпывающий способ выражения форм»⁶.

Так же как для западноевропейских реформаторских кругов, основополагающим для прогрессивных деятелей российской культуры в те годы было обращение к истокам национальной культуры, к народному искусству во всех его видах и жанрах. Мощный патриотический подъем на рубеже веков – с одной стороны, и продолжающийся под натиском фабричного производства упадок деревенских кустарных промыслов – с другой, создали почву, на которой родились идеи возрождения русского искусства, позже повлиявшие на идеи эстетического воспитания в России. Деятельность художников, объединившихся вокруг центров Абрамцево и Талашкино, – еще один пример попытки вывода искусства из тупика, в котором оно оказалось в конце XIX века. Как и их зарубежные коллеги, русские художники обратились при этом к народному творчеству, увидев в нем свежий незамутненный источник, правду жизни.

Уже в 1890-е годы в российской профессиональной художественной среде был замечен особый интерес к созданию игрушки подчеркнуто национального характера. Высокая профессиональная культура абрамцевских художников, «привитая к засыхающему стволу московского художественного стиля, создала новую ветвь, сохранившую русскую сердцевину»⁷. Создаваемые ими проекты новых игрушек в национальном стиле изготавливались сергиевскими кустарями, с 1891-го года объединенными в Учебную игрушечную мастерскую, созданную Московским губернским земством по типу художественно-промышленных школ в Западной Европе. Готовые игрушки поставлялись в московские магазины, например, в основанную С.И. Мамонтовым мастерскую-магазин «Детское воспитание» или Магазин русских работ. В отличие от абрамцевских игрушки из Талашкино не выпускались серийно, являясь ценными произведениями декоративно-прикладного искусства, созданными не столько для детской игры, сколько для коллекции.

В магазине «Детское воспитание» рядом с так называемыми этнографическими куклами, одетыми в праздничные костюмы различных губерний и уездов России, стали появляться художественные игрушки, в которых наряду с национальными чертами стал все отчетливее проявляться характер стиля модерн. В 1998-м году здесь появилась первая матрешка, изготовленная активным поборником «русского стиля» в искусстве С. Малиотиным и токарем В. Звездочкиным. После международного признания в 1900-м году на Всемирной выставке в Париже она начала выпускаться многочисленными артелями в промысловых игрушечных центрах, став в результате редким примером «народной» игрушки, созданной профессиональным художником, а главное, подтверждением нетщотности усилий прогрессивных деятелей того времени вдохнуть новую жизнь в традиционное искусство.

Трудно переоценить роль Н.Д. Бартрама как педагога, художника, коллекционера и исследователя игрушки. Результаты его деятельности до сих пор практически не рассматривались в общем русле международного реформаторского движения, а потому недостаточно оценены зарубежными исследователями.

В 1910-м под руководством Н.Д. Бартрама в Кустарном музее был образован отдел образцов, в котором предусматривалась должность художника по игрушке – факт, наглядно демонстрирующий изменившееся отношение передовых кругов к этой области культуры и к детству целом. Уже три года спустя в Музее был открыт зал игрушки, в экспозиции которого проглядывались первые попытки использования нового «игрового» моделирования музейной среды за счет включения сюжетных групп в виде мизансцен (прием, получивший широкое распространение в будущей музейной практике). Параллельно в теоретических трудах Н.Д. Бартрама заметна тенденция преодоления типичного в те годы для России сугубо эстетического взгляда на игрушку, главным образом как на носителя традиций народной культуры, в ущерб ее воспитательной функции. В его статьях «Игрушка – радость детей», «Игрушки и начатки ручного труда» рассматривается функциональная игровая ценность игрушки как средства освоения культуры и развития личности ребенка. Высказанные в них новые представления об игрушке нашли свое практическое воплощение в разработанном Н.Д. Бартрамом проекте первого российского музея игрушки.

Начало XX века стало временем рождения первых специализированных музеев игрушки и детства, что логично вписывается в круг «детских интересов» времени. До этого коллекции игрушки были частью этнографических и художественных музеев (первая обширная коллекция была представлена в лондонском Музее Виктории и Альберта уже в конце XIX века). Первый музей игрушки открылся в 1901-м году в Зоннеберге, центре игрушечной индустрии Германии. За ним последовали музеи в других городах Германии и в Великобритании. К моменту открытия московского музея сложился полифункциональный подход к игрушке, предполагающий не только ее экспонирование как этнографического предмета или

произведения декоративно-прикладного искусства, но и представление как важного элемента детской культуры, средства воспитания и обучения, не теряющего этой функции даже в музейной среде.

При всем сходстве ситуаций, в которых происходило развитие западной и российской художественной игрушки, зарубежная испытала более мощное влияние профессионального искусства. В создании российской художественной игрушки приняли участие такие разные художники как С. Коненков, С. Крандиевская, Е. Беякова, К. Кузнецов, С. Малютин. Как и за рубежом, предпочтение было отдано дереву, но применялись и другие материалы, например, папье-маше (В. Ватагин), глина (И. Жуков), бумага (Н. Бартрам, С. Исаков, И. Ефимов, Н. Симонович-Ефимова, В. Голубкина). Однако почти никто из пришедших тогда в игрушку профессиональных художников в будущем не связал с ней свою творческую жизнь. В то время, когда в Западной Европе над созданием игрушки работали уже сотни профессиональных художников-прикладников, живописцев, графиков, скульпторов и архитекторов, в России была сделана ставка на обучение и повышение художественного уровня ремесленников-кустарей, которые должны были стать разработчиками новых современных образцов.

В целом, великие идеи возрождения искусства и эстетического воспитания в России, как и за рубежом, оказались востребованными лишь узкими кругами. Кроме того, педагогическая составляющая движения была здесь менее значительной, чем в ведущих европейских странах. Поэтому, оставшись локальным периодом в истории художественного ремесла и декоративно-прикладного искусства, русская художественная игрушка не стала отправной точкой становления дизайна игрушки, источником новых идей, определивших ее будущее, пусть даже отброшенное войной почти на десятилетие, как это случилось в Западной Европе.

Сам факт рождения художественной игрушки в западной исследовательской традиции прочно связан с реформаторским движением начала XX века. Как цельное явление реформ-игрушка принадлежит истории декоративно-прикладного искусства и дизайна, хотя рождение последнего обычно связывают с деятельностью объединения «Де Стил» и Баухауза. В рассмотрении видовой принадлежности реформ-игрушки нельзя не учитывать специфику времени становления промышленного искусства. Первыми проектировщиками игрушки были деятели искусства самых различных творческих специальностей: архитекторы, живописцы, графики, скульпторы, художники декоративно-прикладного искусства. В своих проектах они преследовали, в первую очередь, творческие задачи, связанные с общими художественными тенденциями времени, меньше заботясь о педагогической или игровой функции игрушки, плохо ориентируясь в технологиях серийного производства. Вопрос определяющего в дизайне единства функции и формы, подчиненной возможностям массового промышленного изготовления, еще только ставился на повестку дня. В большинстве своем авторы мыслили категориями прикладного искусства, ориентированного на единичность и ручную работу, что стало одной из

причин несостоятельности проекта реформирования игрушечной индустрии в начале XX века. Кроме того, именно в это время, увлекшись темой, художники начали создавать игрушки единично или собственноручно в малой авторской серии, делая их для детей или рассматривая как самоценное художественное произведение.

Реформаторское движение начала XX века замечательно уже тем, что впервые в истории игрушки к ней обратилось так много мастеров из всех областей изобразительного и прикладного искусства. Несмотря на то, что максималистские идеи движения художественного воспитания, предполагающие полное реформирование жизни с целью создания нового человека через красоту, потерпели фиаско, само движение оставило после себя новые педагогические представления, в том числе и об игрушке, которые в своих главных тезисах актуальны по сей день. Именно с того времени мир искусства стал серьезно интересоваться игрушкой, причем в стремлении не только улучшить детский мир, но и повлиять на мир взрослых.

¹ Цит. по: Hansen T. *Kunst und Spiel – Wiener Werkstätte / Spielzeug, Spiel und Spielereien* / Ausst.-Kat. Niederösterreichischen Landesmuseums, 1987. – С. 22.

² Цит. по: Latus U. *Kunststücke. Holzspielzeugdesign vor 1914* / Ausst.-Kat. Spielzeugmuseum Nürnberg, LGA Bayern. – Nürnberg, 1998. – С. 110.

³ L. D. Kind und Kunst in Frankreich // *Dekorative Kunst*. – № 17, 1913. – С. 145–152.

⁴ Burckhard M. *Jouets d'artistes* // *CEil*, № 389, 1987. – С. 70–73.

⁵ Зильберштейн Н. На Всероссийском съезде художников // *Труд и искусство*. – 1912. – № 3. – С. 9–10.

⁶ Бартрам Н.Д. *Игрушка* / Указ. соч. – С. 51.

⁷ Шацков В.С. *Жизнь замечательных детей. Очерки по истории мировой игрушки*. – М., 1991. – С. 207.

ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 378
ББК 71.0

Л.М. Мосолова

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ КАК КОНЦЕПТЫ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

Рассматривается содержание понятий модернизация и инновация в контексте модели культурогенеза. Проводится различие между ними: модернизация понимается как изменение культуры по образцу, предлагаемому Западом; инновация как базовый элемент культурной динамики.

Ключевые слова:

вестернизация, динамика культуры, инновация, культурогенез, модернизация

Может ли реальность изменяться под воздействием наших идеалов таким образом, чтобы в итоге полностью им соответствовать?

Ф. Шеллинг

Дискурс нашего времени, связанный со стремительным процессом глубоких социокультурных изменений, выдвинул на первый план широких обсуждений сначала проблему модернизации, а вскоре и проблему инноваций в различных сферах жизни общества и культуры. Яркий

пример тому – тема петербургского саммита «Группы восьми» в 2006 году: «Образование для инновационных обществ в XXI веке». Ее обсуждению предшествовала соответствующая Московская декларация министров образования «восьмерки». В итоговом документе саммита провозглашалось: «Мы будем способствовать формированию глобального инновационного общества посредством развития и интеграции всех трех элементов «треугольника знаний» (образование, исследования и инновации), крупномасштабно инвестироваться в человеческие ресурсы, развитие профессиональных навыков и научных исследований, а также путем поддержки модернизации систем образования с тем, чтобы они в большей степени соответствовали потребностям глобальной экономики, основанной на знаниях»¹. Подчеркивалось, что «образование составляет основу прогресса человечества» и «социально-экономическое процветание в XXI веке зависит от способности стран обеспечивать образование всех членов общества с тем, чтобы дать возможность каждому человеку преуспеть в стремительно меняющемся мире»². Утверждалось, что «Образование, совершенствование профессиональных навыков и генерация новых идей является залогом развития человеческого капитала и основной движущей силой экономического роста и рыночной эффективности, а также источником сплоченности всех государств»³.

Обратим внимание на характерную лексику этого документа, на акцентацию понятий «экономика», «капитал», «экономический рост», «рыночная эффективность», «социально-экономическое процветание», «прогресс» и т. п. Однако вначале рассмотрим два основополагающих понятия, связанных с теорией и практикой развития культуры и ее образовательной сферы, – «модернизация» и «инновация». На первый взгляд они кажутся синонимичными, но на самом деле имеют смыслы различного порядка, сопряженные с содержанием более общей категории «культурогенез».

«Культургенетические процессы, – отмечает автор фундаментального исследования в этой области А.Я. Флиер, – представляют собой один из видов социальной и исторической изменчивости культуры. Они специфичны *инновационным характером* (курсив мой – Л.М.) осуществления процедур формо- и системообразования в культуре, протекающих во взаимодействии с трансформационной изменчивостью иных культурных явлений»⁴. Иными словами, культурогенез является *сущностным свойством культуры*, ее творческого начала, непрерывно порождающего новые феномены, формы, структуры, конфигурации и т. д. и интегрируя их в существующие культурные системы, тем самым обновляя их в целом. Если понятия «новация», «инновация», «инновизация» связаны с *перманентным процессом обновления культуры*, то модернизация обозначает переход к современности. Модернизация образования есть его изменение в соответствии с требованиями современности. Но какой современности?

Нужно иметь в виду, что «теория модернизации» появилась в университетах США в 60-е годы под воздействием трудов Т. Парсонса и Р. Мер-

тона и далее развивалась в работах Ф. Риггса, С. Липсета, С. Хантингтона и других американских исследователей, обосновывающих свою политику в отношении стран «третьего мира» и предлагающих им определенные способы изменения традиционных культур и перехода их к более прогрессивным современным.

Однако все дело в том, что в европейском самосознании эталоном современности с эпохи Просвещения и до наших дней считался Запад. Для западных стран современность существует там, где он реально присутствует со своими интересами, надеждами и заботами и осознает свою цивилизаторскую идентичность. Сегодня по своему общему смыслу это понятие отражает политическую теорию и социокультурную практику части российского западничества. Темой многих поколений наших западников, включая нынешних, как известно, была тема исторической отсталости страны и желание ее осовременить по европейскому образцу. Первый модернизационный штурм России был осуществлен Петром Великим и продолжен на протяжении двух веков в разных реформах имперского типа, в том числе и в образовании. По-своему продолжилось дело модернизации России в коммунистических стратегиях и тактиках, осуществляемых недемократическими и вне рыночными средствами – «минуя капитализм». В последнем десятилетии XX века начался третий модернизационный штурм российского общества и культуры.

Сегодня различаются две модели модернизации⁵. Первая – вестернизация – является способом прямого навязывания Западом незападным странам своего образа жизни и системы ценностей. Вторая – «догоняющая модернизация». Здесь субъектом модернизации считается сама модернизирующаяся страна с ее национально-государственной независимостью, но и в этой модели есть элемент вестернизации с заранее планируемым результатом, с сознательно прогнозируемым финалом, с отчетливо артикулируемой конечной целью. (Недавно в Лундском университете (Швеция) на семинаре, посвященном проблемам модернизации образования, на котором вместе с российскими учеными присутствовали коллеги с Украины, выступавший шведский политолог убеждал слушателей: «Идти Украине с Россией – значит отставать, идти с Западом – значит стать *современной* страной»). Этим модернизация отличается от естественно-исторического развития, детерминированного не извне поставленной целью, а внутренними социокультурными причинами. В сущности, модернизация, по выражению В.М. Межуева, «есть искусство копирования, а не создания оригинала»⁶.

Понятие «инновация» и родственные ему понятия «инновационное развитие», «инновизация» более адекватно передают суть и стратегические задачи развития российского общества и культуры. Как уже отмечалось, это понятие выражает исторические закономерности процесса культурогенеза – постоянного порождения новых культурных явлений и форм. Причина инноваций – необходимость адаптирования обществ к меняющимся условиям существования путем выработки новых смыслов, средств, техно-

логий и продуктов человеческой деятельности (вещей, знаний, символов, коммуникаций, механизмов социализации и инкультурации и т. д.). Как полагает крупный исследователь проблемы соотношения традиций и инноваций Э.С. Маркарян, адаптация способствует сохранению и развитию общества, поскольку работает по принципу «обратной связи». Процесс инновизации определяется им в качестве «культурных мутаций», возникающих в ответ на «вызовы» окружающей социокультурной и природной среды. «Если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются культурной традицией...»⁷ Инновационные сдвиги имеют определенные фазы (инициирование поисков нового, создание новых форм, их конкурс, затем внедрение лучшего). Некоторые инновации могут реактуализироваться из прошлого, заимствоваться из иных культур. Введение новаций может осуществляться тремя способами: 1) спонтанно; 2) стимулированно; 3) путем творческого заимствования.

С сознанием своей немодернизированности, несовременности, то есть какой-то дикости развиваться мучительно трудно, если вообще возможно. Однако именно такая идентичность навязывалась на постсоветском пространстве целыми группами европейских советчиков по глобализации. На последней международной конференции, проводимой в рамках проекта ЮНЕСКО «Центральная Азия и культура мира» на тему «Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации», представители Европарламента говорили о необходимости включения стран в глобализационный процесс «по примеру Европы и США»⁸.

Представляется, что современность как проблема становится в век глобализации проблемой, решаемой всеми странами. **Глобализация – это переход к такому мировому порядку, в котором ни у одной страны нет привилегии на современность, а есть возможность творческого самообновления.**

Наряду с предложенным здесь пониманием инновации как концепта динамики культуры существует и иная его интерпретация. Например, проф. В.Г. Егоркин, сравнивая латинское понятие «novatio» («обновление») с французским «innovatio» и английским «innovation» (нововведение), делает вывод о том, что понятие «инновация» имеет «современное происхождение, лингвистическая родина его Франция или Англия (США)»⁹. По его мнению, природа инновационной установки связана с архетипами западной культуры, которые «несут в себе фаустиански-мефистофельское разрушительное начало с его апелляцией не к прометеевскому жертвенному добродейанию во имя и ради людей, но напротив, восходя к антитезе ветхозаветного «возлюби ближнего своего, как самого себя» – инфернально-эгоцентрическому примитиву «возлюби себя». Это истинный архетип инновации»¹⁰. Если учесть социальную основу этого понятия (то есть западный мир) и гносеологические англоязычные корни, а также идеологию «двойных стандартов», практикуемую американскими геополитиками, – отмечает В.Г. Егоркин, – «то это один из способов реализации доктрины

глобализма в условиях России»¹¹. Он также подчеркивает, что теоретической предпосылкой инноваций выступил прагматизм как философия успеха, признающий ценностью лишь то, что служит успешной жизненной практике индивида. Кроме того, концепция успешной личности, заложенная в основу теории педагогических инноваций, – утверждает автор, – «восходит к этике персонализма, где индивидуальным ценностям дается преимущество перед другими нравственными ценностями и, следовательно, нравственно все, что определяет успех индивида»¹². Существенно при этом, что субъективные интересы индивида противопоставляются интересам социума.

Автор приходит к заключению, что гносеология прагматизма и этика персонализма «являются философской субстанцией инноваций, которая достигла апогея в постмодернистских инновациях и практике социокультурного формирования на рубеже XX–XXI веков»¹³. Такой релятивизм приводит к отрицанию высших вечных ценностей и является основой технологии циничного манипулирования массовым сознанием, вызывает чувство постоянного напряжения, неуверенности и страха.

В критическом отношении В.Г. Егоркина к современной инновационной практике есть, конечно, резоны. В инновациях, характеризующих, в первую очередь, внедренческую практику технических и технологических открытий в европейских фирмах и организациях, заложена идея конституирования социальности на основе определенных рационально осознанных принципов – «сверху вниз». С этим во многом связаны идеи конструктивизма в понимании этнической идентичности, которые базируются на постмодернистских установках, где свободной творческой игре личности противостоит косная масса, представляющая собой лишь некую «возможность». Такой путь обновления любой культуры действительно может обрести разрушительный характер, ибо практически игнорирует в инновационном процессе устойчивую составляющую социума, ядро культуры. Это и приводит к «инновационному трансу» ярых прогрессистов–глобалистов (как правило, западников) и пугает традиционалистов или консерваторов.

Содержание концепта «инновация» часто неверно отождествляется с содержанием концепта «модернизация», когда речь идет в основном об опасности слепого заимствования, копирования новшеств англо-американской цивилизации как идеальных эталонов и механизмов развития культуры современности, которые должны воспринять и ввести все страны в процессе глобализации безотносительно к собственным традициям и интересам. Это характерно и для названной работы В.Г. Егоркина.

Стоит обратить внимание на то, что и в латинском языке есть понятие «innovatio» – обновление, нововведение, перемена¹⁴. И оно появилось задолго до нового времени. В русском языке слову «инновация» соответствует понятие «нововведение» – тоже давнее. Существенно, что инновация, или нововведение, может не только приходить извне, но и произрастать на

отечественной почве. Причем между появлением новации и ее введением в культуру может пройти значительное время.

В теоретическом дискурсе термин «инновационное общество» возник в начале 90-х годов. Английские ученые А. Амин и К. Роббинс обосновали положение о том, что современная индустриальная система, основывающаяся на новациях, является «новым выражением локальной и глобальной динамики»¹⁵.

Социальную инноватику еще в своих ранних работах исследовал теоретик системно-синергетических процессов А.И. Пригожин. Он полагал, что инновация в обществе и культуре является формой управляемого развития¹⁶. В ходе претворения нововведений в культурную практику происходит целенаправленное изменение. В социокультурной среде появляются новые, относительно стабильные элементы. Эти элементы являются предметами нововведения, последнее же представляет собой процесс, то есть переход определенной системы из одного состояния в иное.

Понятие «инновация» быстро приобрело междисциплинарный статус, ибо нововведение, – как отмечал Н.И. Лапин, – есть комплексный процесс создания, распространения и истолкования нового практического средства (новшества) для более полного удовлетворения уже известной потребности людей¹⁷.

В современной социогуманитарной мысли взаимоотношение инновационного и традиционного компонентов в развитии культуры становится мэйстримом. Сущность социокультурной инновации понимается как фундаментальный механизм социальной и культурной динамики. При этом нужно иметь в виду, что (как отмечается в эвристически ценной работе Т.А. Мазаевой, посвященной исследованию инновационной динамики в этнокультурной среде) «парадигма исследования инновационных процессов сформировалась в сфере междисциплинарных исследований, связанных с определением внедренческой политики фирм, организационной перестройки различных систем производства и управления на основе принципов инновационного менеджмента, позиционного анализа нововведений и т. д.». Эта «технократически ориентированная инноватика, – подчеркивает автор, – исходит из классического для новоевропейской культуры представления о человеке как субъекте принятия решений на основе рационального подсчета приобретений и потерь. В инноватике, вышедшей из экономических прикладных исследований о конкурентной стратегии фирм в условиях «гонки за новизной» (товара, услуг, потребности и т. д.), незримой тенью присутствует предприниматель, активный и абстрактный, лишенный этнических черт, субъект рыночного хозяйствования со своей специфической системой ценностей и целерационального действия. Однако «максимизация полезности» оказывается побуждающим мотивом для инновации весьма ограниченной сферы человеческой жизнедеятельности»¹⁸.

Вместе с тем следует иметь в виду, что все нововведения в конкретной культуре проходят своеобразный отбор с точки зрения их согласованнос-

ти или несогласованности с ментальными установками и традиционными ценностями и принимаются и отторгаются в зависимости от того, насколько высок инновационный потенциал этнической культуры. Эффективность инновационного процесса зависит от исторически сложившейся в каждой национальной культуре меры инновизации как того предела, за границами которого количественно накапливаемые в ходе культурогенеза нововведения разрушительным образом воздействуют на ядро культуры общества и личности.

Как верно отмечает Т.А. Мазаева, «новшество, рассмотренное с технократических позиций, как рационализованная система, воспринимаемая индивидом с точки зрения ее «разумности», часто оказывается дестабилизирующим фактором, поскольку не возбуждает тот необходимый уровень энергетичности, который является источником реального исторического действия. Для внедрения новшества необходима не только новая информация, но и новая социальная энергия, источник которой лежит в сфере ценностных мотиваций и связан, в том числе, с этнической идентичностью человека»¹⁹. Таким образом, традиция – это не только ограничивающий, но и «катализирующий» момент процессов социокультурного обновления. «Именно мир норм, идей и символов, а не простая «материальность» социального бытия человека, определяет и коррелирует меру инновизации общества», – заключает Т.А. Мазаева²⁰. В свете сказанного понятно, насколько важно использовать инновационный потенциал традиций. В умении принимать и усваивать инновации действительно состоит жизнеспособность традиций. Это умение становится одним из индикаторов жизнеспособности этноса или нации.

Многие современные исследования показали, что довольно часто нововведения на почве национальных культур по своим результатам и последствиям оказываются весьма далекими от первоначального замысла. В свое время М. Вебер ввел понятие «типы рациональности». Речь шла о гармоничном и взаимообуславливающем сочетании у представителей того или иного народа различных типов рациональности (экономической, коммуникативной, религиозной, моральной и других) с их определенными ценностными приоритетами. Релевантность инновации данному сочетанию или отдельным ее компонентам дает возможность использовать потенциал традиций для успешного нововведения.

Сегодня исследователи «понимающей социологии» М. Вебера развивают представления о типах рациональности. В частности, в теоретический арсенал культурологии вошло понятие «этнокультурный тип рациональности» как существенной обобщающей характеристики этнической или национальной культуры, ее ментальности, а также характеристики человека, принимающего решения и действующего соответствующим образом в инновационных процессах²¹.

Таким образом, теория инноватики раскрывает возможность сознательной внедренческой установки в процессе обновления обществ, формирования

субъектов инновации на основе понимания конкретных типов рациональности и их инновационного потенциала. В этом случае с внедрением инноваций не случится того, о чем столь выразительно говорил бывший премьер-министр России Виктор Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Понимание значимости культурного многообразия народов, особенностей их типа мышления и ценностных установок нашло определенное отражение в упоминавшемся документе «группы восьми», принятом на Петербургском саммите. В нем, в частности, отмечается: «Мы будем обмениваться информацией о квалификационных системах в наших странах для улучшения понимания различной национальной практики и традиций в сфере образования» (пункт 13); «Мы будем стремиться к максимальному наращиванию человеческого и социального капитала всех людей на основе политики признания того, что многообразие в секторе образования и на рабочем месте способствует инновациям и стимулирует творческую активность» (пункт 35)²².

Однако все содержание документа, вся его лексика свидетельствует о доминанте прогрессистских технико-технологических ориентациях в формировании инновационных обществ. Здесь, конечно, *речь идет не об инновациях, а о модернизации обществ*. В основе такого понимания инновации лежит ограниченное представление о человеке, типе его этнической рациональности, национальной идентичности. Это абстрактный «человек экономический», действующий в сфере предпринимательства и рынка. Именно ограниченность в понимании самого человека и различии его культурных характеристик, ограниченность в понимании самой системы и динамики культурогенеза вызывает инертную позицию или сопротивление многих россиян, размышляющих о развитии образования в стране в контексте его глобализации и практически участвующих в процессе его обновления. Они прекрасно понимают, что итогом развития приоритетного проекта западной цивилизации под названием «человек экономический» становится диктатура обезличенной в своих желаниях и потребностях, деградировавшей в духовно-нравственном отношении массы.

При этом следует иметь в виду, что интеллигенция России никогда не отрицала европейскую культуру, признавала ее достижения в науке и технике, многому училась у нее, испытывала на себе ее позитивное влияние. Однако отношение к тому, что обычно называют «западной цивилизацией», выродившейся в мещанство, с ее фетишизацией техники, прогресса, рынка, денег, силы, личного успеха и т. д., было остро критическим. Именно это служило причиной поиска пути национального развития. Восприятие инновационных моделей экономического и политического развития должно опираться на конкретные культурные ценности, традиции, тип рациональности и духовных идеалов человека.

Проблема не только в том, чтобы взять у Запада все ценное в обновлении экономической и технологической сферы, но и в том, чтобы, преодолевая существующую отсталость в этой области, найти выход из тех тупиков и противоречий, в которые попала западная цивилизация, с чем связан ее кризис. Элементы модернизации в России, конечно, возможны. Однако, как подчеркивает В.М. Межуев, задачей современной России является «не механическое копирование западной цивилизации, не создание какой-то особой, не похожей на нее цивилизации (то и другое есть действительно утопия), а продолжение начатого Западом построения общечеловеческой цивилизации, но только в направлении ее примирения и согласования с природными и культурными основаниями человеческой жизни, с функциональной потребностью человека в индивидуальной свободе и целостном развитии»²³.

Переход к устойчивому инновационному развитию российской системы образования необходимо основывать на разных «китах» в системе комплиментарного взаимодействия. В этом процессе полезно использовать гуманистические традиции и лучшие технологические достижения европейского образования. Вместе с тем следует *иметь в виду особенности национального типа рациональности, с присущим ему целостным видением мира (не просто рынка!), а также многообразие этнокультурных и региональных типов рациональности в огромном культурном пространстве страны, взаимодополнительность их инновационных потенциалов.*

Для развития «человеческих ресурсов» через образование особенно важно (чтобы не одичать) направлять ум, чувство и энергию молодого поколения россиян не только к обретению материально-вещной и телесной комфортности, но прежде всего *устреплять все его сущностные силы на понимание своего высокого нравственного предназначения, на соизмерение своих поступков с вечно искомым идеалом «нотто харто», высшими духовными идеалами, на обретение способности понимать «своего» и «чужого», конструировать гуманное смыслополагание своей жизни и совершенствовать поразительнейшее явление, сотворенное человеком, – культуру.*

В заключение отмечу, что **инновационное развитие – удел уважающей себя нации**, какой в действительности становится Россия. **Нашей стране сегодня доверяет бизнес, и надо сделать так, чтобы ей доверяло мировое образование**, причем в подготовке специалистов не только в области естествознания и техники, но и в сфере социальных, гуманитарных и культурологических наук, а также в общем деле воспитания достойного в духовно-нравственном отношении человека любой профессии.

¹ «Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование». – 2006. № 9. – С. 3–12.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Флиер А.Я. Культурогенез. – М., 1995. – С. 118; Его же: Культурология для культурологов. – М., 2000. – С. 264.

⁵ См. об этом: Межуев В.М. Культура в контексте модернизации и глобализации // Теоретическая культурология. – М.; Екатеринбург; РИК, 2005. (Серия «Энциклопедия культурологии». – С. 311–318.

⁶ Там же. – С. 311.

⁷ Маркарян Э.С. Культурная традиция и дифференциация ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. – Ереван, 1978. – С. 86.

⁸ См.: «Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации». Международная научно-практическая конференция 27–29 августа 2007 г., Иссык-Куль. Общественный фонд «Диалог культур и цивилизаций». – Бишкек, 2007.

⁹ Егоркин В.Г. Философия инноваций // Общество – Среда – Развитие. Научно-теоретический журнал. – № 1. – 2006. – С. 18.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Современный словарь иностранных слов. – 4 издание; стер. – М., 2001. – С. 474.

¹⁵ Amin A. and Robbins K. These are not marshallian times // Innovation Networks: Stratial Perspectives. – London, 1991. – P. 105.

¹⁶ Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). – М., 1989. – С. 28.

¹⁷ Лапин Н.И. Актуальные проблемы исследований нововведений//Социальные факторы нововведений в организационных системах. – М., 1980. – С. 6.

¹⁸ Мазаева Т.А. Инновационная динамика в этнокультурной среде. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 15.

¹⁹ Там же. – С. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 17.

²² «Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование». 2006. – № 9. – С. 3–12.

²³ Межуев В.М. Указ. соч. – С. 208.

УДК 378+130.2
ББК 71.0

Х.Г. Тхагапсоев

К ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ ИЗМЕРЕНИЯМ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматриваются смысл категории «технология», которую предложено понимать как универсальный способ бытия знания; критерии типологизации гуманитарных технологий; роль культурологии в стратегиях гуманитарных технологий; значимость гуманитарных технологий в деятельностной модели образования; их возможности для формирования национальной идентичности в поликультурной России.

Ключевые слова:

гуманитарные знания, гуманитарные технологии, деятельность, индивидуальность, коммуникация, цивилизационный вызов, цивилизационное развитие

В современном культурно-историческом процессе технология выступает не только в качестве базового механизма социального бытия и «демиурга» форм жизнедеятельности, но и как ценностно-регулятивный фактор, определяющий цели и ориентиры цивилизационного развития. В этом контексте установка на технологию в методологии мышления и деятельности обретает парадигмальный характер, что заявляет о себе прежде всего в сферах науки и образования. В стратегии современной науки и само миропонимание становится «технологическим» – мир видится и полагается не столько как «предметные множества», требующие объяснения, понимания, описания, интерпретации, сколько как процессы (потенциальные технологии), освоение которых полезно, выгодно, ведет к приращению технологической мощи. При таком рационально-прагматичном («технологичном») отношении к миру соответственно меняются и ценностные ориентиры познания: интерес и значимость представляет не знание само по

себе, а те технологии, что в них «заключены». Более того, в рамках схематично очерченного мироотношения процесс выработки знания встраивается непосредственно в процессы создания, наладки, запуска, развития и тиражирования новых технологий. Таким образом, целью и формой бытия науки становится не только и не столько генерирование знания, сколько порождение технологий. Все это мы наблюдаем в повседневности: это массовая практика информационного общества и его научной культуры, которая напрямую затрагивает и сферу социально-гуманитарного познания. Сегодня едва ли не главными мерами гуманитарных и социально-гуманитарных знаний, их качества и ценности, организации и построения становится технологическая пригодность и технологическая эффективность. Вот здесь (в контексте ситуации «технологического фетишизма») встает целый ряд проблем философско-методологического и культурологического порядка, без решения которых гуманитарные технологии, на наш взгляд, обречены на серьезные риски и неудачи – застрять в пространстве метода «проб и ошибок», соскользнуть на манипулятивность и тотальность, а то и растечься в массовые формы профанации знания и т. д. В этом плане характерно (если не сказать – симптоматично) даже в тех рядах гуманитариев, которые активно включены в процессы обоснования российской стратегии гуманитарных технологий, осознание «необходимости еще раз внимательно продумать и условиться... о том, какое содержание мы вкладываем в само понятие гуманитарные технологии»¹.

И в самом деле, в отличие от естественно-научных знаний, «технологизация» которых давно стала пространством системных методологий и сферой бытия целого спектра опосредующих форм знания (технических и технологических наук), соотнесение технологий и гуманитарных знаний пока сопряжено со множеством методологических нюансов, требующих основательного прояснения.

1. Гуманитарная технология как предмет методологической рефлексии

Вероятно, уместно обратиться прежде всего к утверждающемуся ныне в философии пониманию сути технологии и смысла категории «технология». Она сегодня соотносится не только (и не столько) с рецептурно-операционными действиями инженерии (как это было), но практически с любым аспектом существования знания – от его выработки, получения («когнитивные технологии»), системного построения в форме законов, теорий, гипотез, парадигм («технология организации знания») до утилитарного использования («инженерные технологии», «социальные технологии», «гуманитарные технологии»). Технология в такой, предельно широкой, интерпретации являет собой универсальный способ бытия знания, а значит, и гуманитарные знания не могут оставаться за пределами технологий. Но тут же встают вопросы, требующие методологических конвенций. Еще Б.Г. Юдин обратил внимание на двойной характер смысла дефиниции «гу-

манитарная технология»². Речь идет, с одной стороны, об отнесенности ее к гуманитарным знаниям (гуманитарные технологии как специфический способ их функционирования), с другой – о направленности технологий на человека, что, понятно, не ограничивает их знаниевую базу гуманитарными науками, но может включать и прочие виды знания – социальные, естественно-научные. Здесь, на первый взгляд, речь идет об очевидном (тривиальном): гуманитарные технологии опираются не только на гуманитарные знания, но и на социальные, инженерные, а также на средовые и коммуникативно-средовые факторы, за которыми стоят не только знания гуманитарного характера. Однако совсем не очевидно другое: могут ли гуманитарные знания в имманентных формах их существования (закон, теория, гипотеза, нарратив и пр.) составить субстанциональную основу гуманитарной технологии (к этому вопросу мы еще вернемся)? Нюансы, требующие прояснения в отношении гуманитарных технологий, разумеется, этим не исчерпываются. К их числу относится и проблема разграничения социальных и гуманитарных технологий. Если придерживаться подходов Б.Г. Юдина, там, где речь идет о воздействии на индивида, следует говорить о гуманитарных технологиях, а когда речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях³. Кажущаяся очевидность подобного различения также обманчива, если учитывать, что доступ к сознанию «другого» пролегает через феномен и механизмы интересубъективности, то есть социальности, а социальные технологии, формально адресуемые социальным общностям, могут достичь преследуемых целей воздействия или преобразования лишь в том случае, если они мотивированы, окрашены, детерминированы интересами, запросами и потребностями индивида. Так что границы между социальными и гуманитарными технологиями призрачны и условны, что ставит на повестку дня вопрос о «социально-гуманитарных» технологиях вообще. Перечень подобных вопросов можно продолжить, но главное в данном случае заключается в том, что все они являются аспектом другой, более общей методологической проблемы гуманитарных технологий – подходов к типологизации технологий данного рода.

Как известно, предварительным условием обращения к любой реальности является возможность выделять типы, в которых бытует и поддается репрезентации данная реальность; это в полной мере относится и к гуманитарным технологиям. А под технологией в современной философии понимают именно специфическую реальность, которая являет собой сферу целенаправленных усилий, детерминируемых социально-культурными факторами⁴. Если следовать логике такого понимания технологии, когда ее смысловая доминанта – это усилие, деятельность, которая мотивирована и направлена на «освоение, преобразование» и «переконструирование» реальной действительности, то очевидно, что за технологией стоят не только знания, но и социальные институты в самом широком понимании, включая ценности и нормативы регулирования, мировоззренческие конструкты (в том числе – научные картины мира), маркеры идентичнос-

ти, а также не артикулируемые феномены сознания (неявные знания, интуиция, феномены бессознательного). В этом контексте вопрос, «что будем понимать под гуманитарной технологией», далеко не риторический, поскольку она предстает не только как форма бытия знания, но и как форма куда более сложной реальности, в рамках которой знания организованы и функционируют не в логике и структурах предметности (а значит, не в имманентных формах построения предметного знания), а в логике и структуре деятельности человека, в целевой алгоритмической архитектонике действий и отношений. Такое широкое понимание гуманитарной технологии требует и детализации ее посредством типологизации. В противном случае трудно вести речь о конкретной технологии, ее структуре и назначении, проектировании и конструировании, анализе, развитии и применении.

Здесь в пору обратиться к инженерии, где изначально формировалась идея технологии, методология ее генерации, принципы типологизации и классификации, тем более что развитие наук происходит в том числе и за счет парадигмальных межотраслевых «прививок» идей, принципов и методов⁵. Так, в инженерии в качестве критериев для типологизации технологий используются: их субстанциональная основа (вещественные, энергетические, информационные технологии); деятельностная сфера применения (промышленные, аграрные, транспортные, медицинские, научно-исследовательские технологии); целевое назначение (технологии диспергирования, плавления, формообразования, сборки); процессная сущность (механическая, тепловая, химическая, электрическая, лазерная и т. д.). Понятно, что о прямом переносе логики типологизации инженерных технологий на сферу гуманитарных технологий не может быть речи уже хотя бы потому, что инженерные технологии строятся и функционируют в мире объективных сущностей, в пространстве бессубъектных отношений, в то время как гуманитарные технологии являют собой, прежде всего, реальность (мир) субъективных отношений. В то же время очевидно, что такие универсальные критерии типологизации, как сфера применения, целевое назначение, процессная природа и субстанциональная основа, вполне соотносимы и с гуманитарными технологиями. Но при этом встает целая серия методологических вопросов – в частности, когда речь идет о субстанциональном основании и о процессных механизмах гуманитарных технологий, а точнее, о возможных подходах к их идентификации и репрезентации. Если придерживаться общепринятых представлений о природе технологий, то в качестве их субстанционального основания выступают знания, информация, а сама технология при этом понимается и интерпретируется как способ бытия знания⁶. Очевидно, что это соответствует действительности, когда речь идет об инженерных технологиях – здесь и типология технологий практически совпадает с предметной типологией научного знания. Иначе говоря, химические технологии субстанционально базированы на химических знаниях, электрофизические – на физических знаниях, термические (или криогенные) – на термоди-

намических знаниях и т. д. При этом, заметим, будучи субстанциональным основанием той или иной инженерной технологии, естественно-научное знание выступает в имманентных формах существования научного знания (как правило, в форме научного закона, каузальных отношений), что позволяет рассчитывать количественные и качественные параметры технологий, управлять ими, проектировать и конструировать их структуры, а главное, точно рассчитывать «эффект выхода». Другое дело гуманитарные технологии: в их рамках гуманитарные знания становятся технологиями, то есть факторами воздействия на индивида и его поведенческую диспозицию опосредованно, ровно в той мере, в какой затрагиваемые (вовлекаемые в технологический процесс) знания «обрамлены» факторами субъектных отношений, мотивациями, интерсубъективностью и т. д. В итоге получается, что субстанциональные основания гуманитарных технологий весьма сложны, неоднородны, а сами технологии предстают не только как способ бытия знания, но и как сложная реальность (пространство субъект-субъектных, субъект-объектных, ценностно-мотивационных отношений). Впрочем, это вполне соответствует представлениям современной философии, в рамках которой технология, как уже подчеркивалось, понимается именно как специфическая реальность, которая являет собой сферу целенаправленных усилий и отношений, детерминируемых социально-культурными факторами. Иначе говоря, субстанциональные основания гуманитарных технологий состоят не только и не столько из знаний в имманентных формах их бытия, сколько из культурных форм – парадигмальных и массовых. Впрочем, характерная устремленность гуманитарных технологов к междисциплинарности, к таким формам знания, которые выходят за пределы предметности, так или иначе отражает проблему неоднородности и сложности субстратных оснований гуманитарных технологий. Но здесь вновь встают методологические вопросы, требующие прояснения. Дело в том, что междисциплинарность являет собой познавательную стратегию, призванную обеспечить максимальную полноту познания конкретного объекта, реальности, что вовсе не снимает и не решает проблемы организации и построения полученного при этом знания. А между тем, представление знания, полученного методами междисциплинарного подхода, как правило, сводится к формам дискурса, в котором рядоположены предметные знания, в то время как очевиден запрос гуманитарных технологий на иные формы организации знания – модельные, укрупненные (например, в форме теоретической схемы объекта или научной картины объектного мира). Но главное в данном случае заключается в том, что под вопросом оказывается приемлемость такого критерия идентификации и типизации технологии, как «субстанциональная основа». И в самом деле, гуманитарные технологии пока, как правило, репрезентируются либо по целевому назначению (технологии формирования политической, этнической и религиозной толерантности, технологии межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия, технологии модерации в сфере социального взаимодействия и пр.), либо

по деятельностной сфере применения (политические, театральные технологии). А между тем очевидно, что такие критерии, как «цель, целевое назначение» и «сфера применения», являются внешними по отношению к технологии и не затрагивают ее сути, не выводят на механизмы и рычаги проективного и управляющего воздействия на технологии. Все это лишь раз свидетельствует о глубокой специфичности гуманитарных технологий, затрудняющих их эффективное проектирование/конструирование на данном этапе. В то же время, принципы проектирования любых технологий универсальны и фактически строятся на «игре» с субстанциональной структурой (основой) и процессами, определяющими суть и потенции технологии. Если учитывать эти обстоятельства, необходимы куда более настойчивые исследовательские усилия по системному выявлению принципов и параметров проектирования и регулирования гуманитарных технологий. А они, подчеркнем еще раз, лежат в сфере субъект-субъектных и культурно-ценностных отношений. В этом смысле то, что именуется гуманитарной технологией, по существу являет собой культурные технологии, технологии культуры труда, общения, игры, принципиально ориентированные на выход за пределы «привычного порядка вещей», на раскрытие новых связей-отношений, на придание им новой динамики. Подобная постановка вопроса, как нам представляется, открывает реальные подходы к систематизации и типизации гуманитарных технологий, а значит, и к их проектированию, анализу, развитию, применению. Например, гуманитарные технологии (независимо от сферы их применения) на основе учета характера субъектно-субъектных и субъектно-ценностных отношений (разыгрываемых в рамках этих технологий) могли бы делиться на мотивационные, ориентационные, ролевые, эмотивные, аналитические, рефлексивные, нормативно-рефлексивные, дискурсивные (аргументативно-дискурсивные) и др. Подобный набор типических признаков технологий, будучи дополнен набором принципов их пространственно-временного структурирования (скажем, линейриарные, циклические, симультанные), мог бы создать предпосылки как к содержательному анализу, так и к рациональному проектированию гуманитарных технологий. Если придерживаться предлагаемых нами типологических принципов, а гуманитарные технологии понимать как целенаправленное воздействие на ценностные диспозиции и поведенческие стратегии индивида, то дискурсы по таким «предметным наукам», как этика, эстетика, история культуры, вероятно, имеют все шансы оказаться в ряду гуманитарных технологий, в то время как физико-математическим междисциплинарным дискурсам (образовательным, гуманитарным технологиям), скорее всего, потребуются дополнительные «технологические» оснащения типа «обучая развлекай, развлекая обучай». Таким образом, междисциплинарный характер еще не гарантирует «технологическую пригодность» знания, хотя такое представление бытует широко.

Приведенный анализ позволяет констатировать, что, наряду со знанием в имманентных формах и в дополнение к нему, арсенал психологии, мир

культурных форм и субъектно-субъектных отношений вкуче составляют сложную и противоречивую основу гуманитарных технологий. Иначе говоря, гуманитарные технологии предстают не только как способ бытия знания (его выработки, функционирования, практико-прагматической утилизации), но и как форма отношения знания к конкретным условиям его бытия, включающим социально-культурный контекст, психологический фактор, а также архитектуру задействованного массива знания. В этом смысле вполне оправданными и перспективными в плане развития гуманитарно-технологических стратегий представляются следующие идеи: «культура как семантический способ конструирования гуманитарного знания в гражданском обществе» (К. Завершинский), «ресурсы культуры как основа гуманитарных знаний» (В. Фортунатова), «культуро-субъектная топология» (А. Грякалов). Таким образом, вполне закономерен активный интерес к роли культурологии в стратегиях гуманитарных технологий.

Выше уже отмечался «двойственный» характер гуманитарных технологий в смысле их направленности вовне (интенциональная двойственность): они, с одной стороны, соотношены с гуманитарными науками, с другой – сфокусированы на человеке. Однако их двойственность этим не исчерпывается. Дело в том, что идея и феномен «гуманитарная технология» принципиально двойственны и глубоко противоречивы во всех измерениях, поскольку «технологическое» утилитарно и насильственно (ориентировано на достижение цели любыми доступными средствами, на «разворот человека и его сознания в нужном направлении» в данном случае), а «гуманитарное», напротив, ориентировано на бескорыстный интерес к человеку, к его уникальной индивидуальности, свободному раскрытию его духовного мира. Понятно, что любое нарушение баланса этих сторон гуманитарной технологии чревато либо антигуманной тотализацией бытия человека, либо псевдогуманной профанацией практики гуманитарных технологий. В этом смысле гуманитарный технолог всегда стоит перед дилеммой: насколько гуманно (и приемлемо) то, что возможно технологически. Так заявляет о себе сущностная (не только интенциональная) двойственность гуманитарной технологии, поскольку она «уходит» своими целями и субстратными основаниями в «социологическое» (прагматическое) и «культурологическое» (духовное, моральное), вновь и вновь выводя на философские контуры осмысления всей проблематики стратегии гуманитарных технологий.

В заключение отметим, что гуманитарные технологии специфичны не только своей непростой субстантивной основой, противоречивостью, сложной структурой, но и в плане предсказуемости результатов (выхода, эффекта). Дело в том, что в отличие от когнитивных технологий естествознания, а тем более инженерных технологий, являющих собой замкнутую и управляемую систему с гарантированным выходом на запланированный результат, технологии, соотношенные с социально-гуманитарными знаниями, являются принципиально открытыми системами-процессами, в которых происходит не только трансформация знания

в поведенческие диспозиции и стратегии действия, но и символическая интеракция – интерсубъективный процесс. А значит, здесь происходит не только поведенческая реакция на известное знание, но и порождение новых смыслов, нового знания, отличного от знаний на «входе». Иначе говоря, гуманитарная технология, в отличие от логизированных когнитивных технологий «точных наук», может: 1) не достичь изначально поставленных целей; 2) превзойти ожидаемый результат; 3) привести к совершенно новому видению изначальной проблемы (к незапланированному результату), что вновь и вновь указывает на необходимость основательного и системного исследования всех аспектов специфики гуманитарных технологий.

2. Образование как социально-культурное пространство и деятельностьная сфера функционирования гуманитарных технологий

Системного исследовательского внимания требуют не только методологическая проблематика анализа и проектирования гуманитарных технологий, о чем до сих пор шла речь, но и те особенности, которые определяют параметры функционирования и «реальный выход» этих технологий. Мы, в частности, хотели бы привлечь внимание к одной из них, весьма существенной, на наш взгляд, для процессов функционирования гуманитарных технологий в сфере образования. Речь идет о специфике контекстной зависимости (детерминации) гуманитарных технологий. Известно, что контекстная детерминация реальностей (в том числе и технологических) в той или иной форме и степени – явление универсальное, «вездесущее», «неустранимое». Однако контекстная зависимость гуманитарных технологий – явление особое: здесь в качестве определяющих (детерминирующих) факторов выступают не природно-объективные, каузально-онтологические сущности (как это имеет место в случае инженерных или медицинских технологий), а мейнстрим социальной интенции и культурной моды в конкретный момент, более того – привходящие, случайные, разовые вызовы конкретных деятельностьных ситуаций. Это достаточно четко прослеживается и на примерах отношений образования и гуманитарных технологий. Тотальная установка на технологии, что, как уже подчеркивалось, ныне становится стратегией цивилизационного развития, в проецировании на сферу образования означает переход от знаниевой (академической) парадигмы к деятельностьной. Дело в том, что деятельность как таковая (как условие и способ бытия человека и общества) универсальна, носит «вездесущий» характер, что, в свою очередь, с неизбежностью предполагает постоянное обновление в своих конкретных формах и видах. В этом контексте встает вопрос о тенденциях развития видов и форм деятельности на данном этапе социальной истории, поскольку именно здесь сокрыты как вызовы образованию, так и детерминанты гуманитарных технологий. Анализ данных социальных

и гуманитарных наук – социологии труда, экономики, культурологии и др. – дает основание говорить о следующих принципиально значимых тенденциях развития деятельности в наши дни.

1. Резкое, «взрывное» расширение спектра видов и форм деятельности, о чем свидетельствуют такие примеры, как возрастание числа рабочих профессий с 50–60 наименований в начале XX века до 4–5 тысяч к концу века; дифференциация науки, что уже привело к появлению почти тысячи предметно-специализированных наук, ориентированных на конкретные формы и виды практической деятельности.

2. Усложнение структурных схем, средств и процессов деятельности, что сопровождается технологизацией всех аспектов и форм бытия человека и общества.

3. Ускоряющийся рост роли культурно-символических ресурсов в социальном бытии и деятельности человека, что настоятельно вызывает к жизни феномен гуманитарных технологий.

Понятно, что учет каждой из этих тенденций принципиально важен для социальной практики, для всех без исключения сфер социально-культурного бытия – политики, экономики, культуры, науки, морали, права. Но самое главное в данном случае заключается в том, что указанные векторные тенденции развития деятельности, будучи взяты вместе, выступают прежде всего как вызов образованию, его парадигмальным принципам, формам. В условиях такого вызова образование, понятно, может быть только деятельностным, и никаким иным. Соответственно, деятельностными в своей сущности являются и образовательные технологии, что, разумеется, относится и к гуманитарным технологиям. Однако главное, на что хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что и сама практика применения гуманитарных технологий в сфере образования должна базироваться именно на деятельностной концепции образования. Это принципиально важно потому, что перенос (трансформация, распространение) имманентной структуры и логики деятельности на образование открывает широкий методологический простор для конкретного анализа всех аспектов как бытия образования, так и применения гуманитарных технологий в процессах образования. В частности:

- форм и типов субъектности в сфере образования, которые должны учитываться и в рамках гуманитарных технологий;
- объектного мира образования, его структуры и закономерностей (мира знаний, ценностей, культурных форм и технологий);
- типологии и закономерностей функционирования субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений в сфере образования в различных социальных, региональных и культурных контекстах;
- спектра целеустановок в сфере образования, их истоков и мотивирующих механизмов (в различных социально-культурных контекстах);
- структур и закономерностей развития неспецифических и специфических средств образования (в том числе и гуманитарно-технологических);

- закономерностей развития процессов образования (дидактических, информационно-технологических, психологических, организационных, управленческих);

- критериев оценки результатов образовательного процесса и их качества (в частности, компетентностных).

Иначе говоря, использование деятельностной концепции (теории) позволяет ставить на системную методологическую основу весь комплекс субъектно-объектной проблематики образования, без чего гуманитарные образовательные технологии, выстраиваемые сами по себе, «от своих оснований» или в рамках натуралистических представлений педагогики, едва ли будут успешны. Заметим также: деятельностная концепция образования создает теоретическую базу для обоснования компетентности (как главного критерия оценки качества и эффективности образования), при этом видя в технологии главный способ ее достижения. Дело в том, что компетентность не сводима к сумме знаний, поскольку имеет деятельностную, а значит, технологическую природу, являет собой способность к действиям по созданию, развертыванию и реализации действий-технологий (в целях выхода за пределы привычного порядка вещей, наличной структуры и динамики связей-отношений, как уже подчеркивалось). Но компетентность как модус деятельности специфична тем, что она принципиально ситуативна, проявляется как действие и как технология действий «здесь и сейчас», в конкретных ситуациях, более того – не может существовать вне этих ситуаций, которые могут быть штатными и нештатными. Именно умение действовать эффективно в условиях нештатной ситуации и считается, как известно, высшим мерилком компетентности. Следовательно, одним из отправных моментов проектирования образовательных гуманитарных технологий является выявление и учет типологий штатных и нештатных ситуаций в рамках той профессиональной деятельности, с которой соотносится компетентность. Иначе говоря, проектирование образовательных технологий изначально предполагает выявление и учет не только требований к компетенции (на чем пока сосредоточено основное внимание стратегов образования), но к спектру возможных ситуаций действия в рамках данной профессии – к ситуационной структуре специальности. Понятно, что нештатные ситуации профессиональной деятельности – скорее, предмет прогнозных оценок (и оценок риска), в отличие от штатных (стандартных), типология которых в последнее время становится предметом внимания науки. Так, А.В. Шкурко выделяет в качестве универсальных следующие типы ситуаций: «инструментальные», «рецептивные», «эвалютивные» (оценочные), «презентационные», «креативные», «принятие решения». Вероятно, к ним можно было бы добавить «коммуникативные», «интеракционные», «апеллятивные» и др⁷. Понятно, что образовательные гуманитарные технологии призваны «обслуживать» именно эти ситуации, поскольку из них и складывается компетентность специалиста. Таким образом, стратегия гуманитарных технологий предполагает не только переход от знаниевой парадигмы образования к компетент-

ностной, но также конкретизацию и типизацию ситуационной структуры компетентностей, что пока еще не стало предметом внимания.

3. Гуманитарные технологии в системе цивилизационных вызовов современной России

Подобная постановка вновь приводит к соотносительности гуманитарной технологии с объектно-предметной природой и смысловым содержанием знания, то есть к уже затрагивавшемуся вопросу «что будем понимать под гуманитарной технологией». Иначе говоря, к вопросу: обладает ли статусом гуманитарной любая когнитивная, образовательная технология (скажем, объяснение, понимание, описание, верификация безотносительно к предметной природе и ценностно-смысловому содержанию знания)? По-видимому, не обладает. В то же время определенно можно утверждать следующее. Если учитывать, что гуманитарные технологии – это не только способ бытия знания, но и форма отношения знания к конкретным условиям его бытия (прежде всего социокультурным), то очевидно, что социально-гуманитарные знания, будучи по своей сути ценностными и субъективными, изначально являются «технологическими» (технологичными), несущими ценностные интенции, поведенческие диспозиции и алгоритмы социальных действий, мотивы к действиям. В этом плане резонно полагать, что социально-гуманитарные знания, а точнее их функционирование в технологиях, должны составлять субстанцию той самой «рациональной коммуникации», которая, по утверждению Хабермаса, выступает как основа общества⁸. Ситуация в современной России такова, что запрос на рациональную коммуникацию, а шире – на эффективные гуманитарные стратегии и технологии – носит крайне острый характер.

Россия, как известно, ныне проходит один из сложнейших этапов своей истории – этап преодоления советского уклада жизни и далеко не во всем удачных реформ политического, экономического и культурного бытия, которые разворачиваются в условиях глобализации мира и резкого обострения конкуренции на мировой арене. Эта ситуация ставит страну перед лицом множества новых вызовов и проблем – прежде всего, перед проблемой общенациональной консолидации на основе формирования российской социально-культурной идентичности. В многоэтничной и поликультурной России формирование национальной идентичности, означающей становление единой нации, – сложный, болезненный и противоречивый процесс уже хотя бы потому, что предполагает сближения и трансформации множества этносов и культур. Неизбежно встает вопрос: какие препятствия стоят на этом пути? Каковы возможные механизмы их преодоления? Какова роль специфики того или иного этноса, его культурной идентичности в процессах формирования российской национальной идентичности? Эти вопросы, как нам представляются, являют собой вызов не только политической практике современной России, но и социально-гуманитарной науке, образованию, всей стратегии гуманитарных технологий в обществе. Здесь,

вероятно, необходимо подчеркнуть, что политическая стабилизация, которая достигнута за последние годы на основе принуждающих механизмов власти, может стать долговременной лишь в том случае, если свершится переход от принудительной стабильности фрагментированного сообщества этносов к социальной консолидации российского общества на основе широкого консенсуса и открытой рациональной коммуникации. Речь, таким образом, идет о том, станет ли социально-гуманитарное образование пространством, средством и механизмом решения ключевых (экзистенциальных) проблем современной России по формированию единого гражданско-политического сообщества (нации), а значит, механизмом и средством системной модернизации политического, экономического, технологического и культурного бытия страны; выработки и реализации стратегии эффективного участия России в процессах глобализации мира – или же образование так и останется системой репрезентации и трансляции «ставшего», а гуманитарные технологии, соответственно, – лишь данью моде. Иначе говоря, станет ли социально-гуманитарное образование фактором консолидации российского общества и динамизации его развития по траектории системной модернизации в «семиотике четырех И». Эти суждения не являются данью «политическому моменту»: гуманитарные технологии по своей природе и сути таковы, что они разворачиваются, функционируют через обширную и сложную систему связей и опосредований, охватывающих куда более широкое пространство, чем сфера их непосредственного приложения.

Подчеркнем еще раз: в условиях жестких вызовов современного мира достижение глубокой культурно-технологической модернизации становится вопросом исторических перспектив России, ее целостности и шансов оставаться значимым актором мирового социально-политического пространства. В то же время очевидно, что системная модернизация России и развитие ее по исторически перспективному пути консолидированной нации-государства будут реальны и достижимы лишь в том случае, если в сознании россиян будут происходить опережающие преобразования, направленные на это. При кажущейся, на первый взгляд, тривиальности такой постановки вопроса неготовность массового сознания принять неизбежные решения остается проблемой номер один. Если в отношении технологической и экономической модернизации острота проблем теперь уже явно идет на убыль, то неготовность к принятию неизбежных решений в сфере национальных отношений становится одной из острейших проблем современной России, проявляясь, прежде всего, в широко распространенных феноменах этнофобии, шовинизма, культурного радикализма, «нашизма».

Доминантный русский этнос страны, который сегодня находится в ситуации политического и социально-культурного вызова стать гражданской нацией в синтезе со всеми этносами федерации и решить таким образом экзистенциальную задачу обеспечения целостности и единства России на историческую перспективу, пока, судя по всему, не готов к выполне-

нию своей роли. Здесь явно сохраняется инерция культурно-политических импульсов 1990-х годов – интенции массового этнического сознания на «культурное возрождение», на религиозный ренессанс. Все это, похоже, дистанцирует русское сознание от всего культурно и этнически «иного». Ситуация усугубляется тем, что сознанием российской, прежде всего русской, молодежи с нарастающей активностью завладевает массовая культура, которая в своих ценностях, нормах, формах и идентификационных маркерах позиционируется негативно по отношению к этническим культурам, кавказским особенно, уже в силу их «архаичности», «не-стильности», «не-клевости», «не-гламурности». Факты свидетельствуют о том, что ныне этнофобия (особенно кавказофобия) обрела не только широкий размах, но и самостоятельную жизнь в информационном пространстве (в мире тех самых гуманитарных технологий) и активно бытует, не столько отражая факты, сколько навязывая сознанию конфликтно-драматическое зрелище отношений с «иными». Агрессивно-конфликтная идентификационная мера «наши-не наши» ныне претендует стать детерминантой социально-культурной коммуникации, политического поведения и социальных действий человека в России – стране на редкость многонациональной. Понятно, что здесь речь идет прежде всего о вызовах социально-гуманитарной науке и социально-гуманитарному образованию страны. В частности, решается вопрос: станет ли социально-гуманитарная наука интеллектуальной основой и моральным лидером рациональной коммуникации в российском обществе в самом широком смысле (политическом, социальном, культурном), оказывая, таким образом, влияние на стратегические решения власти? Сосредоточится ли социально-гуманитарное образование на деятельностных технологиях – дискуссиях, полемике, активном реагировании на происходящее в обществе? Иначе говоря, станут ли социально-гуманитарная наука и образование ядром университетского сообщества, призванного позиционироваться вне власти и над властью, быть интеллектуально-моральным камертоном общества, генерировать модели гражданского общества и образцы демократии? Если не созданы такие контекстные условия, не сформулированы и не стали императивами подобные ценностные ориентиры, если гуманитарно-технологическая культура образования не сопряжена с гуманными проективно-технологическими стратегиями власти и демократическими формами бытия социума, то гуманитарные технологии, в лучшем случае, имеют шансы стать продуктом «внутреннего потребления» для самой сферы образования (оставим в стороне те области деятельности, где они давно стали ходовым товаром и, увы, не «обременены» гуманитарными ценностями: СМИ, рекламную деятельность, политику, шоу-бизнес).

Здесь, вероятно, уместно еще одно замечание. Дело в том, что в контекстной детерминации гуманитарной технологии особая роль принадлежит идеологическому (политико-идеологическому) фактору. Именно политическая идеология (а тем более – поддержанная ресурсами власти или ценностными нормативами социума) являет собой тотальную («конвейерную»)

гуманитарную технологию. В этом плане едва ли не главным условием спасения от превращения гуманитарных технологий в инструмент манипуляции сознанием и поведением человека является, прежде всего, развитие лучших образцов политической культуры и устройства власти – культуры консенсуса, демократии участия. Пока мы еще далеки от этого. А между тем ситуация в стране такова, что гуманитарно-технологические стратегии востребованы в самых чувствительных сферах нашего бытия, в первую очередь – в сфере национально-культурных отношений. Характерная для современной России половинчатость в решении ключевых вопросов наиболее опасным образом коснулась именно сферы этнополитических и этнокультурных отношений, что проявляется:

- в явной противоречивости политико-правовых оснований регулирования национально-культурной проблематики;
- в отсутствии публично артикулируемой стратегии в отношении национального вопроса (к чему страна стремится: сохранить «этнополитическую единицу» – национальную республику как основу федерализма; перейти к территориальной организации федерации, а значит, к культурной автономии этносов; проводить политику поликультурализма или стратегию «плавильного котла» культур);
- в отсутствии нормативной практики системного проявления и регулирования этнополитических и этнокультурных процессов, а главное – в отсутствии действенных норм и механизмов подобного регулирования.

Как показывает анализ⁹, характер противоречий в сфере национальных отношений таков, что можно квалифицировать ситуацию как «двойной кризис», то есть взаимное наложение двух кризисных явлений (феноменов): кризиса российской политической стратегии в национальном вопросе (как в плане теории, так и в плане конкретной социально-культурной практики) и кризиса этнического сознания, что, увы, не замечается в возобладавшем ныне «дискурсе стабилизации», хотя кричащим образом проявляется в ряде эмпирически фиксируемых фактов. Укажем наиболее значимые из них:

- общее снижение всех форм этнополитической активности в государстве, ее вырождение в маргинальные формы: религиозный экстремизм, терроризм (особенно в кавказском регионе), культурный радикализм;
- снижение активности этнической самоидентификации при явной активизации религиозного самосознания и религиозной самоидентификации;
- нарастание этнофобии в российском обществе.

Как известно, современный мир таков, что именно открытые рационально-коммуникативные отношения несхожих социальных сообществ – носителей различных идентичностей, стилей и форм социального бытия являются единственным механизмом культурного прогресса и цивилизационного развития. В России эти механизмы, увы, блокируются в силу указанных причин. Более того, наметившиеся в последние годы тенденции к диффузному перемешиванию этносов в нашей стране, их приток в «русские» области и края,

обусловленный либерализацией экономического бытия, натывается на этнофобию и шовинизм. Конфликтная идентификационная мера «наши-не наши», к сожалению, пока остается главным детерминантом социально-культурной коммуникации в России и самой массовой формой «социально-гуманитарной технологии» в стране. Об этом вновь и вновь напоминают факты из повседневной драмы межнациональных и межкультурных отношений не только печально известной Кондопоги, но и Москвы, Воронежа, Санкт-Петербурга, Астрахани, Сальска, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Ингушетии. На этом общем озадачивающем фоне, а также в современной ситуации острого запроса на обновление мысли и семиотического арсенала социально-гуманитарной науки, как и самой ткани социально-гуманитарных отношений, представляется, что гуманитарно-технологические стратегии станут в нашей стране массовой демократической практикой, проложат путь к культурной и социальной консолидации российского общества, к формированию российской полиидентичной нации.

¹ Валицкая А.П. Нравственно-эстетические универсалии культуры и гуманитарные технологии // Вестник РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 3.

² Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. – 2005. – № 6. – С. 20.

³ Там же. – С. 21.

⁴ Розин В.М. Технология // Новая философская энциклопедия. Т. 4. – М., 2001. С. 65.

⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.

⁶ Подробнее: Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. – 2005. – № 6; Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.

⁷ Шкурко А.В. Анализ ситуаций и проблема компетентности // Эпистемология и философия науки. – 2007. – № 1.

⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.

⁹ Тхагапсоев Х.Г. К особенностям социального бытия современной России // Философские науки. – 2007. – № 9.

УДК 13
ББК 87.22

Е.Н. Антонович

ФИЛОСОФИЯ ТРИЕДИНОГО СИНТЕЗА КАК ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ПРОЦЕССОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Предлагаются основные принципы философии триединого синтеза как теории и методологии познания мира, а также универсальный метод, воплощающий в себе единство процессов развития и познания, – генодрево логической системы противоположностей.

Ключевые слова:

философия триединого синтеза, материализм, идеализм, эзотерика, развитие, познание, дух, материя, единство, уровни, части целого, генодрево противоположностей

История науки доказала, что когда та или иная теория пребывает в кризисе, то единственно верный путь выхода из него – возврат к фундаментальным теоретическим положениям и их анализ с учетом новых факторов. Сегодня человечество переживает глобальный кризис выживания, основу которого составляют социально-экономический, духовно-нравственный и мировоззренческий кризисы, образовавшиеся постепенно как результат разделения единого мировоззрения древних, выраженного наиболее полно эзотерической и т.н. реалистической философией (античные философы-досократики, русские мыслители Н.А. Бердяев, В.И. Вернадс-

кий, Д.И. Менделеев, В.С. Соловьев и др.), где дух и материя понимаются как креативное единство, составляющее основу мира. Материализм же и идеализм с их концепциями противопоставления и гегемонии духовного или материального начал сегодня уже не актуальны, т.к. они, в конечном итоге, и завели человечество в тупик глобального кризиса.

Вот почему мы считаем, что в настоящее время необходимо иное философское мышление, синтезирующее лучшие достижения эзотерической, материалистической и идеалистической философии и адаптирующее их к современным условиям. В этой связи один из вариантов такого подхода, названный нами философией триединого синтеза (ФТС), представляет собой диалектическую систему дуалистического монизма, которая считает, что для объективного отражения окружающего мира фундаментальные философские понятия должны составлять систему единства противоположных категорий.

Философия триединого синтеза, разработанная на основе синтеза материализма, идеализма и эзотерики, т.е. на основе синтеза древних и современных знаний, формирует всеобщие принципы, претендующие на экспликацию универсальных закономерностей протекания процессов познания и развития, характерных для сложных систем (включая общество). Они сводятся к следующему:

1. **Целостность мира (исходный приоритет единства противоположностей)** и всеобщая взаимосвязь (а также аналогия) явлений (все во всем) принимается как аксиома, при равнозначности процессов анализа и синтеза, единства и борьбы противоположностей (и триединства) в развитии, откуда логично вытекают последующие взаимосвязанные системные принципы, подтверждаемые опытом. На наш взгляд, ФТС являет собой философскую систему, удовлетворяющую принципам научности (К. Поппер) и теории «универсального закона» (Г. Станков).

2. **Аксиоматизм триединой целостности и универсальной взаимосвязи** логически определяет вывод о неверности понимания основного вопроса философии как идеализмом, так и материализмом, дающими приоритеты в развитии одному из начал, а также о необходимости принятия принципа генетической, иерархической, причинноследственной взаимосвязи первичных противоположностей (духа и материи, причины и следствия), взаимодействие которых через активизацию одного из них (асимметрию первоначал) создает необходимые условия начала развития (познания), которое может происходить в направлениях эволюции или инволюции. Активизация развития в направлении духа, сознания (духовно-нравственного, общественного начала) создает условия эволюции. Приоритет в развитии материального (индивидуального) начала приводит к инволюции.

3. **Принцип тетричности направлений диалектического развития, обуславливающий постулат о возможности четырехвекторного развития** основных начал – духа и материи: эволюции духа/инволюции духа и эволюции материи/инволюции материи, а также о процессе развития познания как логически взаимосвязанного четырехэтапного пути отмирания старого (борьбы старого и нового, рождения нового, сохранения старого в новом (процесс снятия),

создания нового, более высокого уровня единства). Если развитие системы задерживается на стадии догматизации теории, то система неизбежно переходит из состояния гармоничного развития в состояние кризиса. Для общества эволюция духа означает принятие приоритетов морали не только в области культуры, идеологии, СМИ и др., но и в сферах управления и экономики.

4. **Принцип множественности и цикличности (спиральности) развития.** Развитие общества выходит из стадии гармоничного развития при ее задержке на процедуре снятия. При этом сила и глубина кризисов увеличивается по мере удаления от оси равновесия системы – уровня норм морали.

5. **Основные диалектические принципы процесса развития и познания,** характерные для кругового (для 4-х частей, элементов) или циклическо-спирального эволюционно-инволюционного движения (для 8 частей) – основа теории познания ФТС, логических принципов мышления, развития сложных, общественных систем и др.

ФТС развивает и расширяет понимание системного подхода, системного мышления, возникшего в науке еще в XX веке, возрождая древний принцип целостности и взаимосвязи всего со всем, используя за основу древнекитайскую систему И ЦЗИН. Согласно системному взгляду, существенным свойством системы является свойство целого, которым не обладает ни одна из его частей. Новые свойства возникают из взаимодействий и взаимосвязей между частями. Возникновение системного мышления стало революцией в истории науки. Ученые стали понимать, что систему нельзя понять только с помощью анализа, что свойства частей не являются их внутренними свойствами и могут быть осмыслены лишь в составе более высокого уровня системы. На генедре ФТС эту роль более широко выполняет единство синтеза (движение справа налево, объединяющее взаимосвязанные части в единое целое) и анализа (обратное движение), рождающее цикличность процесса развития (примеры использования метода генедре в теории и практике приведены ниже).

Целью ФТС является устранение разрыва в познании окружающего мира между различными философиями и наукой, религией, эзотеризмом, а также создание истинно научного метода познания – генедре ФТС (см. рис. 1, 2, 3), – с помощью которого она сможет не только прогнозировать события будущего, но и стать действительно первонаукой.

Исследовав и преобразовав древнекитайскую систему монограмм, диаграмм, триграмм и др. (И ЦЗИН), мы предлагаем новый структурно-геометризованный метод исследования процессов познания и развития – генедрево взаимосвязанных логических дуально-симметричных противоположностей ФТС, которое может отражать структурную целостность и взаимосвязи (определения) не только духа и материи, понятий пространства, времени, энергии и движения (рис. 1), но и всеобщих универсальных принципов развития природы и общества (рис. 2), познания (рис. 3). С помощью генедрево описание сложных философских, социальных и других проблем, процессов развития можно значительно упростить, выразить наглядно и формализовать, чего современная философия делать не умеет.

Диалектический материализм понимает развитие как линейный «процесс движения от низшего (простого) к высшему (сложному), главной чертой которого является исчезновение старого и возникновение нового», а, вынужденно и бездоказательно признавая, что «для развития характерна спиралевидная форма». Он так и не разрешил эту проблему для сложных процессов.

ФТС в отличие от диалектического материализма, понимает развитие как единый, многоуровневый, спиралеобразный, ступенчатый и циклический процесс, ведущий (первичное единство духовного и материального начал) к росту сложности через рождение нового и увеличение числа и качества составных частей, могущий идти в двух направлениях: – эволюции и инволюции. При этом циклическо-ступенчатый переход от простого единства к сложному происходит по уровням развития, соответствующим известной прогрессии: 1- 2- 4- 8-... (рис. 2).

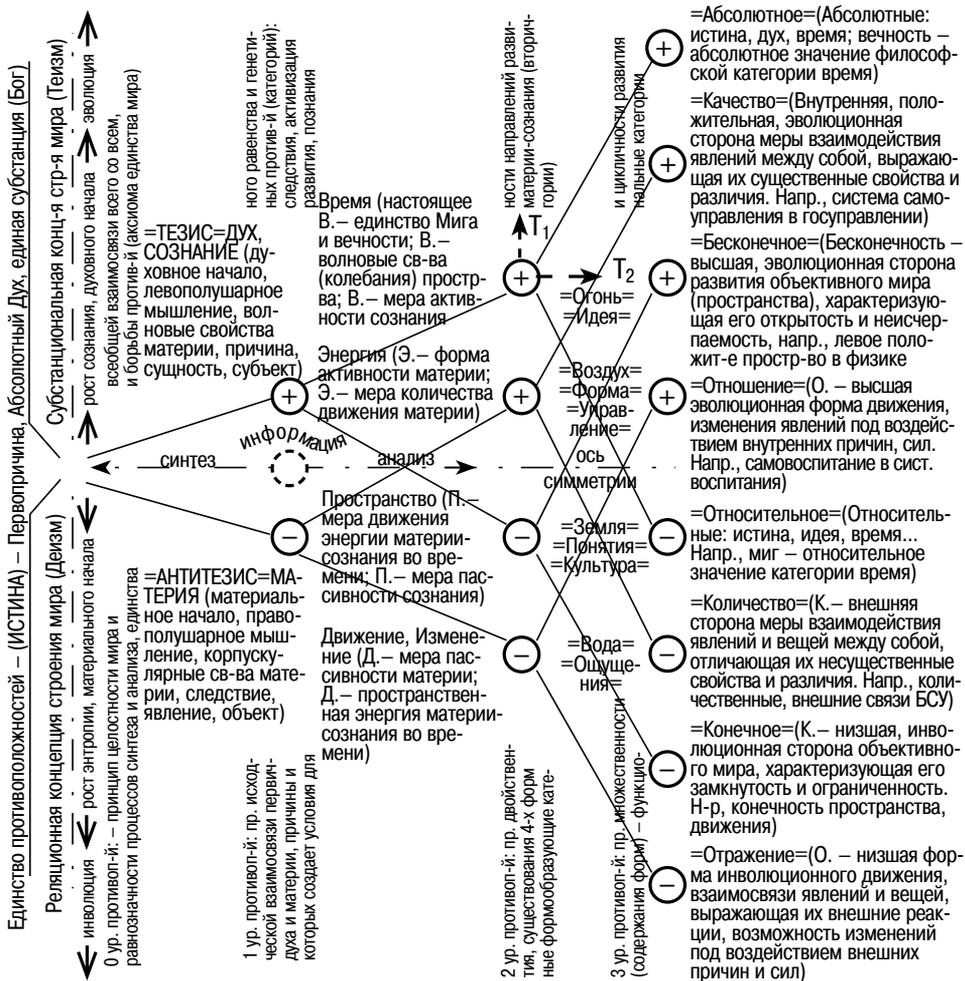


Рис. 1. Генодерево причинно-следственных взаимосвязей понятий материи, сознания и основных философских категорий

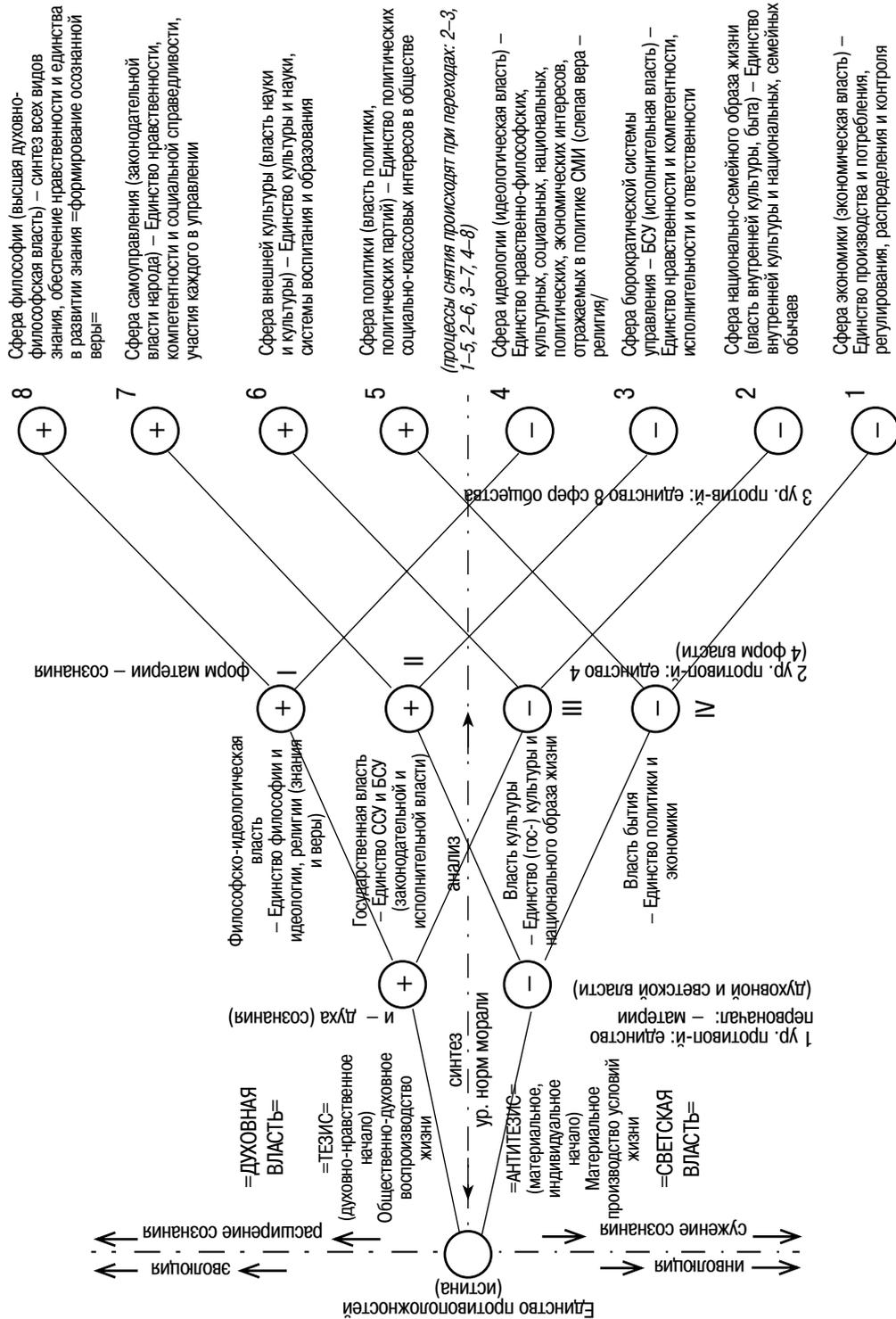


Рис. 2. Гендерное взаимодействие сфер общества (их системной организации) в процессе воспроизводства и развития

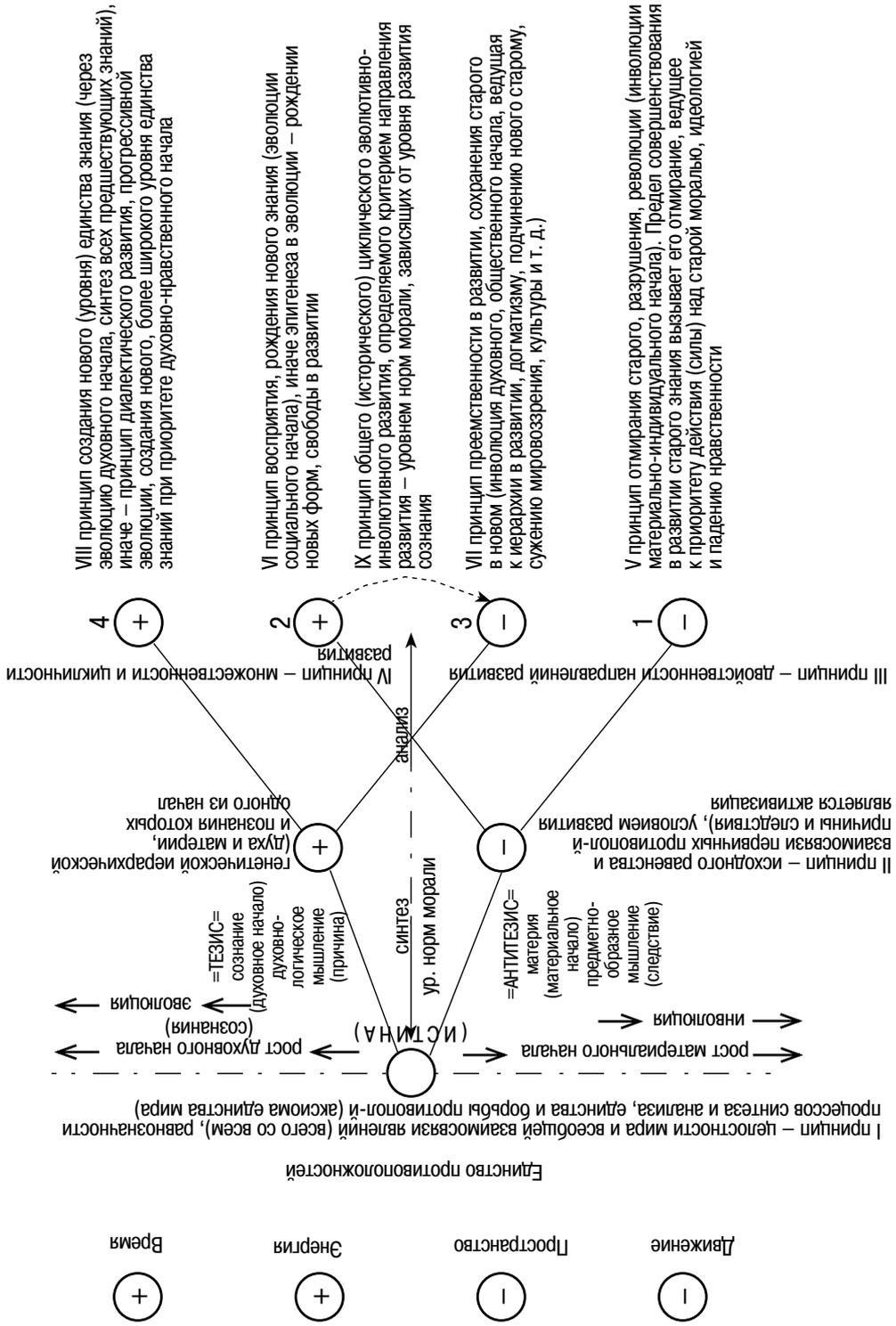


Рис. 3. Гендерное диалектическое древо познания (процесса развития) ФТС

Развитие одновременно происходит как по вертикальным (1-5, 2-6, 3-7, 4-8), так и по горизонтальным (1-2-4-8...) уровням, образуя циклическую, расширяющуюся спираль. При этом развитие системы по вертикали всегда приводит к образованию новых признаков, которые выявляют некоторый «иррациональный» остаток, следующий цикл не опускается до прежнего уровня, а начинается с более высокого (1-5-2-...), тогда как отдельные свойства частей, в системе «снимаются» при смене направления развития.

Такое многоуровневое понимание процессов развития, ведущее к росту сложности систем, изменениям количества и качества составных частей и их взаимосвязей, состоящее из плавного циклического и скачкообразного видов развития, приводит к пониманию сути и неизбежности кризисов в развитии. Преодоление кризисов в развитии таких сложных систем возможно только при осознанном, целенаправленном развитии последних, предусматривающем приоритеты духовно-нравственного начала. Об этом говорят и древние знания, религии.

Генодрево ФТС позволяет глубже понимать сущность развития социальных процессов. Такой процесс показан на генодреве взаимосвязи сфер общества (видов власти) в процессе развития (рис. 2). На генодреве показаны структура и взаимосвязанные этапы процесса гармоничного развития общества от низшего к высшему (единства этапов революции, инволюции и эволюции). Это сложный эволюционно-инволюционный последовательный процесс взаимосвязанных воспроизводства и развития, последовательного снятия противоречий восьми сфер общества. Процесс революционного развития начавшийся в: п. 1. «Экономика» должен закончиться в п. 5. «Политика» (целью которой должно быть управление потребностями человека), далее происходят инволюционные процессы снятия (старого образа жизни), которые заключается в том, что повышение уровня материального потребления должны вызвать изменения в п. 2. «Образ жизни» (человека, семьи, нации), который в свою очередь должен быть направлен на прогрессивную эволюцию п. 6. «Культура», «Наука», «Искусство» (или культурную революцию), результаты которой должны отразиться во втором снятии (всевластия бюрократической системы управления) п. 3. «Повышение качества» (культуры, нравственности и компетентности) управления бюрократической системы управления, для недопущения неконтролируемого развития которой необходимо усиление противоположной ей системы управления п. 7. «Широкая система самоуправления», отражающая интересы большинства, выполняющая функции контроля бюрократической системы управления и принятия решений, последнее, третье, снятие заключается в том, что расширение демократии, свобод и прав большинства должно привести к росту нравственности – первому отрицанию функций государства и п. 4. «Снятие узости идеологий (религий)», когда слепая вера масс будет замещаться осознанной верой в высшие социально-нравственные идеалы (коммунизма), что, в свою очередь, даст толчок развитию

п. 8. «Единое мировоззрение (философия)», опирающегося на более высокий уровень единства морали и бытия человека, что даст идеи для коренной социально-нравственной революции – отрицания функций государства.

Анализ генодрева показывает, что гегелевское понимание государства, как вместилища абсолютного духа и единства искусства, религии и философии следует дополнить социально-нравственными понятиями и взаимосвязями ФТС.

Нами показано, что для перехода от социализма к коммунизму обществу необходимо пройти последовательно взаимосвязанные этапы революции и эволюции. Каждый из этапов должен состоять из двух стадий. Революционный включает следующие стадии: 1) политико-экономической революции, где при становлении новой власти возможно насилие (что подтверждает опыт многих стран); 2) социально-управленческой революции, суть которой заключается в повсеместном переходе к широкому демократическому самоуправлению, когда к власти должны приходиться социально активные, нравственные и компетентные индивиды (узурпация власти бюрократической системой управления в СССР была одной из трех основных причин инволюции общества к капитализму). Эволюционный этап снимает стадии революции не через переход власти к бюрократической системе управления, а через 1) культурную эволюцию, ведущую к воспитанию новой социально-активной, высокоразвитой и нравственной личности; и 2) духовно-нравственную эволюцию (затрагивающую не менее двух новых поколений общества или 40 лет), ведущую к созданию новой более высокой морали общества (а не только в отказе от религиозной морали), которая заключается в приоритете духовно-нравственного начала во всех сферах жизни общества. Только через эти две стадии возможен переход к самоуправляющемуся нравственному обществу (коммунизму), на базе которого возможно дальнейшее развитие и укрепление высшей формы государства, ведущей к его отрицанию.

Но закон циклического эволюционно-инволюционного развития определяет, что каждая из этих революций и эволюций может развиваться в двух направлениях: прогрессивно-эволюционном и регрессивно-инволюционном. При инволюции развитие будет иметь узкий материалистическо-потребительский характер, противоположный смысл: 1) политико-экономическую контрреволюцию, отражающую узкие интересы другой правящей элиты, класса; 2) социально-управленческую контрреволюцию, отражающую интересы бюрократии; 3) культурную инволюцию, отражающую только национальные или мещанские интересы части населения; 4) духовно-нравственную инволюцию, отражающую интересы идеологического меньшинства.

ФТС дает диалектическое понимание взаимосвязанных понятий морали и свободы. Диалектическое понимание свободы включает две части – духовную и материальную (общественную и индивидуальную). Духовная

свобода – уровень осознания единства свободы воли и нравственной необходимости (морали). Материальная свобода – единство социальной справедливости (справедливой власти и законов) и равенства социально-экономических условий для свободного удовлетворения материальных и духовных потребностей личности. Наиболее полное и широкое определение свободы вообще – единство духовных и материальных ее условий, заключающихся не только в единстве нравственной необходимости (морали) и свободы воли, но также социальной справедливости и равенства социально-экономических условий для свободного удовлетворения всех духовных и материальных потребностей личности. Такое определение говорит о том, что власть имущие всех времен и народов до сих пор не дали человеку свободы: ни госсocialизм, ни современный либеральный капитализм.

Понятие демократии односторонне искажается идеологиями: либерального капитализма – в сторону индивидуальных свобод, госсocialизма (марксизма) – в сторону равенства. Диалектическое понимание демократии – гармоничное единство условий равенства и свободы. Но как в понятии свободы заложен незримый духовный приоритет нравственности и морали, так в понятии демократии должен быть духовный приоритет необходимых условий равенства. Исходя из этого ФТС предлагает такое определение понятию демократия: это форма власти большинства, дающая приоритеты не только выборным органам системы широкого самоуправления перед бюрократической системой управления, но и самой нравственности (морали) с целью обеспечения единства внутренних и внешних условий равенства и свободы (как основы естественного биологического равенства материальных потребностей, так и неравенства духовных потребностей и способностей человека), которое необходимо для гармоничного и всестороннего развития и самосовершенствования личности и единства ее прав и свобод, обязанностей и ответственности перед законом. Таким образом, демократия не может существовать и развиваться без необходимого внутреннего, духовно-нравственного саморазвития человека и общества. Именно поэтому демократию нельзя навязать обществу извне – силой (как это делают сегодня США) – или узкоклассовой, неразвитой идеологией буржуазии, или бюрократии (как было вчера в СССР или сегодня в современной России).

Таким образом все попытки проведения так называемых реформ в обществе, которые начинались бы экономическими, а заканчивались социальными издержками (без повышения уровня развития морали, социальной справедливости и культуры), закономерно заканчиваются крахом (что и произошло в 1917–91 гг. в СССР). В социальной борьбе, как правило, одерживает верх та нация (культура), идеология (религия), где выше уровень морали. Об этом говорит не только исторический опыт, например, скажем, чингизидов или, победы СССР в Великой Отечественной войне, но и современное освоение исламом, достаточно моральной религией, новых территорий в Югославии, Франции и России.

Поэтому России для выхода из кризиса в первую очередь необходимо воспитание нового, более нравственного человека, которое следует начинать с изучения Закона Божия в начальной школе – без осознания религиозной морали общество не способно выработать новую, более высокую.

Только свободная философская мысль, опираясь на синтез предшествующего и современного знания способна подняться над идеологией, экономикой и политикой, чтобы быть объективной в критике односторонних философий и классовых идеологий. Поэтому философии можно дать такое определение: философия – наука об универсальных законах познания и развития, отражающая реалии окружающего двуединого мира, выраженные в целостном мировоззрении, обладающая диалектическим методом познания – синтезом противоположностей (духовного и материального начал), для которой критерием истины является единство теории и практики, ведущее через дискуссии и опыт к достижению целей исследования – познанию истины.

ФТС считает, что философия – такая наука, где не может быть незыблемых авторитетов, догм (отрицающих необходимость ее непрерывного развития, углубления), кроме истины, иначе неизбежна ее догматизация и кризис. Диалектический материализм критерием истины считает одну ее сторону – практику (к чему это привело в СССР сегодня видят все, но не многие понимают первопричину этого). Такое крайне ограниченное понимание критерия истины в диалектическом материализме, видимо, образовалось потому, что у В.И. Ленина было философски двойственное его осмысление, без полного и системного доказательства, что позже дало повод догматикам принять упрощенный материалистический его смысл. Исследуя фразу «Науки Логики» Гегеля «снятие противоположности между понятием и реальностью и то единство, которое есть истина», он на полях книги написал: «критерий истины – единство понятия и реальности». Однако ранее Ленин утверждал обратное: «практика выше (теоретического) познания...»; а позже характеризовал истину как процесс.

В ФТС истина – единство системы противоположностей, ее синтез. Иначе можно сказать, что истина есть процесс углубления познания системы относительных противоположностей, ведущий их от конкретной, частной истины (через логику доказательств) к их синтезу, понимаемому как абсолютный принцип единства противоположностей (гармонии всего со всем). В ФТС абсолютная истина – это высший принцип познания, который не может быть относительной, объективной, частной истиной или их суммой, т.к. процесс познания не только бесконечен, но и ведет к углублению самого синтеза, процесса познания единства противоположностей и к неизбежному изменению самой абсолютной истины (что противоречит сути этого понятия). Таким образом, из суммы относительных истин нельзя получить абсолютную (как это принято в диалектическом материализме). Сама история науки, философии не раз доказывала на примерах разрушения абсолютно истинных идей (религии, идеализма, материализма, либерализма, марксизма-ленинизма), что абсолютных истин (догм) не

существует. Поэтому невозможны и несостоятельны различного рода догмы, устанавливающие незыблемость знаний. Односторонняя критика и неприятие противоположных взглядов, начал, теорий и философий – это путь к тупику и кризису познания. Истинная наука должна принять во внимание и объяснить все существующие идеи, теории, философии, как целое включает в себя части, выявляя их связи, общие закономерности развития (еще древние говорили, что все в мире течет, изменяется, движется), а не отвергать их (как сегодня наука отвергает религию, древнюю эзотерическую философию и т.д.), даже не пытаясь изучить.

Автор понимает, что исследуемая тема настолько необъятна и сложна, что требует коллективных усилий. Полученные результаты – это только начало исследований запретной в советские времена темы единства духовного и материального начал и еще не понятой сегодня в полном объеме проблемы выживания человечества, ведущих к решению проблемы выбора: варварство или цивилизация, однополярный мир, империализм, или многополярный мир равных, демократических, национально-культурных и нравственных самоуправляемых обществ будущего (истинного коммунизма).

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ГОРОДСКАЯ СРЕДА

УДК 71
ББК 85.118

А.Д. Ярмоленко

БРАЗИЛИЯ И ЧАНДИГАРХ: АРХИТЕКТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ДВУХ СТОЛИЦ (К 100-ЛЕТИЮ О. НИМЕЙЕРА И 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕ КОРБЮЗЬЕ)

Статья посвящена проблеме художественного своеобразия двух знаменитых архитектурных комплексов XX века, созданных по проектам двух великих архитекторов-модернистов. Несмотря на критику за утопичность и универсализм, Чандигарх и Бразилиа продолжают оставаться объектами культурного наследия. Почти одновременное строительство двух столиц опиралось на высокие технологические достижения и было связано с убеждением, что градостроение может не только констатировать, но и стимулировать социальные преобразования.

Ключевые слова:

архитектура, градостроительство, новый ордер, творчество О. Нимейера, творчество Ле Корбюзье

В 2007 году исполнилось 100 лет замечательному бразильскому архитектору Оскару Рибейру де Алмейда де Нимейеру Соарис Фильо, которому принадлежит значительная роль в создании новой столицы Бра-

зилии – города Бразилиа. Президент Жоселино Кубичек предложил О. Нимейеру самому разработать генеральный план застройки новой столицы, однако архитектор настоял на проведении конкурса. Первое место, несмотря на некоторые претензии, комиссия присудила генеральному плану Лючио Косты, учителю О. Нимейера, чей ясный, гуманный и умный замысел отвечал социальным, экономическим и духовным потребностям бразильского общества (рис. 1). Избранный к исполнению вариант, которому следовал Оскар Нимейер, символизировал освобождение страны от колониального гнета и экономическое развитие удаленных от побережья районов в соответствии с программой президента. Новому градостроительному замыслу должны были соответствовать новые архитектурные формы, пришедшие на смену характерному для страны стилю бразильского барокко¹.

Оскар Нимейер родился в Рио-де-Жанейро в 1907 году. Окончив Национальную школу изящных искусств в 1934-м, получил диплом архитектора. Первую практику он проходил в мастерской Лючио Коста, вместе с которым при участии Ле Корбюзье проектировал здание Министерства просвещения в Рио-де-Жанейро. В 1939 году О. Нимейер возглавил сооружение здания Министерства просвещения, законченное через четыре года. В 1956 году он принимает приглашение президента Ж. Кубичека и приступает к работе над проектами правительственных зданий в новой столице Бразилии.

Как своеобразную увертюру к этой работе можно рассматривать разработанный в 1955 году проект Музея современного искусства в Каракасе. Уже в начале 60-х годов был хорошо известен этот проект, ставший своеобразным символом социального преобразования: пирамида, знаменующая вечность и иерархию власти, оказалась перевернутой и поставленной не на основание, а на вершину, почти на точку.

Бразильский архитектор открыто симпатизировал Советскому Союзу и высоко ценил советскую архитектуру: «этой архитектуре удалось изжить индивидуализм, прежде ей присущий, что в свою очередь дало ей возможность участвовать в социальных проблемах. Таким образом, если во всех странах архитектура удовлетворяет потребности меньшинства – господствующих классов, – то в Советском Союзе она, наоборот, служит счастью и благосостоянию всего общества»².

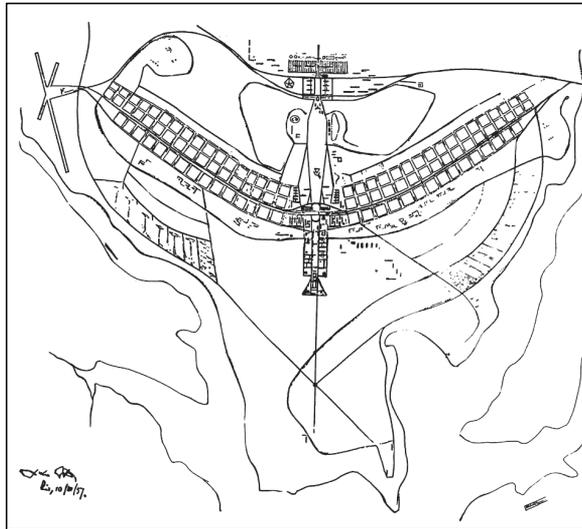


Рис. 1. Лучио Коста. Конкурсный проект генерального плана Бразилиа. 1957 г.

Ле Корбюзье родился на 20 лет раньше О. Нимейера и, благодаря исключительно дарованию, без специального образования стал практиком и теоретиком архитектуры, основателем и лидером движения «современной архитектуры». К моменту строительства новой столицы штата Пенджаб Ле Корбюзье уже имел большой градостроительный опыт. Еще в 1922 году на выставке «Осенний салон» в Париже был представлен проект «Современного города на три миллиона жителей», выполненный Ле Корбюзье совместно с братом Пьером Жаннере. Через три года проект был переработан в план радикальной перестройки центральной части Парижа – «План Вуазен».

В 1924 году в местечке Пессак под Бордо по проекту Ле Корбюзье был возведен городок, состоящий из 50-ти жилых домов в два и три этажа – один из первых опытов серийного строительства. В 1930-е годы французский архитектор создавал градостроительные проекты для Буэнос-Айреса, Антверпена, Рио-де-Жанейро, Алжира. Широкого распространения градостроительные проекты Ле Корбюзье не имели, но лекции знаменитого мэтра, пропагандировавшего в Европе и Америке новый архитектурный стиль, новые стандартные методы и индустриализацию строительства, мало кого оставляли равнодушным. По проекту Ле Корбюзье в 1930-х годах был построен Дом Центросоюза в Москве, архитектор принимал участие в конкурсе на проект Дворца Советов³. В первые послевоенные годы, когда во Франции велись восстановительные работы, он создавал планы реконструкции городов, в которых впервые появился прообраз будущей «жилой единицы», последовательно проводилась идея «Лучезарного города» (рис. 2, 3).

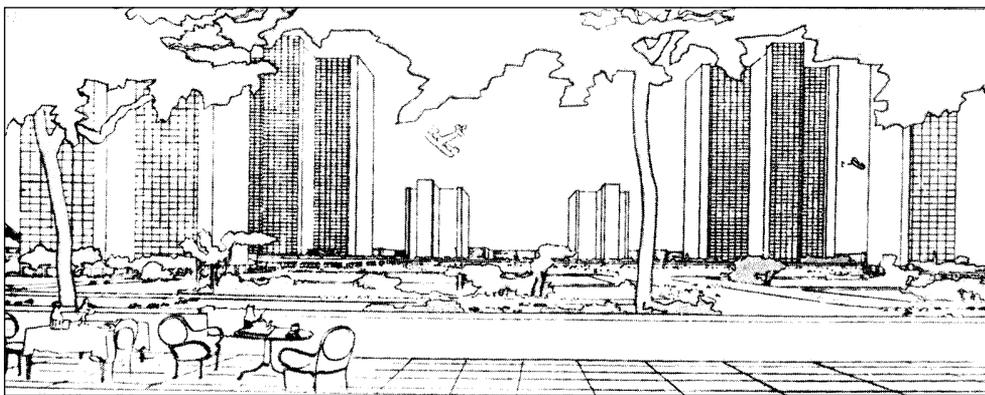


Рис. 2. Проект Лучезарного города. Ле Корбюзье

Строительство Чандигарха, новой столицы штата Пенджаб, было осуществлено в 1950-х годах. Если только что обретенная Индией независимость от Британской империи окрашивала этот проект оптимистическими тонами, то кровопролитная война между Индией и Пакистаном, послужившая причиной создания новой столицы, создавала драматический контекст. Проблема возникла после того, как западная часть штата Пен-

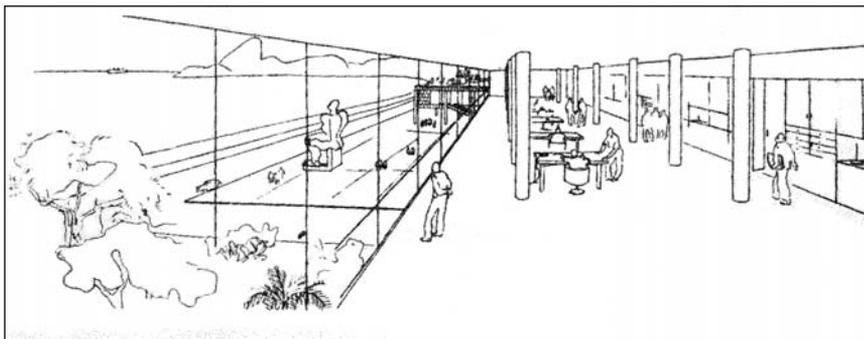


Рис. 3. Проект Ле Корбюзье с Сахарной головой (скала) и фигурами бразильцев, изображенных О. Нимейером.

джаб вместе со столицей Лахором отошла к Пакистану. Потребовалось переселить тысячи беженцев-индусов, а также разместить правительство индийской части Пенджаба. Первоначальный план нового города был разработан архитекторами-американцами Альбертом Майером и Мэтью Новицки, но после гибели последнего в авиакатастрофе эстафета была передана Ле Корбюзье. Осенью 1950 года представители штата Пенджаб посетили Ле Корбюзье в его мастерской на улице Севр, 35. В феврале 1951 года Ле Корбюзье, назначенный советником правительства штата Пенджаб по вопросам планировки, вместе со своим двоюродным братом Пьером Жаннере вылетел в Индию. Там их встретил архитектор Максвелл Фрей, прибывший на место раньше мэтра. Несколько позднее к ним присоединилась Джейн Дрю. В гостинице, расположенной по дороге на Симлу, за четыре дня был разработан регулярный план Чандигарха.

Как и план Бразилиа, он был связан с гидротехническими сооружениями на территориях, где остро ощущалась нехватка воды. С помощью дамб удалось образовать озера и водоемы. Однако оказалось, что в основе этих двух городов лежат совершенно разные планировочные схемы (рис. 4). Ансамбли административной зоны Чандигарха – столицы штата Пенджаб – были скомпонованы на регулярной основе из модульных квадратов, в которых располагались Дворец Ассамблей, Секретариат, здание Верховного суда и Музей науки. Знаменитый «Модуль», разработанный Ле Корбюзье во время Второй мировой войны, стал методологическим инструментом проектирования и для генплана, и для основных зданий столицы.

Здание Верховного суда было спроектировано в виде прямоугольника удлинённой формы с монументальным входом и своеобразным покрытием, которое за счет отражения в воде как бы заключало фасад в своеобразную раму (рис. 5). Здание было связано эспланадой длиной 400 метров с Дворцом Ассамблей. За ним было расположено еще более протяженное здание Секретариата, декорированное густой сеткой солнцезащитных ребер (с разбивкой по Модулю) и более разреженной решеткой в центре, обозначавшей расположение кабинетов министров (рис. 6).



Рис. 4. Генеральные планы Чандигарха (арх. Л. Коста) и Бразилиа (арх. Ле Корбюзье).

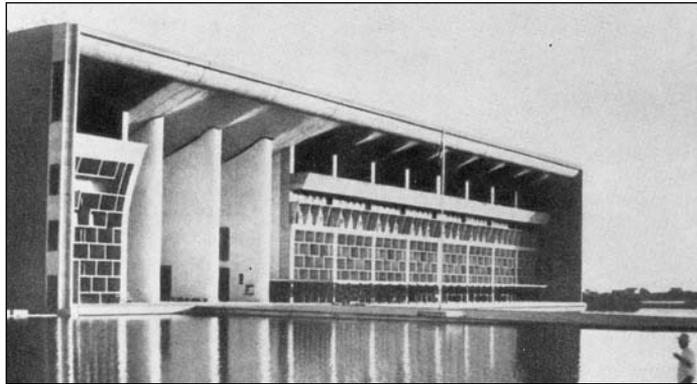


Рис. 5. Капитолий в Чандигархе.



Рис. 6. Секретариат Чандигарха.

Для Музея науки была выбрана кубическая форма. Дворец Ассамблей в виде замкнутого каре был увенчан гиперболоидом вращения (наподобие градири) с косо срезанным верхом и менее заметной пирамидой (рис. 7).

Для зданий были разработаны достаточно причудливые интерьеры с колоннами, пронизывающими этажи, стенами со сквозными отверстиями и пандусами, по которым доставлялись материалы на строительство. По идее Ле Корбюзье, ансамбль центра Чандигарха должен был завершаться монументом «Раскрытая ладонь» в память о погибших при конфликте (рис. 8). Однако эта идея оказалась неосуществленной. Завершал строительство административного центра в Чандигархе уже Пьер Жаннере. По его проекту были построены общественный центр, школа, библиотека, университетский городок и множество жилых домов. За этот значительный вклад в завершение ансамбля правительство штата Пенджаб назначило Пьера Жаннере главным архитектором новой столицы.

В Чандигархе оказались воплощены основные градостроительные идеи Ле Корбюзье, до того времени остававшиеся преимущественно на бумаге: функциональная планировка с системой секторов-микрорайонов, широкие транспортные магистрали (по меткому замечанию К. Фремптона, это город для автомобилей, созданный в стране, где не у всех есть велосипеды), системация типовой застройки и, соответственно, групп населения, для которого они предназначены. Чандигарх называют последним островом колониальной идеологии на чужой земле, не имеющим никакого отношения к поселенным здесь людям⁴. И природа, и люди принимали европейский подарок с обманчивой безучастностью, но среда одержала победу. Постройки Чандигарха сегодня стали природными формами, на которых люди живут своей жизнью и строят свои, удобные им дома – глинобитные хижинки, которые лепятся к обшарпанным бетонным стенам полузаброшенных индустриальных жилых ячеек.

Совершенно иным был дух композиции, приданный городу Бразилиа О. Нимейером. По замыслу Лючио Коста, правительственные здания планировалось расположить на эспланаде, протянувшейся на шесть километров, подчиненной симметрии, пересекающей дугу жилых микрорайонов города, – и все это на фоне гор. Сохранилась схема, напоминающая лук со стрелой, направленной в горы. В течение первого года был построен Дворец президента, или иначе – Дворец Зари – Альворадо, расположенный в глубине у водоема (рис. 9). Это здание характеризуют пластичные пилоны, обеспечивающие для защиты от солнца значительный вынос кровли, а также монументальность, необычная для двухэтажного сооружения, и декоративность всего фасада⁵.

Доминантой новой столицы стала спаренная вертикаль здания Национального конгресса в 28 этажей. Она возвышается над протяженной платформой с пандусом при входе (рис. 10–12). На платформе расположены две чаши, находящиеся в равновесии: это зал для депутатов, перекрытый куполом, и помещение с амфитеатром для заседаний Федерального Сена-

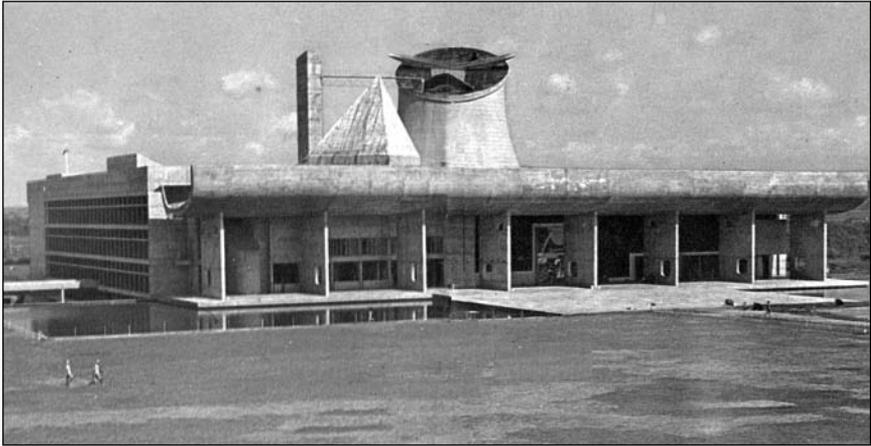


Рис. 7. Ле Корбюзье. Дворец Ассамблей. Чандигарх.

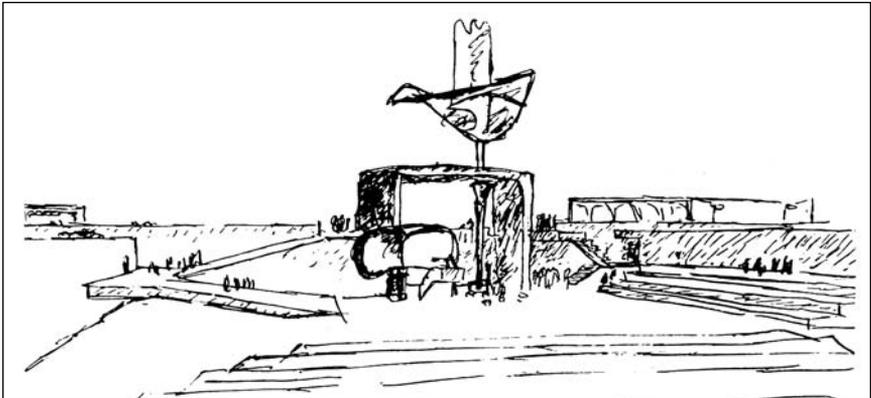


Рис. 8. «Мемориал с раскрытой ладонью» Ле Корбюзье.



Рис. 9. О. Нимейер. Президентский дворец Альворадо, Бразилия.

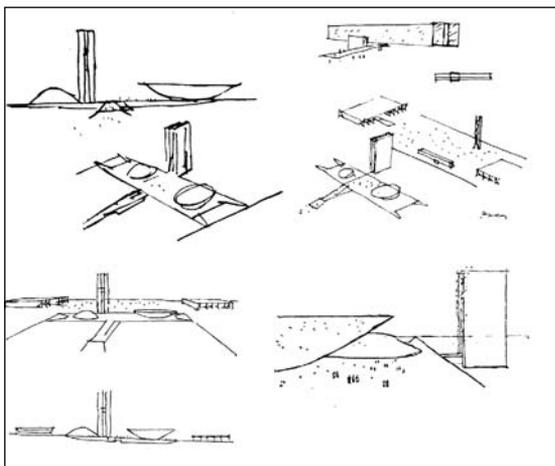


Рис. 10. О. Нимейер. Эскизные рисунки площади Трех властей.

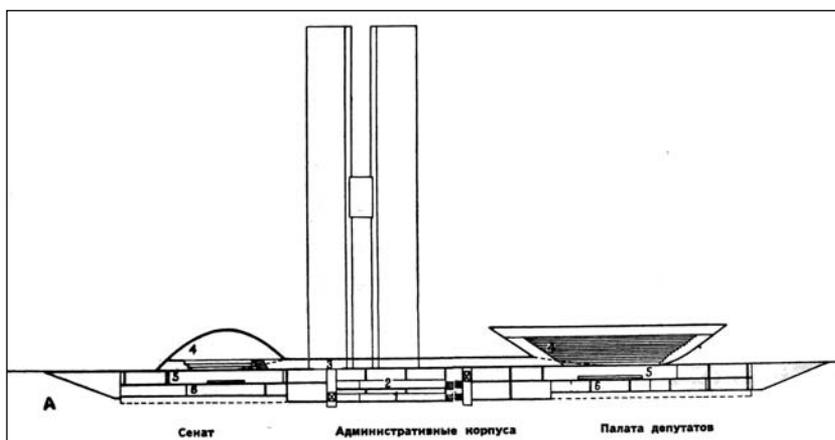


Рис. 11. О. Нимейер. Проект здания Национального конгресса.



Рис. 12. Площадь Трех властей с высоты птичьего полета. Бразилия.

та. Вертикальное здание с горизонтальной платформой в основании и с противоположно трактованными частями сферы, напоминающее весы и символизирующее правосудие, является вертикальной доминантой комплекса площади Трех властей. Дворцы Правительства и Правосудия – однотипные, но различно развернутые здания с пилонами, расположенные в виде правильного треугольника на оси эспланады (рис. 13, 14). Перед зданием Дворца Правительства находится трибуна, с которой 21 апреля 1960 года было объявлено об открытии новой столицы Бразилии. Расположенные за Национальным конгрессом здания замыкают треугольник площади, который раскрывается с противоположной стороны эспланады; по обе стороны от нее расположены здания министерств.

О. Нимейер отмечал, что, разрабатывая проекты Дворцов Зари, Правительства и Правосудия, он занимался поиском новых форм для опор и собственно колонн. В связи с этим он нашел формы, которые, не удовлетворяя требованиям рационализма, должны были придать зданиям значительную легкость. Можно назвать их новым архитектурным орденом, применение которого оказалось необыкновенно удачным. О. Нимейер не ограничился изобретением одного ордера с использованием гирлянд из парабол. Им была разработана целая серия пилонов, которые выглядят так, словно они подвешены и лишь слегка касаются почвы (рис. 15).

О. Нимейер неоднократно отмечал, что ему очень повезло, что вместе с ним работал замечательный инженер и друг Жуакин Кардозу, который ни разу не проявил излишней осторожности, требуя изменений по экономическим соображениям или опасаясь за конструкцию. Он понимал дух архитектуры и постоянно стремился до мельчайших деталей сохранить архитектурный замысел, будучи уверенным, как и автор, что архитектура, чтобы стать произведением искусства, должна, прежде всего, быть прекрасной и неповторимой. О. Нимейер считал, что Ж. Кардозу не только инженер и исследователь, но и один из самых культурных и эрудированных бразильцев.

Ж. Кардозу работал, не обращая внимания на ограничительные нормы и правила, уверенный, что к изучению свойств железобетона он прибавляет знания изобразительного искусства и архитектуры. Кроме того, творческая атмосфера, дух взаимодействия, сложившийся при О. Нимейере (здесь, возможно, сыграла роль его особая одухотворенность), были такими, что ни отсутствие средств, ни вопросы технического характера не служили препятствием для строительства. Творческое содружество архитекторов и инженеров стало отличительной особенностью XX века.

Необычная модификация пилонов была использована О. Нимейером и для ансамбля Кафедрального собора. Ротонда коноидальной формы, образованная всеерной постановкой дугообразных пилонов, имеет 40 метров в высоту, а диаметр основания – 70 метров (рис. 16). Как отмечал автор, для него было важно найти достаточно компактное решение, которое бы сохраняло чистоту образа независимо от угла зрения. Для этого он прибегает к радиальной форме, где над пилонами, связанными кольцом, возвы-

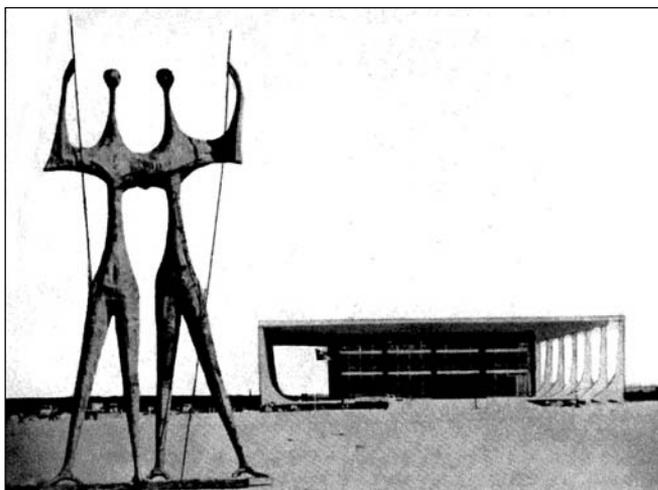
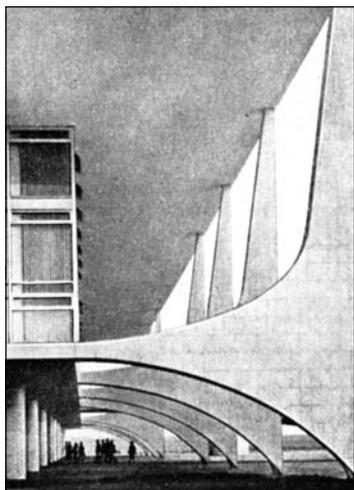


Рис. 13, 14. Павильон и фрагмент Дворцов Правительства и Правосудия. Бразилиа.

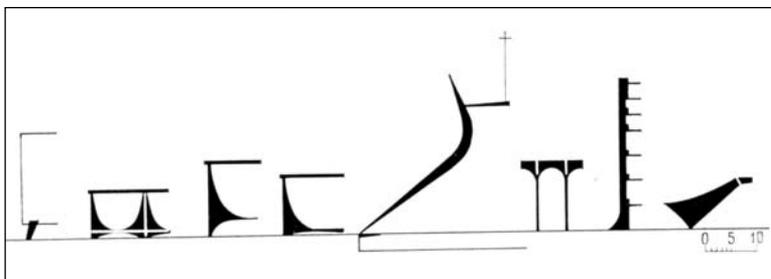


Рис. 15. Серия пилонов, выступающая как «новый ордер» О. Нимейера.

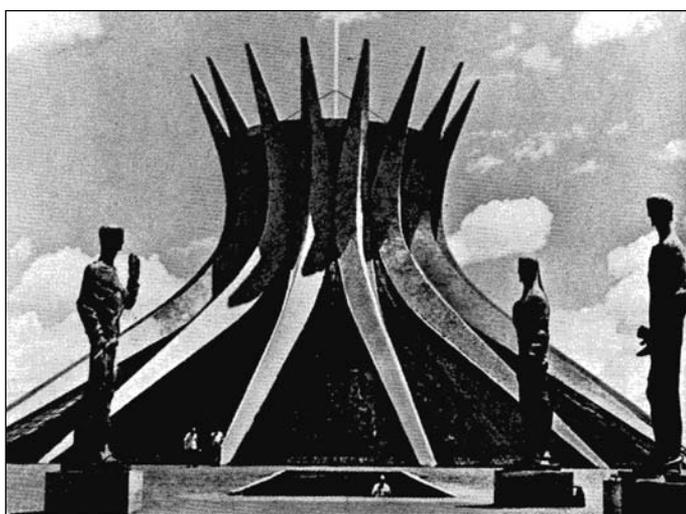


Рис. 16. О. Нимейер. Кафедральный собор Бразилиа.

шается крест. Пол собора заглублен относительно поверхности земли, что определило размещение алтаря на ступенчатом подиуме и ряда часовен, расположенных по кругу, на нулевой отметке. Объем замкнут; благодаря заглублению вход в собор осуществляется через затемненный коридор. Таким образом, когда верующие попадают внутрь, через витражи на них словно обрушиваются каскады света, изогнутые между пилонами. Скульптору А. Сескьяти принадлежат статуи евангелистов перед собором и трех летающих ангелов в его внутреннем пространстве.

Замысел Кафедрального собора отличается такой оригинальностью и новизной, что это здание могло бы стать символом религии будущего. Приверженность О. Нимейера коммунистическим идеям не мешала ему оригинально выражать духовное начало в архитектуре. Это можно заметить и в разработанном им здании факультета теологии для столичного университета (рис. 17).

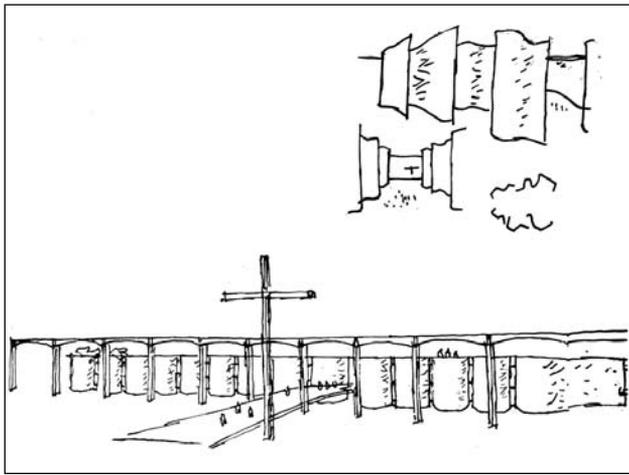


Рис. 17. О. Нимейер. Факультет теологии в столичном университете.

Нимейера способствовали генезису новой стилистики, и им мы обязаны тем исключительным ощущением легкости и отсутствием напряжения при восприятии, которые отличают восприятие сооружений Нимейера от творений стиля «пуризм». Этот стиль, основанный на напряжении, которое обязан был испытать зритель, одним из первых пропагандировал Ле Корбюзье совместно с художником Амедео Озанфаном.

Более детальное рассмотрение правительственных зданий, построенных О. Нимейером в Бразилиа, обнаруживает еще одну своеобразную деталь: отсутствие ограждений на пандусах и лестницах. Но еще более значимой, хотя и менее заметной, причиной в процессе осуществления архитектурного замысла, видимо, является удивительное взаимопонимание О. Нимейера с замечательным инженером Жуакином Кардозу.

В 1963 году талантливому бразильскому архитектору Оскару Суаресу Фильо Нимейеру за выдающиеся заслуги в строительстве новой столицы Бразилии была присуждена Международная Ленинская премия.

К сожалению, некоторые из проектов О. Нимейера не были осуществлены. Это относится, например, к эскизам и макету аэропорта, предназначенного для Бразилиа. В нем была бы воплощена еще одна необычная модификация пилонов. Как и у Кафедрального собора, в проекте аэропорта пилоны были расположены радиально и поддерживали верхнюю циркульную поверхность покрытия. Видимо, действительно пилоны

В дальнейшем О. Нимейер испытал немало разочарований, так как после смены президента в Бразилии сменилась и идеология. Однако он по-прежнему верен своим идеалам. И неслучайно по его проектам было построено здание ЦК Компартии Франции (совместно с Ж. Николя и архитекторами Дорошем и Шеметовым), выполнены проекты для Алжира, Италии, Израиля и Португалии. И в XXI веке архитектор О. Нимейер продолжает активно трудиться. Но наиболее масштабными и стилистически выверенными, на наш взгляд, являются сооружения, построенные им в Бразилиа. Будучи образцом предельно лаконичной и оптимистичной архитектуры, они органично вписались в генеральный план столицы, напоминающий одновременно и лук со стрелой, и летящую птицу, по аналогии с изображениями на плоскогорье Наска⁶. Недаром довольно скупой на похвалу Ле Корбюзье заметил в письме О. Нимейеру о Бразилиа: «Я часто думаю о Вас и о Вашей прекрасной работе. Bravo!».

Строительство Бразилиа стало источником гордости и символом надежды, объединило бразильцев, сфокусировало энергию страны и показало бразильцам и всему миру, на что они способны. В течение десятилетий Бразилиа называли городом будущего и примером для подражания. Между тем относительно удобства для жизни город считают неудачным. Как и Чандигарх, это город для автомобилей, а не для людей. «Расстояния огромные и пешком неодолимые; солнце печет, и нет деревьев, чтобы укрыться. Бюрократов и политиков завлекают в Бразилиа стопроцентной надбавкой к зарплате и большими квартирами, но, как только рабочая неделя кончается, они пулей летят в Рио или Сан-Паулу – куда угодно из этой стерильности. Бедняки, занятые в строительстве и обслуживании производства, не входили в столичный план и живут в поселках в 30 км от города, называемых «анти-Бразилиа»⁷.

Вместе с тем, грандиозные градостроительные проекты периода оптимистического индустриализма должны стать объектами культурного наследия как выдающиеся художественные памятники своей эпохи.

¹ Нимейер О. Архитектура и общество. – М., 1975.

² Коста Л., Нимейер О. Бразилиа. Площадь Трех властей // Современная архитектура. – 1962. – № 3. – С. 18.

³ Ле Корбюзье. Творческий путь. – М., 1970.

⁴ Микулина Е. Чандигарх: «Город Солнца» // Проект-классика. – 2001. – № 2. – Электронный ресурс: http://www.projectclassica.ru/v_o/02_2001/02_o_09.htm

⁵ Нимейер О. Мой опыт строительства Бразилиа. – М., 1963.

⁶ Ярмоленко А.Д. Урбанизм столиц, или на вершине утопии XX века // Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое. – М., 2007. – С. 50–51.

⁷ Ланегран Давид А. Реальность Бразилиа // Проект-классика. – 2007, № XXI. Электронный ресурс: http://www.projectclassica.ru/v_o/21_2007/21_2007_v_02a.htm

ПРИРОДНАЯ СРЕДА

УДК 551
ББК 26.237

В.В. Украинцева

МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ КЛИМАТОВ ПРОШЛОГО И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КЛИМАТА В БУДУЩЕМ НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА

Представлен принципиально новый метод реконструкции климатов прошлого на основании данных спорово-пыльцевого анализа. Метод базируется на зональном принципе. В его основе лежит использование «Индексов сходства» (Similarity Indexes), которые рассчитываются для спорово-пыльцевых спектров отложений любого генезиса и возраста. Индексы сходства позволяют установить объективную связь, которая существует между компонентами фоссильных спорово-пыльцевых и рецентных спорово-пыльцевых спектров, и, следовательно, связь между современной растительностью, растительностью прошлого и климатом. Предлагаемый метод позволяет не только реконструировать элементы климатов прошлого в сравнении с современными элементами, но и прогнозировать изменения климата в будущем на региональном и глобальном уровнях.

Ключевые слова:

климат, элемент климата, палеоклиматическая реконструкция, тип климата, сезон, прогноз изменений элементов климата, спорово-пыльцевой анализ, спорово-пыльцевой спектр отложений, индекс сходства, корреляция

Проблема прогноза изменений климата в будущем – ближайшем и более отдаленном – одна из важнейших проблем современности. Над этой проблемой работают многие научные коллективы и межправительственные комиссии разных стран, поскольку от характера изменения климата

на нашей планете зависит жизнь и процветание сообществ разных стран и каждого из членов этих сообществ. Эта проблема связана напрямую с проблемой реконструкции изменений климата в прошлом, так как дать надежный прогноз любого явления или события можно лишь в том случае, если есть представление о том, как развивалось то или другое явление или событие в прошлом и каково его современное состояние.

Как известно, для реконструкции климатов прошлого очень широко используются данные спорово-пыльцевого метода исследований. В основе этого метода лежит принцип актуализма: «*There is only one fact in pollen analysis that always holds true: a pollen grain of a plant species came from of specimen of that species*»¹. Но есть еще и другой факт, который всегда остается верным: пыльца, споры растений, оседая на поверхность Земли, формируют спорово-пыльцевые спектры (СПС). Что такое спорово-пыльцевой спектр? Это понятие трактуется в литературе все еще по-разному. Наиболее точное определение этого понятия дали, на мой взгляд, В.П. Гричук и Е.Д. За-клинская². *Под спорово-пыльцевым спектром ими понимается совокупность пыльцы, спор растений, как выпадающих на современную земную поверхность, так и обнаруживаемых в ископаемом состоянии, выраженная в виде процентного соотношения составляющих.*

Из приведенного выше ключевого определения спорово-пыльцевого спектра вытекает связь между составом ископаемых СПС и составом СПС современных поверхностных проб. Оказалось, что эту связь можно выразить через числовой критерий. Этот критерий был недавно установлен мною и назван индексом сходства – **Similarity Index (SI)**³. Таким образом, появилась реальная возможность выразить через индексы сходства связь, которая существует между компонентами современного растительного покрова и компонентами растительного покрова, а следовательно, и климата прошлых эпох в любом из районов исследований. Следует подчеркнуть, что введенный индекс позволяет осуществлять надежную корреляцию ископаемых СПС на зональном и фитоценоотическом уровнях.

Этот новый прием оценки ископаемых СПС был успешно использован нами при изучении проб, взятых из торфяника в бассейне реки Фомич, юго-восточная часть полуострова Таймыр (71° 42' с. ш., 108° 03' в. д.)⁴. Используя оригинальные данные М.И. Нейштадта и Л.Н. Тюлиной⁵, я рассчитала индексы сходства для шести компонентов СПС из склоновых отложений реки Майн, приток реки Анадырь: *Betula, Alnus, Abies, Pinus pumila, Larix, Salix*. Оказалось, что вычисленные индексы сходства надежно работают на выводы авторов, сделанные 100 лет назад! Это дает мне основание быть уверенной в том, что применение индексов сходства при палинологических исследованиях позволяет исключать элемент субъективизма при палеогеографических реконструкциях и корреляциях, о котором в свое время писал В.П. Гричук⁶.

Разработанный мною новый метод реконструкции климатов прошлого базируется на зональном принципе. В его основе лежит использование индексов сходства, которые рассчитываются для таксонов зонального

уровня («общий состав»), растений- доминантов и кодоминантов в составе спорово-пыльцевых спектров отложений любого генезиса и возраста. Именно здесь необходимо отметить, что понятие «общий состав» спорово-пыльцевых спектров, введенное в практику спорово-пыльцевого анализа В.П. Гричуком и Е.Д. Заклинской⁷, является интегральным. Это фундаментальное понятие биогеографического уровня, которое имеет важнейшее значение при реконструкции зональных типов растительности и ландшафтов, их эволюции во времени и пространстве и, несомненно, при реконструкции климатов прошлого. Именно «общий состав» спорово-пыльцевых спектров, как рецентных, так и ископаемых, отражает зональную структуру растительных ассоциаций. Однако в работах зарубежных коллег это понятие практически не используется. К сожалению, эта тенденция стала проявляться и в работах палинологов нашей страны, в особенности в связи с применением программы *Tilia-Graph* при построении спорово-пыльцевых диаграмм. При таком подходе, образно говоря, вместе с водой из ванны выплескивают и ребенка: «общий состав» – ценнейший инструмент при палеобиогеографических реконструкциях, стратиграфических построениях и корреляциях природных явлений и событий. Именно «общий состав» спорово-пыльцевых спектров является источником информации о сообществах растительного покрова зонального уровня, а следовательно, и климата. Последний развивается длительно и устойчиво, поэтому основные закономерности, установленные для современного климата, могут быть распространены на климаты прошлых эпох и использованы для прогнозных построений изменения климата в будущем.

Ниже представлена методика реконструкции климатов прошлого с использованием индексов сходства, которая разработана на результатах изучения конкретного геологического разреза: это названный выше верховой торфяник мощностью 2, 62 м на левом берегу реки Фомич.

Методика

При реконструкции климатов прошлого на основании данных, получаемых при изучении проб методом спорово-пыльцевого анализа, следует использовать следующие приемы.

1. «Общий состав» ископаемых СПС и «общий состав» СПС поверхностных проб подразделить на четыре группы, соответствующие четырем группам жизненных форм растений: 1) пыльца деревьев, 2) пыльца кустарников и кустарничков, 3) пыльца трав и мелких кустарничков (*Casiope*, *Dryas*, *Vaccinium*, другие кустарнички), 4) споры споровых растений.

2. Выявить доминанты и кодоминанты в составе ископаемых СПС и в составе СПС поверхностных проб.

3. Рассчитать индексы сходства для вышеназванных таксонов «общего состава», доминантов и кодоминантов. Индексы сходства рассчитываются по следующей формуле:

$$X/Y = SI,$$

где **X** – содержание пыльцы, спор любого таксона в ископаемом спорово-пыльцевом спектре, выраженное в процентах;

Y – содержание пыльцы, спор того же самого таксона в составе спорово-пыльцевого спектра современной поверхностной пробы;

SI – индекс сходства (**Similarity Index**).

Индекс сходства – это и есть тот критерий, который позволяет выразить связь, существующую между компонентами ископаемых СПС и соответствующими компонентами современных поверхностных проб. В числовом значении это десятичная дробь, выражаемая в следующем виде: $SI \geq 0$; графически это точка на оси координат. Прием расчета индексов сходства наглядно иллюстрирует таблица 1.

Индекс сходства можно рассчитать для любого из компонентов ископаемых СПС; однако этот индекс может быть получен только в том случае, если изучение фоссильных и рецентных проб производится сопряженно.

Таблица 1. Индексы сходства, рассчитанные для пыльцы группы деревьев в составе спорово-пыльцевых спектров из отложений второй надпойменной террасы реки Фомич⁸.

N пробы, литология	Пыльца								
	Деревьев			<i>Larix gmelinii</i>			Дальнезаносная пыльца деревьев		
	Кол-во	%	SI	Кол-во	%	SI	Кол-во	%	SI
1, пов. проба	78	18,6	1	53	12,6	1	25	5,9	1
2, торф	91	16,0	0,86	68	12,0	0,95	23	4,0	0,68
3, торф	63	20,0	1,1	42	13,4	1,06	21	6,6	1,1
4, торф	60	13,4	0,72	50	11,2	0,88	10	2,2	0,37
5, торф	18	4,6	0,25	14	3,6	0,28	4	1,0	0,17
6, торф	14	4,3	0,23	12	3,7	0,29	2	0,6	0,10
7, торф	29	5,9	0,32	28	5,7	0,45	1	0,2	0,03
8, торф	20	4,2	0,22	19	4,0	0,32	1	0,2	0,03
9, супесь	31	5,9	0,31	17	3,3	0,26	14	2,6	0,44

4. Методом ареалограмм установить район совместного произрастания растений доминантов и кодоминантов, определенных в составе фоссильных СПС. Этот район является районом-аналогом для фоссильных таксонов зонального и фитоценотического уровней. Данные метеостанции, расположенной в районе-аналоге, или данные ближайших к нему метеостанций, полученные путем интерполяции, правомерно использовать для реконструкции элементов климата в районе исследований.

5. При реконструкции использовать следующие элементы климата: 1) средняя температура воздуха за июль (или август для арктических и горных районов); 2) средняя температура воздуха за январь; 3) среднегодовая температура воздуха; 4) сумма температур воздуха выше 0 °С; 5) сумма осадков за год; 6) сумма осадков за период с температурами воздуха выше 0 °С, выраженная в процентах от суммы осадков за год. Сумму температур воздуха за весь период со средней суточной температурой выше 0 °С получаем путем сложения с нарастающим итогом сумм температур за отдельные полные и неполные месяцы, входящие в этот период (Справочник по климату, 1969). Сумма температур воздуха является интегральной характеристикой температурного режима, которая отражает ресурсы тепла, обусловленные радиационным балансом любой территории.

6. Реконструкцию элементов климата, названных выше, производить по следующей формуле:

$$r_n = R_n \cdot SI_n (1),$$

где r_n – любой из перечисленных выше элементов климата, реконструируемых для района исследований;

R_n – любой из перечисленных выше элементов современного климата района-аналога;

SI_{1-4} – индексы сходства зонального уровня, которые рассчитываются для элементов «общего состава».

Вышеперечисленные элементы климата и индексы сходства, которые используются при реконструкции, для удобства их применения обозначены следующим образом:

R_1 – средняя температура июля (°С);

R_2 – средняя температура января (°С);

R_3 – среднегодовая температура (°С);

R_4 – сумма температур воздуха выше 0 °С;

R_5 – сумма осадков за год (мм);

R_6 – сумма осадков за период с температурами выше 0 °С, выраженная в процентах от суммы осадков за год;

SI_1 – индекс сходства для группы пыльцы деревьев;

SI_2 – то же для группы пыльцы кустарников и кустарничков;

r_{1-6} – реконструируемые соответственно вышеперечисленные элементы климата.

В нашем конкретном случае вышеприведенная формула (1) принимает следующий вид:

$$r_{1-6} = R_{1-6} \cdot SI_1 \text{ или } SI_2 (2)$$

Естественно, что в каждом конкретном случае число элементов климата при проведении реконструкций может варьироваться, что зависит от конкретных задач, стоящих перед исследователями.

Вводя в формулу (2) перечисленные выше элементы климата района-аналога (R_1 – R_6) и индексы сходства (SI_1 , SI_2), получаем соответствующие реконструированные элементы климата – r_1 – r_6 .

Для реконструкции вышеназванных элементов климата в бассейне р. Фомич были использованы данные метеостанции поселка Хатанга, расположенного в 200 км от района наших исследований на северном пределе распространения редкостойных лесов, образованных лиственницей Гмелина *Larix gmelinii* (Rupr.). Это единственная лесообразующая порода лесотундровых редколесий и северотаежных горных лесов в восточной части Таймыра; южнее, в среднем течении р. Котуй, к ней изредка примешивается ель. Самые северные в мире редколесья и даже редкостойные леса находятся в нижнем течении правого притока реки Хатанга – реки Лукунской под 72° 35' с. ш. Настоящие северотаежные леса начинаются по долине реки Котуй, несколько южнее ее впадения в реку Хатанга; их «острова» встречаются также в долине реки Фомич, причем для них свойственно наличие комплекса характерных таежных видов сосудистых растений и мхов⁹.

Данные, которые получены в результате реконструкции шести вышеперечисленных элементов климата для бассейна р. Фомич, представлены ниже (табл. 2, рис. 1).

Таблица 2. Показатели тепло- и влагообеспеченности бассейна р. Фомич, север Анабарского нагорья, в течение последних 10 500±140 лет.

Время AD/ BP yrs	Фитохрон	Индекс сходства SI ₁ SI ₂		Температура воздуха, °C				Осадки, мм		Тип климата
				Июля	Января	Средняя за год	У Т за 5–9 м-цы	Σ за год	Σ за 5–9 м-цы / % от Σ за год	
1953–2003 гг.	II ₄	1	1	12,3	-33,8	-13,4	837	348	203 / 58,0	Лесной
500±60	II ₃	0,95	0,34	11,7(-0,6)	-32,1(-1,7)	-12,7(-0,7)	795(-42)	312(-36)	193 / 62,0	“
3660±60	II ₂	1,1	1,31	13,5(+1,2)	-37,2(+3,4)	-14,7(+1,3)	921(+84)	383(+35)	223 / 58,0	“
5720±60	II ₁	0,90	0,90	11,1(-1,2)	-30,4(-3,4)	-12(-1,4)	753(-84)	313(-35)	183 / 58,0	“
7040±60	I ₄	0,28	0,83	10,2(-2,1)	10,2(-2,1)	-11,2(-2,2)	695(-142)	289(-59)	168 / 58,3	Тундровый
7530±70	I ₃	0,29	0,52	6,4(-5,9)	-17,6(-16,2)	-7,1(-6,4)	435(-402)	181(-167)	106 / 58,6	“
8150±60	I ₂	0,45	0,80	9,8(-2,5)	-27(-6,8)	-10,7(-2,7)	670(-167)	278(-70)	162 / 58,0	“
10500±140	I ₁	0,32	0,80	9,8(-2,5)	-27(-6,8)	-10,7(-2,7)	670(-167)	278(-70)	162 / 58,0	“
	I ₁	0,26	1,41	19	-52,4	-20(-6,6)	1266(+329)	539(-191)	336 / 62,0	
SI ₁ – группа деревьев										
SI ₂ – группа кустарников и кустарничков										

Примечание. Здесь и далее: AD – наше время; BP yrs (Before Present yrs) – годы до современности. Введенный термин «фитохрон» обозначает тип растительности, существовавший на исследованной территории в определенный, датированный методом радиоуглеродного анализа, период времени в прошлом и характеризующийся определенным сочетанием индексов сходства для групп пыльцы и спор зонального и фитоценотического уровней.

В скобках даны отклонения от современных значений показателей климата.

Рисунок 1. Динамика основных элементов климата в бассейне реки Фомич в течение последних $10\,500 \pm 140$ лет.

ФИТОХРОН		AD/ ¹⁴ C угр ВР	Индекс сходства (SI)	Температура, °C				Осадки, мм	
Название	Индекс			T _{VII}	T _I	ΔT _{I-XII}	ΣT _{VI-IX}	за год	за V-IX м-ны
Larix gmelinii s.l.	II ₄	1953-2003	SI ₁ 1						
Larix gmelinii s.l.	II ₃	500 ± 60 1400-1470 ± 200 н.э.	0.95						
Larix gmelinii	II ₂	3660 ± 60 2135-2079 ± 200 н.э.	1.1						
Larix gmelinii	II ₁	5720 ± 60 4669-4463 ± 200 н.э.	0.90						
Duscheckia fruticosa	I ₄	7040 ± 60 5985-5841 ± 200 н.э.	SI ₂ 0.83						
Duscheckia fruticosa	I ₃	7530 ± 70 6443-6261 ± 200 н.э.	0.52						
Duscheckia fruticosa, Betula exilis	I ₂	8150 ± 60 7315-7065 ± 200 н.э.	0.80						
Betula exilis, Duscheckia fruticosa	I ₁	10500 ± 140 10650-10275 ± 200 н.э.	1.55						

По количественным характеристикам элементов климата в бассейне р. Фомич и их динамике на графиках (рис. 1) отчетливо прослеживается два типа климата – тундровый и лесной; они полностью соответствуют двум типам фитохронов, установленных нами ранее для этого¹⁰. При реконструкции элементов климата, которые характеризуют фитохрон лесного типа, в вышеприведенную формулу вводили индекс сходства SI₁; для фитохрона тундрового типа в эту формулу вводили индекс сходства SI₂. Проведенные реконструкции названных выше элементов климата показали, что при SI ≥ 0,5 сразу получаем реконструируемые элементы климата; при SI ≤ 0,5 – получаем отклонения от современных значений любого из элементов климата; вычтя полученную величину отклонения из современного его значения, получаем значение реконструированного элемента климата.

Тундровый тип климата приходится на интервал времени 10 500 ± 140 лет ВР (10 650–10 275 гг. до н. э.) – 7040 ± 60 лет ВР (5985–5841 гг. до н. э.). Этот тип климата господствовал здесь более 3500 лет. Для него характерны менее теплые, чем в 20-м столетии, летние сезоны: T_{VII} составляла 9,8–10,2 °C (12,3 °C) (здесь и далее в скобках даны значения показателей современного климата); суммы температур за период выше 0 °C (далее ΣT_{VI-IX}) достигали 670–695 °C (837 °C). Зимние сезоны были более теплые, чем в 20-м столетии: T_I составляла –27 – 28 °C (–33,8); более высокими были среднегодовые температуры воздуха: –10,7–11,2 °C (–13,4 °C); годовое количество осадков было меньше, чем в 20-м столетии, причем 58 % их выпадало в течение безморозного периода.

Коренная перестройка климата происходит между 7040–5720 гг. ВР: тундровый тип климата сменяется лесным. Это нашло отражение в изменении растительного покрова. Тундры современного южного типа с участием ольховника (*Duscheckia fruticosa*), господствовавшие в этом регионе почти 3500 лет (фитохрон I₁₋₄), сменяются лиственничными лесами, образованными лиственницей гмелина (фитохрон II₁₋₄) (табл. 3). Здесь следует подчеркнуть, что *Duscheckia fruticosa* является мощным эдификатором тундр южного типа¹¹.

Лесной тип климата приходится на интервал времени 5720 ± 60 лет ВР (4669–4463 гг. до н. э.) – 500 ± 60 лет ВР (1400–1470 гг. н. э.) – современность. Тепло- и влагообеспеченность в этот временной интервал возрастают (см. табл. 2). Летние сезоны становятся более теплыми, чем летние сезоны 7040 ± 60 лет ВР и летние сезоны 20-го столетия: T_{VII-IX} повышается до $11,1-11,7$ °С, максимально до $13,5$ °С; сумма положительных температур воздуха за безморозный период также повышается до $595-753$ °С, максимально до 921 °С. Однако зимние сезоны стали более холодными, чем зимние сезоны в интервале времени $10\ 500 \pm 140$ лет ВР (10 650–10 275 гг. до н. э.) – 7040 ± 60 лет ВР (5985–5841 гг. до н. э.); T_I составляют $30,4-37,2$ °С; среднегодовые температуры воздуха понизились до $-12,0-12,7$ °С, максимально до $-14,7$ °С; количество осадков за год возрастает до $313-383$ мм, причем большая их часть (58–62 %) приходится на безморозный период.

Представленные выше характеристики двух типов климата, данные таблицы 2 и рисунка 1 свидетельствуют о том, что в первую половину голоцена ($10\ 500-7040$ лет ВР) климат в этом регионе был достаточно устойчив. Лишь 7530 ± 70 лет ВР произошло резкое похолодание: средние температуры воздуха в июле снижались до $6,4$ °С ($+12,3$ °С); ΣT_{VI-IX} снижается до 435 °С (837 °С); однако зимние температуры воздуха были значительно выше, чем в 20-м столетии: T_I достигала $-17,6$ °С ($-33,8$ °С); повышалась и среднегодовая температура воздуха до $-7,0$ °С ($-13,4$ °С). Но уже 7040 ± 60 лет ВР, то есть через 490 лет, климатический режим, который был здесь до этого похолодания, практически восстанавливается. Причем летние сезоны в течение первой половины голоцена были менее теплыми, чем летние сезоны 20-го столетия, тогда как зимние сезоны были более теплыми, чем зимние сезоны 20-го столетия. Отклонения по всем реконструированным элементам – отрицательные в сравнении с элементами климата 20-го столетия.

Климат второй половины голоцена, начиная с 5720 ± 60 лет ВР и вплоть до современности, характеризуется попеременными колебаниями: ср. данные табл. 2.

Таким образом, приведенные выше данные (табл. 2, рис. 1) позволили впервые составить объективное представление о характере тепло- и влагообеспеченности бассейна р. Фомич ($71^\circ 42'$ с. ш., $108^\circ 03'$ в. д.) в течение всего голоцена.

По основным элементам климата, реконструированным для последних $10\ 500 \pm 140$ лет ВР, выявлены следующие очень важные закономерности.

1). Более теплые, чем в 20-м столетии, зимние сезоны прослеживаются в этом регионе в первую половину голоцена – с $10\ 500 \pm 140$ лет и вплоть до 5720 ± 60 лет ВР. Отклонения по всем реконструированным элементам климата в этот длительный период времени – отрицательные.

2). Во вторую половину голоцена, начиная с 5720 ± 60 лет ВР, климатическая ситуация меняется: климат становится, с одной стороны, более теплым в сравнении с первой половиной голоцена, а с другой стороны, менее устойчивым. В климатический оптимум, который приходился в этом регионе на суббореальный период голоцена (3660 ± 60 лет ВР), ситуация

изменилась в корне: летние сезоны стали более теплыми относительно летних сезонов 20-го столетия – T_{VII} достигала $13,5^{\circ}\text{C}$ ($12,3^{\circ}\text{C}$); сумма положительных температур за (VI) VII–IX месяцы также возрастает до 921°C (837°C); количество осадков за год возросло до 383 мм (348 мм); зимние сезоны стали более холодными в сравнении с зимними сезонами 20-го столетия – T_I достигали $-37,2^{\circ}\text{C}$ ($-33,8^{\circ}\text{C}$); среднегодовые температуры были более низкими в сравнении с 20-м столетием: $-14,7^{\circ}\text{C}$ ($-13,4^{\circ}\text{C}$). Отклонения по всем реконструированным элементам климата в это время – положительные.

3). Более холодным, чем в 20-м столетии, летним сезонам сопутствовали более теплые зимы; более теплым, чем в 20-м столетии, летним сезонам сопутствовали более холодные зимы (ср. данные табл. 5). Установленная связь представляет собой как бы «два крыла» единого природного процесса. Эти своеобразные «крылья» были достаточно устойчивы в первую половину голоцена – $10\ 500 \pm 140$ лет ВР – 7040 ± 60 лет ВР. Во вторую половину голоцена, начиная с 5720 ± 60 лет ВР, устойчивость «крыльев» природного процесса как бы колеблется, что отражает колебания климата в интервале времени 5720 ± 60 лет ВР – 500 ± 60 лет ВР (1400–1470 гг. н. э.)–современность.

Итак, изучив верховой торфяник из бассейна р. Фомич, мы получили впервые непрерывную информацию о естественной эволюции растительного покрова и климата в юго-восточной части полуострова Таймыр в течение более чем $10\ 500$ лет.

Приведенные выше данные иллюстрируют долгопериодические (5000 лет), среднепериодические (2400 лет) и короткопериодические (490 лет) изменения климата, которые характеризуются потеплениями и похолоданиями. В течение 20-го столетия многолетние зональные температуры воздуха свидетельствуют повсюду об их повышении около 1°C , но с большой вариабельностью: (1) общее потепление с 1900 по 1940 гг.; это потепление лучше всего проявлялось с 1920 по 1940 гг.; (2) общее похолодание с 1940 по 1970 гг.; (3) общее потепление с 1970 г., которое все еще продолжается¹². Однако, по данным Н.В. Ловелиуса¹³, в последние годы 20-го столетия отмечена тенденция к снижению прироста ширины годовых колец у лиственницы гмелина *Larix gmelinii (dahurica)* в урочище Ары-Мас, на северном пределе ее ареала на Таймыре. Чрезвычайно важным является продление серии этих годовых колец до 1996 года, подтвердившее тенденцию снижения ширины их прироста за последние 26 лет: 1960–1969 гг. ($0,518\text{ мм}$); 1970–1979 гг. (413 мм); 1980–1989 гг. ($0,456\text{ мм}$); 1990–1996 гг. ($0,376\text{ мм}$). Это может указывать, по мнению Н.В. Ловелиуса, на ухудшение условий роста и развития этой древесной породы и, следовательно, на похолодание. «Однако сколь долго продлится это похолодание, сказать пока трудно; но если судить об устойчивости направленных колебаний в прошлом, то это внутривековое колебание может быть достаточно продолжительным»¹⁴.

Мы полагаем, что отмечаемые явления потепления современных зим на полуострове Таймыр¹⁵ и в ряде других высокоширотных районов Ар-

ктики¹⁶ как раз и могут быть свидетельством явления начала похолоданий летних сезонов, что было характерно для первой половины голоцена в районе наших исследований (ср. данные табл. 2 и рис. 1).

Приведенные выше элементы климата, реконструированные нами для юго-восточной части полуострова Таймыр, отчетливо коррелируют с динамикой пятен на Солнце, реконструированных для последних 11 тыс. лет для средних широт Северного полушария¹⁷, что указывает на глобальный характер изменения климата на Земле под воздействием Солнца в течение голоцена. Таким образом, у нас есть все основания использовать данные, полученные нами по изменению климата в течение голоцена на полуострове Таймыр, как аналог и инструмент для прогноза изменения климата в будущем для этого региона. Причем теперь для прогнозных построений в этом регионе есть два исторически достоверных, установленных нами аналога: похолодание в так называемый малый ледниковый период 500±60 лет ВР (1400–1470 гг. А. Д.) и потепление в суббореальный период голоцена 3660±60 лет ВР. Однако в связи с изложенными выше фактами строить прогноз изменения климата на будущее целесообразно по двум сценариям: для похолодания и для потепления, чтобы быть готовыми и к тому, и к другому. Прогноз для наглядности представлен в виде таблицы 3.

Таблица 3. Сценарий прогноза изменений элементов климата для территории полуострова Таймыр (в скобках даны отклонения от современных значений).

Время AD / ВР yrs	Фи- то- хрон	Индекс сходства SI ₁ SI ₂		Температура воздуха, °С			Осадки, мм		
				Июля	Января	Средняя за год	Σ Т за 5-9 м-цы	Σ за год	Σ за 5-9 м-цы / % от Σ за год
ПРОГНОЗ									
Потепление				13,5(+1,2)	-37,2(+3,4)	-14,7(+1,3)	921(+84)	383(+35)	223 / 58,0
Похолодание				11,7(-0,6)	-32,1(-1,7)	-12,7(-0,7)	795(-42)	312(-36)	193 / 62,0
1953–2003 гг.	II ₄	1	1	12,3	-33,8	-13,4	837	348	203 / 58,0
500±60	II ₃	0,95	0,34	11,7(-0,6)	-32,1(-1,7)	-12,7(-0,7)	795(-42)	312(-36)	193 / 62,0
3660±60	II ₂	1,1	1,31	13,5(+1,2)	-37,2(+3,4)	-14,7(+1,3)	921(+84)	383(+35)	223 / 58,0
5720±60	II ₁	0,90	0,90	11,1(-1,2)	-30,4(-3,4)	-12(-1,4)	753(-84)	313(-35)	183 / 58,0
7040±60	I ₄	0,28	0,83	10,2(-2,1)	-28(+5,8)	-11,2(-2,2)	695(-142)	289(-59)	168 / 58,3
7530±70	I ₃	0,29	0,52	6,4(-5,9)	-17,6(-16,2)	-7,1(-6,4)	435(-402)	181(-167)	106 / 58,6
8150±60	I ₂	0,45	0,80	9,8(-2,5)	-27(-6,8)	-10,7(-2,7)	670(-167)	278(-70)	162 / 58,0
10500±140	I ₁	0,32	0,80	9,8(-2,5)	-27(-6,8)	-10,7(-2,7)	670(-167)	278(-70)	162 / 58,0
	I ₁	0,26	1,41	19(+6,7)	-52(+18,6)	-20,0(-6,6)	1266(+329)	539(-191)	336 / 62,0
SI ₁ – группа деревьев									
SI ₂ – группа кустарников и кустарничков									

В случае похолодания климата летние сезоны в этом регионе будут холоднее, чем летние сезоны 20-го столетия: средняя температура июля станет ниже на $0,6\text{ }^{\circ}\text{C}$, чем в 20-м столетии ($12,3\text{ }^{\circ}\text{C}$); сумма температур за VII–IX месяцы будет также на 42° ниже (837°); однако зимние сезоны станут более теплыми: средняя температура января будет выше средней многолетней температуры 20-го столетия на $1,7\text{ }^{\circ}\text{C}$; среднегодовая температура воздуха также повысится на $0,7\text{ }^{\circ}\text{C}$ в сравнении со среднегодовой температурой 20-го столетия; осадков в среднем выпадет на 36 мм меньше, чем в 20-м столетии (312 мм), но 62 % их (193 мм) будет приходиться на летние сезоны (см. табл. 6). В связи с этим возникнет опасность наводнений. Именно здесь следует отметить тот факт, что проведенными нами исследованиями в системе рек Медвежья и Котуй впервые был установлен феномен палеонаводнений для юго-восточной части полуострова Таймыр. Начиная со второй половины суббореального периода голоцена, а именно с 3900 ± 60 лет ВР, наводнения в этом регионе происходят постоянно. Судя по современной гидрологической ситуации, уровень подъема вод во время половодий достигал 4 м и выше в реке Пра-Котуй и 1,5 м в реке Пра-Медвежья¹⁸.

В случае потепления климата летние сезоны в этом регионе будут более теплыми, чем в 20-м столетии: средняя температура июля будет на $1,2^{\circ}$ выше, чем в 20-м столетии ($12,3^{\circ}$), и составит $13,5\text{ }^{\circ}\text{C}$; сумма температур за VII–IX месяцы будет на 84° выше, чем в 20-м столетии, и достигнет $920\text{ }^{\circ}\text{C}$. Однако зимние сезоны станут холоднее, чем в 20-м столетии: среднеянварские температуры будут на $3,4\text{ }^{\circ}\text{C}$ ниже среднеянварских температур 20-го столетия; среднегодовые температуры станут также ниже среднегодовых температур 20-го столетия на $1,3\text{ }^{\circ}\text{C}$. Отклонения по всем элементам климата ожидаются положительными.

Представленные выше два сценария прогноза изменения климата можно с уверенностью рассматривать для всего Таймыра, так как данные метеостанции поселка Хатанга, которые использованы нами для палеоклиматических реконструкций, и данные метеостанции города Дудинка довольно близки и характеризуют климатические условия полуострова Таймыр в целом¹⁹.

Так что же нас ждет в предстоящие 10–20–50 лет? Дальнейшее потепление климата или похолодание? Ответ на этот вопрос кроется в солнечно-земных связях. Гелио-телескопические данные, характеризующие активность Солнца, – это альфа и омега для прогнозных построений изменения климата в будущем на нашей планете. Только синтез гелиотелескопических, палеогеографических и современных метеорологических данных позволяет давать полноценные как среднесрочные, так и долгосрочные прогнозы изменения климата и ландшафтной оболочки Земли в различных ее регионах. В связи с этим гелиотелескопические данные следует публиковать в открытой печати с тем, чтобы у исследователей была возможность использовать их для прогноза изменений климата в любом регионе Земли. Естественно, что

региональные прогнозы при этом будут иметь первостепенное значение. Этой важной и сложной проблеме будет посвящена наша специальная статья.

«Индексы сходства», рассчитываемые на основании данных метода спорово-пыльцевого анализа, – элемент интегральный, отражающий связь растительности и климата. Приведенные в нашей работе данные свидетельствуют о том, что предлагаемый метод реконструкции климатов прошлого с использованием индексов сходства работает надежно. Количественные характеристики климата, полученные этим методом, репрезентативны; их правомерно использовать для прогноза изменения климата как на региональном, так и на глобальном уровне.

Этот принципиально новый метод реконструкции климатов прошлого с использованием индексов сходства позволил впервые выявить естественную эволюцию климата для территории полуострова Таймыр в течение $10\,500 \pm 140$ лет, получить количественные характеристики важнейших его элементов и составить достоверный прогноз изменения климата для будущих 50 лет.

¹ Fegri, K. and Iversen, J. Textbook of pollen analysis. 4 th ed. – Hafner, New York. – 1989. – P. 137.

² Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., – 1948.

³ Ukraintseva V.V. Use of the index of similarity for the assessment of fossil spore-pollen spectra. – Современные проблемы палеофлористики, палеофитогеографии и фитостратиграфии. Труды Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. 1. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 314–318.

⁴ Ukraintseva V.V., Pospelov I.N. The first data on the history and evolution of vegetation and climate in the northern part of the Anabar Plateau in the Holocene. – Современные проблемы палеофлористики, палеофитогеографии и фитостратиграфии. Труды Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. 1. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 319–324; Украинцева В.В., Поспелов И.Н. Первые данные к истории растительности и климата в северной части Анабарского нагорья в голоцене // География и природные ресурсы. – 2006. № 3. – С. 87–94; Украинцева В.В., Поспелов И.Н. Первые данные об истории и эволюции растительного покрова и климата севера Анабарского нагорья в голоцене. – Исследование природы Таймыра. Выпуск 5. Четвертичная история, климат, почвы, флора и растительность, животный мир. – Красноярск: Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, 2006. – С. 19–35.

⁵ Нейштадт М.И., Тюлина Л.Н. К истории четвертичной и послечетвертичной флоры района р. Майн, притока Анадыря // Труды Арктического института. Т. XL. Л., Изд-во Главного управления северного морского пути, 1936. – С. 259–280.

⁶ Гричук В.П. Палеоботаническое обоснование стратиграфического расчленения четвертичных отложений на территории СССР // Проблемы современной палинологии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. – С. 51–54.

⁷ Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., – 1948.

⁸ Ukraintseva V.V. Use of the index of similarity for the assessment of fossil spore-pollen spectra. // Современные проблемы палеофлористики, палеофитогеографии и фитостратиграфии. Труды Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. 1. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 314–318.

⁹ Пospelova E.B., Pospelov I.N. Флора сосудистых растений Таймыра и сопредельных территорий. Часть 1. Аннотированный список флоры и ее общий анализ. М., – 2007.

¹⁰ Ukraintseva V.V., Pospelov I.N. **The first data on the history and evolution of vegetation and climate in the northern part of the Anabar Plateau in the Holocene. – Современные проблемы палеофлористики, палеофитогеографии и фитостратиграфии.** // Труды Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. 1. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 319–324; Украинцева В.В., Пospelov И.Н. Первые данные к истории растительности и климата в северной части Анабарского нагорья в голоцене // География и природные ресурсы. – 2006. № 3. – С. 87–94.

¹¹ Матвеева Н.В. Зональность в растительном покрове Арктики. – СПб., 1998.

¹² Serreze, M.C. and Barry, R.G. **The Arctic Climate System.** – Cambridge University Press. 2005.

¹³ Ловелиус Н.В. Изменение радиального прироста *Larix gmelinii* на Ары-Масе, температуры и осадков в Хатанге. // Исследование природы Таймыра. Выпуск 1. Закономерности пространственного размещения и взаимосвязи климата, растительности, почв, животного мира. Ландшафты. Труды Государственного биосферного заповедника «Таймырский». – Красноярск: Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, 2001. – С. 85–97.

¹⁴ Там же. – С. 94.

¹⁵ Ловелиус Н.В. Метеорологические условия Хатанги и сопредельных территорий. // Таймыр. Малочисленные народы. Природные условия. Фауна.– СПб. – Хатанга, 2001. С. 69–84.

¹⁶ Serreze, M.C. and Barry, R.G. **The Arctic Climate System.** – Cambridge University Press. 2005. 385 p.

¹⁷ Solanki, S.K., Usoskin, I.G., Kromer, B., Schüssler, M. & Beer, J. Unusual activity of the Sun during recent decades to the previous 11,000 years. *Nature* 431, 1084–1087 (2004).

¹⁸ Украинцева В.В., Пospelov И.Н. Биостратиграфические свидетельства об экстремальных наводнениях в голоцене: полуостров Таймыр, Россия // **Фундаментальные проблемы квартара: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы V Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода.** Москва, 7–9 ноября 2007 г. – М.: ГЕОС, 2007. – С. 424–427.

¹⁹ Ловелиус Н.В. Метеорологические условия Хатанги и сопредельных территорий. – Таймыр. Малочисленные народы. Природные условия. Фауна. – СПб. – Хатанга, 2001. – С. 69–84.

УДК 55
ББК 26.30

Л.А. Кудерский

ЛИМНОГЕНЕЗ В ЭПОХИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОКРОВНЫХ ОЛЕДЕНЕНИЙ

Рассматривается возникновение, развитие и исчезновение озер в эпохи глобальных оледенений как в части общей озерности территорий, так и в отношении озерного типогенеза на протяжении истории преобразования поверхности Земли с целью реализации перспективных направлений разработки истории озер, то есть палеолимнологии. Этапы лимногенеза в эпохи покровных оледенений четко зафиксированы в геологической летописи и имеют определенные хронологические границы. Каждому из оледенений соответствует свой этап лимногенеза.

Ключевые слова:

лимногенез, палеолимнология, озера, ледниковый, оледенение, климат.

Озера как один из классов континентальных водных объектов замедленного стока существуют с момента появления жидкой воды на поверхности Земли, то есть не менее четырех миллиардов лет¹. В течение этого огромного периода в ходе индивидуальных лимногенезов* озера возникали, развивались и исчезали в потоке времени, оставляя свидетельства о себе на страницах геологической летописи. При этом в отдельные отрезки земной истории количество озер (точнее – озерность как мерило обилия этих природных образований) изменялось в широких пределах в тесной увязке с динамикой геологических, климатических и иных глобальных или субглобальных процессов. Не лишены оснований предположения, что в отдельные крупные эпохи истории Земли темпы появления и исчезновения

* Под лимногенезом в общем виде понимается возникновение и последовательное преобразование континентальных водных объектов замедленного стока – озер в связи с природными и антропогенными факторами.

озер оказывались существенно различными, и что могут быть выделены периоды заметного ускорения или ослабления хода лимногенеза в границах обширных пространств суши. Например, допустимо считать *a priori*, что в гумидные эпохи озерность отдельных территорий резко возрастала, в аридные, напротив, сокращалась в унисон с направленностью водообеспеченности, детерминированной климатическими преобразованиями.

Динамика темпов лимногенеза проявлялась не только как изменение общей озерности континентов или их обширных регионов, но и в виде преимущественного увеличения или сокращения озер определенного типа. Отметим, не вникая в детали что, например, в эпохи повышенной тектонической активности можно ожидать преимущественное образование озер (точнее – озерных котловин) относимых к тектоническому типу, в эпохи ослабления этой активности и пенепленизации земной поверхности – преобладающее возникновение озер иных типов. К сожалению, вопросы динамики лимногенеза как в части общей озерности территорий, так и в отношении озерного типогенеза на протяжении истории преобразования поверхности Земли остаются слабо разработанными. В итоге в таком разделе лимнологии как палеолимнология, относящемуся по самому определению к циклу естественноисторических научных дисциплин, отсутствуют достаточно четкие представления о периодизации лимногенеза, характере и темпах его протекания с момента появления озер и до современности. Настоящее сообщение ограничивается рассмотрением возникновения, развития и исчезновения озер в эпохи глобальных оледенений и его целесообразно понимать в качестве одного из шагов в реализации указанных выше перспективных направлений разработки истории озер, то есть палеолимнологии. В сообщении обращается внимание на покровные оледенения, охватывавшие временами обширные пространства одного или нескольких континентов и нередко продолжавшиеся миллионы и десятки миллионов лет. Горные оледенения и связанные с ними водные объекты не рассматриваются.

Анализ обозначенной проблемы в значительной степени облегчается благодаря тому, что позднекайнозойское покровное оледенение еще не завершилось, и это позволяет опираться на наблюдаемые современные факты и/или свежие следы недавно протекавших событий. Обширные фактические материалы, накопленные в результате длительных исследований различных аспектов этого оледенения, включая динамику ледникового покрова, формы воздействия на земную поверхность, сохранившиеся следы в виде ледниковых и водных отложений и т.п. создают твердую основу при переходе к познанию древних оледенений. Использование подобного актуалистического подхода к анализу явлений, имевших место в давние эпохи истории земной поверхности вполне приемлемо, так как позволяет объективно раскрывать различные аспекты палеолимногенеза, протекавшего в специфических геологических, климатических и гидроэкологических условиях прошлых ледниковий.

Как известно, эпохи покровных оледенений в истории Земли возникали неоднократно². Обуславливавшие их появление причины остаются

до конца не выясненными. Выдвигаемые по этому поводу гипотезы носят дискуссионный характер и не позволяют достаточно определенно объяснять время и место появления оледенений, масштабы и продолжительность их развития. Ясно лишь, что покровные оледенения не связаны напрямую с эндогенными процессами, протекающими где-то в глубинных сферах Земли. Они – производное экзогенных явлений, зарождающихся и действующих в поверхностных сферах и ближайшем космосе, включая центральное тело нашей планетной системы – Солнце. Эпохи глобальных оледенений – стрессовые ситуации в истории земной поверхности. Несмотря на неопределенность причин возникновения оледенений, они отражаются в геологической летописи, что позволяет с достаточной убедительностью устанавливать их наличие и реконструировать время, продолжительность и масштабы появления, а также описывать обусловленные ими и сопутствующее им геологические, геоморфологические и иные последствия. Для рассматриваемой в настоящей статье проблемы важно, что с покровными оледенениями тесно связаны особые формы лимногенеза и специфические типы озер, подобных которым не было во внеледниковые эпохи.

Отражение в существующих классификациях озер водных объектов, связанных с покровными оледенениями.

Озеро – водный объект, представляющий собою единство двух составляющих: водного тела и вмещающей его котловины. Классификации озер создаются по каждой из этих составляющих. По особенностям водного тела и протекающих в нем процессов выделяются озера пресные, соленые, заморные, олиго-, мезо- и дистрофные, проточные, сточные и бессточные и т.п. Ряд типов озер устанавливается на основании учета особенностей котловин и их генезиса. Классификации подобного рода разработаны подробно и приводятся в различных руководствах по лимнологии³. Для раскрытия существа проблемы, которой посвящена настоящая статья, целесообразно ограничиться классификациями, созданными на основе анализа особенностей генезиса котловин. К сожалению, в существующих классификациях подобного рода учитываются лишь современные озера. Палеозера не находят в них отражения.

Озера в той или иной степени генетически связанные с покровными оледенениями в существующих классификациях объединяются в тип ледниковых. Не останавливаясь на детальном анализе, ограничимся в качестве иллюстрации кратким рассмотрением некоторых из представленных в литературе классификационных схем озер этого типа. По Д.Д. Квасову⁴, сюда относятся котловины а) созданные ледниковым выпахиванием, б) представляющие остатки приледниковых озер, в) подпертые плейстоценовыми «аллювиальными плотинами». По схеме Б.Б. Богословского⁵ к ледниковым относятся озера а) эрозионные, котловины которых углуб-

лены ледником и б) аккумулятивные, появившиеся среди моренных образований. Аналогичный подход отражен и в детальной классификации Г. Хатчинсона. Как следует из приведенных ссылок, упомянутыми авторами рассматриваются генетические типы озерных котловин, возникшие как следствие деятельности ледника. Такой же подход выражен и в публикациях О.Ф. Якушко и В.А. Калечиц⁶, А.А. Асеева⁷, В.К. Лесненко⁸, Г. С.Биске и А. Д. Лукашева⁹ и др. В первой из этих работ выделяются подпрудные, ложбинные, термокарстовые, экзарационные, смешанного типа, а во второй озера субаэральные ложбин стока ледниковых вод, субгляциальных водно-эрозионных рытвин, экзарационных котловин, подпрудные, ледниково-просадочные. В статье В.К. Лесненко¹⁰ предлагаются такие типы, как ледниково-тектонические озера, озера зандровых равнин, моренных возвышенностей, подледниковых ложбин, а также остаточные, эрозионно-ледниковые, карстовые. Наконец в работе Г.С. Биске и А.Д. Лукашева¹¹ ледниковые котловины подразделяются на аккумулятивные и экзарационные, причем первые в свою очередь объединяются в группы аккумулятивных сложных, аккумулятивных простых, остаточных и подпрудных. Среди экзарационных котловин выделяются образовавшиеся в результате экзарации кристаллических пород фундамента и при выпахивании продуктов выветривания и рыхлых четвертичных осадков.

Ограничившись этим кратким обзором, отметим, что, несмотря на некоторые общие признаки, приведенные классификации различаются как в деталях, так и в принципиальных подходах к выделению озерных типов. Не касаясь существа имеющихся сходств и отличий, их обоснованности отметим следующую характерную для всех них черту: озера рассматриваются как следствие прошедших оледенений. Таким образом, в этих классификациях фактически рассматриваются не ледниковые озера, как можно было бы понять из смыслового содержания использованного термина, а озера, котловины которых расположены на территориях ранее покрывавшимися оледенениями и возникли при участии бывших ледников и связанных с ними водных потоков. То есть то, что в имеющихся классификациях обозначается термином «ледниковые озера» на самом деле есть водные объекты постледниковых территорий, а не озера, существовавшие непосредственно в периоды ледниковий в тесной связи с толщами покровных льдов и климатическими условиями того времени.

В связи с этим есть необходимость отдельно выделить и охарактеризовать озера, появившиеся и развивавшиеся в ледниковые эпохи. Не считая возможным осветить в настоящей статье этот вопрос в полном объеме, ограничимся характеристикой общих контуров проблемы и рассмотрим некоторый набор типов озер, которые были (учитывая материалы по позднекайнозойскому оледенению) или могли быть (исходя из данных геологической летописи) в эпохи проявления прошлых покровных оледенений. В отличие от рассмотренных выше классификаций, использующих термин «ледниковые озера», озера, приуроченные к эпохам покровных оледенений целесообразно обозначать по иному, например, «ледяные озера».

Ледяные озера и следы их существования.

Лимногенез в ледниковые эпохи (далее для краткости – ледниковый лимногенез) характеризовался появлением специфических типов озер, не свойственных, например, эпохам рифтогенеза, орогенеза и других природных явлениях, сопровождавшихся крупномасштабным возникновением рассматриваемых водных объектов замедленного стока. Кроме того, озера, связанные с покровными оледенениями, существовали лишь в течение ледниковых эпох и исчезали в короткое время вслед за дегляциацией территорий. Ледниковый лимногенез неизбежно сопровождал покровные оледенения, начиная с наиболее древнего, приходившегося на верхний архей. В этой связи ледяные озера могут считаться одними из древнейших охарактеризованных типов озер, так как иные типы водных объектов замедленного водообмена, возникшие в тот период времени, пока достаточно четко не описаны, хотя, безусловно, уже существовали.

Ледяные озера – водные объекты замедленного стока, существовавшие в структуре ледниковых покровов непосредственно или в тесной связи с ними. Этот тип озер в целом освещен в литературе слабо. В частности, недостаточно разработана их классификация. Одна из них приведена в статье А. Басаликаса¹². Указанный автор выделяет три группы озер, связанных с ледниковым покровом: внутриледниковые, приледниковые и околледниковые. Внутриледниковые были представлены водоемами окруженными крутыми ледяными берегами, приледниковые имели один берег примыкающий к леднику и остальные наземные и околководные были со всех сторон окружены наземными берегами. В книге И.Я. Даниланса¹³, посвященной анализу четвертичных отложений Латвии, выделяются три группы ледяных озер или (по его терминологии) ледникововодных образований: 1) внутриледниковые, 2) переходные от внутриледниковых к приледниковым и 3) приледниковые и надледниковые.

Не останавливаясь в настоящей работе на рассмотрении приведенных классификаций, мы на основании анализа имеющихся материалов по этому вопросу считаем, что существовавшие во время покровных оледенений ледяные озера по их связям с ледниковыми щитами и месту расположения могут быть подразделены на следующие основные группы:

- подледниковые и внутриледниковые, обычно свойственные для «мертвого» льда и наиболее выраженные на завершающих этапах оледенений;
- надледниковые, приуроченные также к завершающим этапам оледенений и появившиеся на поверхности ледникового покрова;
- приледниковые, образовывавшиеся у внешней кромки ледникового щита, игравшего роль плотины, препятствовавшей стоку талых вод по уклону рельефа местности;
- возникавшие на незанятых льдом участках вдали от внешнего края ледникового покрова, но в своем генезисе связанные с общими процессами оледенения и последующей дегляциации территорий.

Теоретически возможно выделение еще одной группы озер ледниковых эпох. Как установлено, для формирования протяженных ледниковых покровов большой мощности необходимы не только соответствующие температурные условия, но и наличие достаточных количеств влаги. Считается, что в ряде случаев на обширных территориях, испытывающих дефицит влаги при низких температурах, возникают не ледниковые щиты, а мощные подземные криозоны – «вечная мерзлота». При сезонных и межгодовых климатических колебаниях в подобных районах возможно образование термокарстовых озер. Они непосредственно не связаны с ледниковыми покровами, но являются следствием тех же общих причин, которые в других регионах в это же время приводят к появлению покровных ледников.

Перечисленные выше группы ледяных озер в настоящее время отсутствуют*. Они воссоздаются на основании изучения следов озер представленных геологическими материалами, если последние доступны для наблюдений и пригодны для соответствующих дешифровок. В связи с этим получаемые характеристики палеозер носят отчасти гипотетический оттенок, причем степень гипотетичности тем выше, чем древнее анализируемая ледниковая эпоха. Наиболее достоверны реконструкции палеозер, связанных с позднекайнозойским оледенением.

Следы озер первой группы (внутриледниковых) чаще представлены камами – беспорядочно расположенными холмами с крутыми склонами и нередко плоскими вершинами. Форма камов преимущественно округлая, но встречаются и образования со сложными очертаниями. Часто камы группируются в виде обширных комплексов, образующих своеобразный камовый ландшафт. Слагаются камы сортированными песками, супесями, глинами, гравием. Для них обычно отмечается (горизонтальная и диагональная) слоистость, нередко типа ленточной (озерной). Известны камы с ядром из ленточных глин. Наблюдаются случаи деформации слоистости, обусловленной имевшими место подвижками ледниковых масс. Часто камы перекрываются моренным чехлом образованным валунными суглинками и супесями. Среди камов по характеру слагающих их отложений некоторые авторы выделяют такие типы, как флювиокамы, лимнокамы и камы смешанного строения¹⁵. Однако подобное деление недостаточно корректно, так как обломочный материал (галька, пески, глины) во всех случаях поступает в озерную ванну с водными потоками и отлагается в условиях внутриледниковой полости с ослабленной динамикой водных масс.

На основании анализа особенностей формы камов, слагающего их обломочного материала, горизонтальной или слабой косослоистости отложений и их сортированности считается, что эти элементы рельефа образова-

* Обнаруженное в Антарктиде под ледяным щитом мощностью 3750–4260 м озеро Восток¹⁴ здесь не рассматривается. Оно относится к уникальным водным объектам и заслуживает выделения в особый тип. Подробная характеристика этого озера может быть дана после завершения работ по бурению разведочной скважины в ледяной толще и получения прямых данных о его водной массе, донных отложениях и обитающих в нем живых организмах.

лись в подледниковых и/или внутриледниковых озерах, возникавших в обширных полях «мертвого» льда, отделявшихся от источника питания на завершающихся этапах дегляциации территорий. Такие озера появлялись в трещинах и иных пустотах неподвижных ледовых массивов и ограничивались ледяными берегами и иногда ледяными сводами. В них отлагался в сортированном виде обломочный материал, приносимый потоками талых вод. После исчезновения льда, сформировавшиеся из гальки, песка, глины призмы опускались на подошву бывшего ледника и принимали характерные формы камов. Индивидуальные размеры камов ограничены: высота составляет до 50–80 м, ширина подошвы до 0,5–1,0 км. Из приведенных данных следует вывод, что озера, в которых образовывались будущие камы, имели небольшие размеры. Продолжительность их существования была невелика и, по-видимому, ограничивалась десятками или первыми сотнями лет.

Камы и камовые комплексы широко представлены в зоне последнего оледенения в Ленинградской области, Карелии, Прибалтике, где служат объектом детальных исследований¹⁶. Известны они в Центральной Европе, Северной Америке. Актуальной остается задача описания следов камовых ландшафтов для более древних ледниковых эпох.

Следы озер второй группы (надледниковых, иногда обозначаемых как наледниковые¹⁷) известны как плато, платообразные возвышенности, конечноморенные плато, звонцы¹⁸. В отличие от камов, длина и ширина звонцов значительные, но мощность отложений составляет первые метры и редко превышает 10–15 м. Как отмечали Н.И. Апухтин¹⁹ и Е.В. Рухина²⁰, эти формы рельефа представлены плоскими плато, залегают обычно на морене в наиболее повышенных участках распространения, сложены хорошо сортированным материалом: глинами, мелкозернистыми песками. Принимая во внимание особенности звонцов, считается, что образующие их отложения формировались в обширных мелководных озерах, располагавшихся на ледниковом покрове и ограниченных ледовыми берегами при отсутствии ледяного свода. В связи с этим в такие озера поступало незначительное количество тонкого обломочного материала. При исчезновении льда образовавшиеся в озерах отложения, во-первых, оказывались на более высоких отметках по сравнению с другим ледниковым материалом и, во-вторых, в виде плаща перекрывали морены. В этой связи вполне естественно расположение звонцов в сочетаниях с камнями, озами и другими озерно- и флювиогляциальными образованиями.

Изученность надледниковых озер недостаточная. Продолжительность их существования ограничена, и в этом отношении они уступали ледниковым озерам первой группы.

К третьей группе озер эпох покровных оледенений относятся те из них, которые образовывались и размещались у внешнего края ледниковых щитов. Общепринятое название водоемов такого типа – приледниковые озера. Из всех групп озер ледниковых эпох приледниковые относятся к наиболее изученным. Эти водные объекты занимали понижения рельефа местности, причем кромка льда играла роль плотины, препятс-

творававшей стоку талых вод в соответствии с естественным уклоном территории. Сток происходил из участков озера, удаленных от края ледника. Приледниковые озера возникали далеко не всегда. Необходимым условием для их появления и существования оказывалось наличие водораздела на некотором расстоянии от внешнего края ледникового покрова. Если ледяной щит переваливал через водораздел, то озера не могли появиться. Ледник выполнял роль одного из берегов и водное тело озера оказывалось расположенным между ледяным, с одной стороны, и сухопутными берегами, с других. Это были мигрирующие водные объекты. При наступании ледника приледниковые озера перемещались перед его фронтом, заливая все новые участки суши. При отступании ледяного покрова такие озера мигрировали вслед за ним. В связи с особенностями динамики границ приледниковых озер их наземные берега могли размещаться далеко за пределами ледяных массивов. Поэтому характер отложений, маркирующих исчезнувшие приледниковые озера на разных их участках, может различаться, что учитывается при реконструкциях этих водных объектов.

Приледниковые озера нередко имели значительные глубины, зависевшие от величины подпора, создававшегося ледниковым щитом и отметками водораздела, определявшими высоту порога стока водных масс. При образовании приледниковых озер на пространствах с плавным рельефом территории участки с максимальными глубинами могли размещаться в районах примыкавшим к ледниковому краю. В этом же направлении ориентировался общий уклон дна. В тех случаях, когда подобные водоемы покрывали крупные тектонические депрессии, места с наибольшими глубинами могли оказываться вдали от кромки льда. Учет глубин и особенностей их размещения имеет существенное значение для понимания формирования донных отложений, анализ которых обеспечивает опознание палеозер.

Продолжительность существования приледниковых озер соизмерима с длительностью отдельных оледенений. Так в период валдайского оледенения возможная продолжительность существования связанных с ним водных объектов этого типа (с учетом непрерывного изменения месторасположения и формы в связи с динамикой ледникового покрова в пространстве) не могла превышать 70–65 тыс. лет или 120–105 тыс. лет в зависимости от принимаемого времени начала оледенения²¹.

В период последнего (валдайского) оледенения приледниковые озера были неотъемлемым элементом перигляциальной зоны, сопутствуя ледниковому покрову и при его экспансии и при последующем отступании и разрушении. Они занимали значительные пространства в бассейнах Балтийского, Белого и Баренцева морей, в Сибири и Северной Америке²². Акватории некоторых из них были обширными и превышали размеры таких современных озер, как Ладожское, Онежское, Великие Североамериканские и др. Несмотря на большое внимание, уделявшееся изучению приледниковых озер, масштабы их развития на севере Европы в период развития валдайского оледенения определяются неоднозначно. В отечест-

венной литературе максималистские взгляды по этому вопросу отражены в работах М.Г. Гросвальда²³. Примером противоположного подхода может служить атлас-монография «Палеография...»²⁴.

Приледниковые озера после спуска повсеместно оставили обширные пространства покрытые пескам, супесями, суглинками нередко с присутствием валунного материала, оказывавшегося благодаря размыву затопленных морен или разносу льдами (айсбергами). Озерно-ледниковые отложения такого рода широко освещены в геологической литературе²⁵. Характерными для приледниковых озер служат ленточные отложения, включая ленточные глины. Они описаны для многих не только крупных, но и ограниченных по размерам водоемов Ленинградской области, Прибалтики, Швеции и др.²⁶. Эти глины обычно лишены органических остатков, так как формировались при минимальном продукционном потенциале озер из-за питания их ледниковыми водами, почти лишенными необходимых для существования биоты биогенных элементов. Для приледниковых озер были характерны не только большие размеры, глубины и низкая биологическая продуктивность, но и изменчивость седиментогенеза во времени и пространстве в связи с различной удаленностью отдельных участков от ледника, непостоянства направлений стока воды, высокой изменчивости границ из-за относительно быстрого перемещения края ледникового покрова и т.д.

После исчезновения приледниковых озер на их месте оставались: 1) обширные пространства, лишенные озер; 2) территории, насыщенные большим количеством котловин, занятых в настоящее время средними и малыми озерами; 3) различные по площади мелководные и глубоководные котловины, в которых образовались крупные и крупнейшие озера (Ильмень, Белое, Воже, Лача, Ладожское, Онежское, Псковско-Чудское, Выртсъярв и др.). Появлявшийся озерный фонд не оставался стабильным. Трофический уровень многих озер постоянно изменялся, а их количество сокращалось. Высокие темпы трансформации таких озер отмечаются в Белоруссии, Прибалтике, Карелии и т.д.

Современные озера (особенно глубокие и обширные), возникавшие на территориях, освобождавшихся от приледниковых водоемов, нередко обозначают как реликтовые. Но этот термин в данном случае не совсем удачен. Он не соответствует существу явления хотя бы потому, что водное питание современных озер происходит не за счет ледников (исчезнувших), а по обычной схеме круговорота воды: испарение – осадки – сток – испарение. В какой-то мере этот термин может прилагаться не к озеру в целом, а к котловинам, но и то лишь отчасти, так как генезис котловин связан не с приледниковыми водоемами, а с такими явлениями как тектоника, проседание грунтов, подпор мореной, эродирование котловин двигавшимися массами льда или водными потоками и т.п. Поэтому такие озера целесообразно обозначать иным термином, например, озера постледниковых территорий.

К четвертой группе водоемов ледниковых эпох относятся озера, возникшие на перигляциальных территориях вне непосредственной связи с

ледниковым покровом и водными потоками, образовывавшимися при его таянии. Общее, что их может связывать с озерами предыдущих трех типов – климатический фактор. В отличие от остальных групп, практически не имеющих параллелей среди существующих озер, для четвертой аналогами могут служить некоторые типы современных озер арктической зоны. Озера четвертой группы отличаются от предыдущих рядом характерных черт и нуждаются в специальном анализе за рамками настоящей статьи.

Приведенные характеристики следов ледяных озер основаны на данных, полученных в результате изучения позднекайнозойского оледенения. Остается актуальной задача их идентификации с аналогичными следами более древних ледниковий.

Рассмотренные выше внутри-, над- и приледниковые озера составляют достаточно хорошо очерченные группы водных объектов эпох покровных оледенений. Но в целом проблема типологии водоемов подобных геологических периодов требует дальнейшей углубленной разработки. В частности, заслуживают всестороннего анализа под принятым в статье углом зрения детали генезиса, состава и структуры следов ледниковых озер позднекайнозойских оледенений, знание которых необходимо для предметного понимания процессов лимногенеза, протекавших в течение более древних этапов истории развития земной коры.

Глобальная последовательность ледникового лимногенеза.

В заключение кратко остановимся на следующей проблеме. В связи с тесной зависимостью появления специфических ледяных озер с покровными оледенениями, более того – обусловленностью первого явления вторым возникает вопрос о существовании глобальной периодичности ледникового лимногенеза. Постановка такого вопроса вполне обоснована, так как неоднократность возникновения покровных оледенений – твердо установленный факт. Начиная с верхнего архея (около 2,9 млрд лет назад) достаточно уверенно выделяется около 10 таких эпизодов длительных по времени и охватывавших ряд континентов²⁷. Причем, если первые два оледенения, приуроченные к верхнему архею и низам нижнего протерозоя, отстоят от последующих примерно на 1,3–2,0 млрд лет, то последующие, начиная с раннего позднепермского (850–900 млн лет назад), повторяются (не принимая во внимание сомнительные следы ледников, обнаруживаемые в конце юры-начале мела) с периодичностью 140–160 млн лет. Так как каждому из оледенений соответствует свой этап лимногенеза, то указанная повторяемость оказывается характерной и для периодичности образования ледяных озер. Поэтому есть все основания считать, что связанные с покровными оледенениями на протяжении истории земной коры ледяные озера возникали не хаотично, а неоднократно в соответствии с определенными закономерностями, которым следовал процесс развития покровных оледенений. Вне этих рамок подобный тип озер не появлялся. Этот вывод

вполне естественен. Таким образом, этапы лимногенеза в эпохи покровных оледенений четко зафиксированы в геологической летописи и имеют определенные хронологические границы (с учетом их, обычно, приблизительного характера). Для других типов озер и форм лимногенеза подобные закономерности развития во времени пока не установлены.

¹ Кудерский Л.А. Развитие озерных геосистем от докембрия до современности // Проблемы биохронологии, палеонтологии и геологии; тезисы докладов XLVIII сессии Палеонтологического общества. – Санкт-Петербург: ВСЕГЕИ. – 2002. – С. 78–79; Румянцев В.А., Кудерский Л.А. Озера архея – белые страницы палеогеографии // Новые географические знания и направления исследований. – Киев, Институт географии НАН Украины – 2006. – С. 302–306.

² Изменения климата. – Ленинград, 1980; Клиге Р.К., Данилов И.Д., Конищев В.Н. История гидросферы. – Москва, 1998; Марков К.К. Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области // Труды Главного геологоразведочного управления ВСНХ СССР. – Москва, 1931.

³ Богословский Б.Б. Озероведение. – Ленинград, 1960; Квасов Д.Д. Происхождение котловин современных озер и их классификация // Общие закономерности возникновения и развития озер. Методы изучения истории озер. – Ленинград, 1986. – С. 20–27; Hutchinson G.E. *A Treatise on Limnology. I. Geography, Physics, and Chemistry.* – New York, John Wiley Sons, Ltd., 1957; Wetzel R.G. *Limnology.* – Saunders College Publishing, 1983.

⁴ Квасов Д.Д. Происхождение котловин современных озер и их классификация // Общие закономерности возникновения и развития озер. Методы изучения истории озер. – Ленинград, 1986. – С. 20–27.

⁵ Богословский Б.Б. Озероведение. – Ленинград, 1960.

⁶ Якушко О.Ф., Калечиц В.А. Генетические типы ледниковых озерных котловин Белорусского поозерья // Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада. – Ленинград: Лаборатория озероведения ЛГУ. – 1965. – С. 162–164.

⁷ Асеев А.А. Генетическая классификация ледниковых озер равнин // История озер Северо-Запада. Материалы I симпозиума по истории озер Северо-Запада СССР. – Ленинград: ГО СССР. – 1967. – С. 249–257.

⁸ Лесненко В.К. Эволюция озер Псковской области // История озер Северо-Запада. Материалы I симпозиума по истории озер Северо-Запада СССР. – Ленинград: ГО СССР, 1967. – С. 318–321.

⁹ Биске Г.С., Лукашов А.Д. Генетическая классификация озерных котловин Карелии // История озер. Труды Всесоюзного симпозиума по основным проблемам пресноводных озер. – Вильнюс: АН Литовской ССР. – 1970. – Том 2. – С. 258–274.

¹⁰ Лесненко В.К. Эволюция озер Псковской области // История озер Северо-Запада. Материалы I симпозиума по истории озер Северо-Запада СССР. – Ленинград: ГО СССР, 1967. – С. 318–321.

¹¹ Биске Г.С., Лукашов А.Д. Генетическая классификация озерных котловин Карелии // История озер. Труды Всесоюзного симпозиума по основным проблемам пресноводных озер. – Вильнюс: АН Литовской ССР, 1970. – Том 2. – С. 258–274.

¹² Басаликас А. Проблемы изучения позднеледниковых озерных водоемов // История озер. Труды Всесоюзного симпозиума по основным проблемам пресноводных озер. – Вильнюс: АН Литовской ССР, 1970. – Том 2. – С. 158–178.

¹³ Даниланс И.Я. Четвертичные отложения Латвии. – Рига, 1973.

¹⁴ Саватюгин Л.М., Веркулич С.Р., Масолов В.Н. и др. Подледниковое озеро Восток (Антарктида): основные результаты геофизических, гляциологических и микробиологических исследований последних лет // Арктика и Антарктика. – Москва: Наука, 2003. – Вып. 2(36). – С. 63–75.

¹⁵ Рухина Е.В. Характеристика ледниково-озерных отложений, слагающих звонцы // Позднекайнозойская история озер в СССР. – Новосибирск: СО Наука, 1982. – С. 124–128.

¹⁶ Яковлев С.А. Наносы и рельеф гор Ленинграда и его окрестностей. – Ленинград: Научно-мелиоративный институт. – 1926. – Ч. 1 и 2; Марков К.К. Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области // Труды Главного геологоразведочного управления

ВСНХ СССР. – Москва. – 1931. – Вып. 117; Апухтин Н.И. Геоморфологический очерк центральной части Западной Карелии // Известия Карело-финского филиала АН СССР. – 1953. – № 4. – С. 57–84; Биске Г.С. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. – Петрозаводск, 1959; Даниланс И.Я. Четвертичные отложения Латвии. – Рига, 1973 и др.

¹⁷ Бондарик Г.К., Горальчук М.И., Иерусалимская Е.Н. Пространственная изменчивость ледниковых отложений. – Москва, 1985.

¹⁸ Марков К.К. Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области // Труды Главного геологоразведочного управления ВСНХ СССР. – Москва, 1931. – Вып. 117; Апухтин Н.И. Геоморфологический очерк центральной части Западной Карелии // Известия Карело-финского филиала АН СССР. – 1953. – № 4. – С. 57–84; Малаховский Д.Б., Вигдорчик М.Е. Некоторые формы ледникового аккумулятивного рельефа на северо-западе Русской равнины // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. – 1963. – Т. 21. – С. 47–54; Рухина Е.В. Литология озерноледниковых отложений, слагающих звонцы // История озер. Труды Всесоюзного симпозиума по основным проблемам пресноводных озер. – Вильнюс: АН Литовской ССР, 1970. – Т. 2. – С. 536–543; Рухина Е.В. Характеристика ледниково-озерных отложений, слагающих звонцы // Позднекайнозойская история озер в СССР. – Новосибирск: СО Наука, 1982. – С. 124–128.

¹⁹ Апухтин Н.И. Геоморфологический очерк центральной части Западной Карелии // Известия Карело-финского филиала АН СССР. – 1953. – № 4. – С. 57–84.

²⁰ Рухина Е.В. Литология озерноледниковых отложений, слагающих звонцы // История озер. Труды Всесоюзного симпозиума по основным проблемам пресноводных озер. – Вильнюс: АН Литовской ССР, 1970. – Том 2. – С. 536–543.

²¹ Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. – Ленинград, 1975.

²² История озер Северо-Запада. Материалы I симпозиума по истории озер Северо-Запада СССР. – Ленинград, 1967; Четвертичный период в США. – Москва, 1968. – Т. 1; Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. – Ленинград, 1975; Палеогеография Европы за последние 100 тыс. лет. Атлас-монография. – Москва, 1982; Природные условия США в позднечетвертичное время. Поздний плейстоцен. – Ленинград, 1986; Гросвальд М.Г., Котляков В.М. Великая приледниковая система стока Северной Евразии и ее значение для межрегиональных корреляций // Четвертичный период, палеогеография и литология. – Кишинев, 1989. – С. 5–13; Гросвальд М.Г. Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики. Опыт геоморфологического анализа палеогидрологических систем материка. – Москва, 1999; Mangerud J., Astakhov V.I., Murray A., Svendsen J.I. The chronology of a large-dammed lake and the Barents-Kara Ice Sheet advances, Northern Russia // Global and Planetary Change. – 2001. – V. 31, N 1–4. – P. 321–336; Siegert M.J. Ice Sheets and Late Quaternary Environmental Change. – Chichester, John Wiley Sons, Ltd., 2001.

²³ Гросвальд М.Г. Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики. Опыт геоморфологического анализа палеогидрологических систем материка. – Москва, 1999.

²⁴ Палеогеография Европы за последние 100 тыс. лет. Атлас-монография. – Москва, 1982.

²⁵ История озер Северо-Запада. Материалы I симпозиума по истории озер Северо-Запада СССР. – Ленинград, 1967; История плейстоценовых озер Восточно-Европейской равнины. – Санкт-Петербург, 1998 и др.

²⁶ DeGeer G. Geochronologia Suecica Principes. – Stockholm. – Kungl. Svenska Vetenskapsakademiens Handlingar. – 1940. – Tredje Serien. B. 18, N 6. – 367 p. + Atlas; Марков К.К. Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области // Труды Главного геологоразведочного управления ВСНХ СССР. – М., 1931. – Вып. 117; Биске Г.С. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. – Петрозаводск, 1959; Семенович Н.И. Донные отложения Ладожского озера. – Москва-Ленинград, 1966; Даниланс И.Я. Четвертичные отложения Латвии. – Рига, 1973; Курочкина А.А. Литология и хемотратиграфия донных отложений Онежского озера // Палеолитология Онежского озера по колонкам донных отложений. – Ленинград: ЛО Наука. – 1976. – С. 74–129; Раукас А.В., Ряхни Э.Э. Донные отложения и геологическое развитие Псковско-Чудского озера // Позднекайнозойская история озер в СССР. – Новосибирск: СО Наука. – 1982. – С. 117–123.

²⁷ Ясаманов Н.А. Древние климаты Земли. – Ленинград, 1985; Чумаков Н.М. Ледниковый и безледниковый климат в докембрии // Климат в эпохи крупных биосферных перестроек. – М.: Наука, 2004. – С. 259–270.

К.Г. Исупов

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Комическое

1) Экзистенциал; 2) качество жизненной ситуации; 3) эстетическая категория, фиксирующая ложную значительность и мнимую серьезность в аспекте небезопасного осмеяния и путем вовлечения в операции разъятия и деформации (гротеск), профанации и фамильяризации (карнавал, эксцентрика, скоморошество, клоунада), в формах «смеховой культуры» (М. Бахтин); 4) эмотивная предпосылка смешного и забавного, юмора и остроумия, отчасти – иронии и сатиры. Генезис К. уходит в опыт дорефлективной реакции на простейшую наличность привечающего бытия (младенцу смешно, что мир существует). Смех (наряду с речью и творческим умением) – исключительно человеческая прерогатива и человеческий принцип защитной девальвации страшного и ужасного. В отличие от трагического, К. не субстанционально и не первородно, оно паразитирует на готовых феноменах, выявляя возможности их трансформации или палингенезиса, подтверждая утраченную смысловую актуальность, моменты самопародии или наивной старомодности, усиливая снижение накопившейся в них героичности и даже жертвенности, ускоряя их феноменное старение и семантическую убыль. Возможно, антропогенез смеха и комизма связан с состояниями экзистенциальной истерии архаического человека и древнейшими сублимациями ужаса (позитивная калька испуга – ср. «нервный смех»; реакция на внезапный «казус»). Архаический гротеск (палеолитические «Венеры», жутковатые монстры–тотемы, славянское «Идолище») не только структурно, но и «идеологически» изоморфны авторскому гротескному образу. «Капричос», Ф. Гойи (1797–1798) в той же мере сохраняет магию заклятия злой стихии, в какой «Нос» (1836) Гоголя простодушно раскрыт в своих фаллических коннотациях, хотя идея повести совсем иная: ничтожен мир, в котором часть меня самого больше моего «я»; объективно-страшное выводит-

* Продолжение. Начало в №№ 1'06, 1–4'07, 1–2'08.

ся за рамки реального в область условно-зрелищного. К. инсценирует жизнь по ту сторону здравого смысла, вовлекает ее в игру по альтернативе внутренних содержаний, размягчению и распылению догматически отверженной угрюмой серьезности. К. есть эстетическая игра в перевертыши ценностных иерархий и легализация обратимой логики вывернутого наизнанку мира. Праздничный смех на площади имитирует ритмику вечного календарного возврата в рай всеобщего благоденствия, разыгрывает мечту «о жизни преизбыточествующей», – по названию книги Н.С. Арсеньева (Брюссель, 1966); см. полотно Е. Честнякова «Город всеобщего благоденствия»; этой живописной крестьянской утопии отвечает литературная (напр., А. Чайнова, автор которой в интерьер обитания героя автор благо-разумно поместил вещь классика гротеска – П. Брейгеля Старшего («Му-жицкого»). Смех ренессансных гуманистов за пирушкой инициирует уче-ное остроумие и не самоцелен, как не самоцельны эскапады протопопа Аввакума. «Смех сквозь невидимые миру слезы» Гоголя (как и улыбка «сквозь слезы» Ж.-П. Рихтера); смех Щедрина (сардоническая усмешка, сар-казм и откровенная издевка, маскирующие мучительный стыд за «одича-лую совесть» сограждан); смех Чехова (знаменующий глубокую меланхолию поздней осени Золотого века русской классики, самоиронию, разочарова-ние в человеке); смех Д. Хармса и его коллег–обериутов (самообличение органического абсурда повседневности); смех булгаковского Воланда (леги-тимный сатанизм как форма диагноза больного порчей бытия), – эта нисхо-дящая кривая комического мироотношения незаметно переходит в шаг возрастания типов трагического, образуя общую синусоиду в смысловом пространстве «серьезно–смехового». Догадки об органичности такого рода переходов высказаны Зольгером, Шопенгауэром, Кьеркегором, Ф.Т. Фише-ром, Банзеном, а в России – Достоевским (юродивый как «основной герой» его прозы; ср. множество шутов, гаеров, «самосочиненцев», заигравшихся мечтателей и светских <Опискин, капитан Лебядкин> и скитских <о. Фе-рапонт> скоморохов–юродов), авторами «Сатирикона» <СПб., 1908–1914 <«Новый Сатирикон», 1913–1918>; Париж, 1931>, А. Ремизовым, с его «Обез-велвольпалом», С. Черным, М. Зощенко («О комическом в произведениях Чехова», 1944). Точек перехода от ритуального хохота карнавала к циниче-ской профанации исторических святынь, от добродушной иронии к сата-нинскому имморализму, от космического бесчеловечного «смеха богов» к сардонической ухмылке Макиавелли, от визгов кликуши к юродству как типу святости или трагической клоунады не ведает популярная концеп-ция смеховой культуры М. Бахтина (что не отменяет ее фундаментальной мировой культурфилософской актуальности, подтвержденной как прямым влиянием на литературу (У. Эко), так и впечатляющим количеством иссле-дований бахтинистов). В предпринятой Бахтиным реабилитации смеха и его комической образности, в которой мертвым формам жизни и идеоло-гий уготована «веселая могила», не оказалось места оценке некротической функции смеха как орудия мирового Зла в руках «Божьей Обезьяны» – Са-таны; подобным образом Ш. Бодлер был уверен в том, что сатанизм смеха

доказывает его человечность («О природе смеха...» <в составе книги «Эстетические достопримечательности», 1889>). На убеждение Бахтина о похоронно–возрождающей энергии смеха и комизма можно возразить репликой из «Уединенного», 1912 В. Розанова: «Смех не может ничего убить. Смех может только *придавить*» (Розанов В. Опавшие листья. М., 1992. С. 49 <курсив автора>; ср.: С. 371; ср. «Смех (не улыбка) духовно обессиливает человека» <Ельчанинов А. Записи. Париж, 1990. – С. 76>). Изучение национальных форм К. открывает новые аспекты национальных форм эстетического мировидения. Островному катастрофизму японцев отвечает улыбка умиления перед слабым, хрупким, милым, нежным и грациозным; анемичен пуритански сдержанный «английский юмор» в быту, но в литературе он демонстрирует свои главные качества – джентльменскую уместность, этическую зоркость и незлобивость; обывовлено и повито привязанностью к мелочам родного уюта самоцельное острословие французов; по–бюргерски тяжеловесен сытый смех немцев, хотя именно в немецкой традиции создана самая тонкая философия К., иронии и смеха. С другой стороны, Дальний Восток знает не только особую дипломатию общения на основе К. с характерной для нее «ужимкой Китая» (В. Хлебников. «Зверинец», 1909, 1911), детской непосредственности в поведении дзэнских монахов, а также органическим лицемерием бытового поведения японцев, но и комическую пытку всерьез («человек-кувшин»). Стенограмма доклада Сталина, в котором разъянялся смысл новой Конституции (1936), пестрит пометами «смех в зале»; большинство веселых слушателей генсека вскоре будут уничтожены, – и тоже не без приемов дьявольского юмора «отца народов». Отечественная комика в литературе глубоко inferнальна и окрашена эмоцией надрыва (от юродивых–шутов Достоевского до сомнамбул утопий–антиутопий А. Платонова и «чудиков» В. Шукшина). На бытовом уровне поведение русских писателей и мыслителей отмечено трагедийно–апофатическим комизмом: Чаадаев создал из слуги своего двойника; Пушкин в Михайловском разыгрывал наяву французские романы; Гоголь упорно работает над мифом о своей личности; А. Хомяков днем развлекал друзей веселыми розыгрышами, а ночь проводил в слезной молитве; Гаршин роздал деньги случайным людям и разъезжал на лошади по Тульской губернии, проповедуя толстовство; Толстой явил грустное зрелище – юродивый за плугом; высокий отрывистый («inferнальный») смех В. Соловьева навсегда запомнился современникам, как позже – мистериальная атмосфера на Башне «ловца душ» – Вяч. Иванова; клоунады футуристов; обширный опыт «черного юмора» – вплоть до современных детских «страшилок», придуманных взрослыми (их положительным дериватом стали «Вредные советы» <1990-е гг.> Г. Остера). Органичным для русской культуры оказался тип умного дурака, пересмешника и скомороха (ср. дервиш, суфий, парадоксалист конфуцианского толка), который из фольклорного персонажа превратился в героя философских трактатов и совпал с типом ученого невежды и «простеца»; эта сократическая манера общения, закрепленная образом «простака» Николая Кузанского, прижилась на русской почве –

от Г. Сковороды до Н. Фёдорова. В экзистенциалистской традиции тема мирового комизма переплетена с трагическими мотивами изначально-абсурда Божьих искушений человека (Кьеркегор; Достоевский), фарсовой «подпольной» гносеологии (Л. Шестов) и насмешливого Космоса. Опровержением распространенного мнения об одиозной угрюмости христианства остается празднично-ликующая архитектура русского храма. Тонкой улыбкой православия, которое в ответ на иконоборческие страсти откликнулось пословицей «годится – молиться, не годится – горшки накрывать», предстает собор Василия Блаженного, с его лукавой архитектурой: извне – почти языческая яркость радостных красок, а внутри – приглушенная теснота приделов и по-московски низкие, тяжкие своды хоромов. Социальная реальность нашего века перенасыщена трагическим содержанием, что позволяет надеяться на возврат к комическому в его основной социально-эстетической функции: быть компенсаторным противовесом и терапевтическим средством против страха жизни и побеждающим всякую мнимо-логическую серьезность и напыщенное фарисейство принципом правды.

Лит.: *Аверинцев С.С.* Бахтин, смех и христианская культура, 1988 // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 7–19; *Баткин Л.М.* Смех Панурга и философия культуры // Вопросы философии, 1967. № 12. С. 114–123; *Бахтин М.М.* 1) Проблемы поэтики Достоевского, 1929. М., 1979; 2) Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Бенуа А.* Комическое в музыке // Музыкальное обозрение. 1886. 17 мая. № 29; *Библер В.С.* Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура. М., 1990. С. 81–125; *Борев Ю.Б.* Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М., 1970; *Борисов С.Б.* Эстетика «черного юмора» в российской традиции // Из истории русской эстетической мысли. СПб., 1993. С. 139–153; *Буренина О.Д.* Символистский абсурд и его традиция в русской литературе и культуре первой половины XX века. СПб., 2005; *Вулис А.* В лаборатории смеха. М., 1966; *Метаморфозы комического.* М., 1976; *Герасимова А.* Проблема смешного в творчестве обериутов. Автореферат <...> канд. филол. наук. М., 1988; *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; *Даркевич В.П.* Народная культура Средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве XI–XVI вв. М., 1988; *Дземидок Б.О.* комическом. М., 1974; *Евстигнеева Л.* Журнал «Сатирикон» и поэты–сатириконцы. М., 1968; *Зунделович Я.* Поэтика гротеска // Проблемы поэтики. Москва; Л., 1925; *Иванов В.В.* Достоевский: Поэтика чина // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 67–100. *Иваск Ю.* Добрый византийский самодур // Антология гнозиса: В 2 т. СПб., 1994. Т. 1. С. 196–203; *Искусство XX в.: Парадоксы смеховой культуры.* Сб. Н. Новг., 2001; *Исупов К.Г.* Комическое и трагическое в аспектах исторической поэтики // В диапазоне гуманитарного знания. СПб., 2001. С. 346–256; *Колязин В.* От мистерии к карнавалу. М., 2002; *Кушльский А.Е.* Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994; *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* Смех в Древней Руси. Л., 1984; *Любимова Т.В.* Понятие комического в эстетике // Вопросы философии, 1980. № 1; *Мандельштам И.* О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1901; *Миуский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Т. XIII; *Мицк З.Г.* К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. Т. XVIII. Литературове-

дение (Учен. записки Тартус. ун-та. Вып. 266). С. 124–194; *Нейман Б.* Комическое в музыке. Киев, 1919; *Оболенский В.И.* О высоком и смешном // Атеней, 1828. № 12; *Оболенский Л.* Предисловие // *Селли Д.* Смех, его физиология и психология. СПб., 1905; *Палиевский П.В.* К понятию гения // Искусство нравственное и безнравственное. Сб. статей. М., 1969. С. 90–200; *Померанц Г.С.* Традиция и непосредственность в буддизме *чань (дзэн)* // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1973. С. 74–87; *Пропп В.Я.* Проблемы смеха и комизма, 1970. М., 1976; *Пумпянский Л.В.* Достоевский и античность. СПб., 1922; 2) «Вечера на хуторе близ Диканьки», 1922; 3) О «Записках сумасшедшего» В. Гоголя, 1923 // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Таллин, 1986. С. 100–126; *Рацкий И.* Проблемы трагикомедии и последние пьесы Шекспира // Театр, 1971. № 2; *Русакова Е.А.* Проблема комического точки зрения информационной теории эмоций // Филос.–методол. проблемы гуманитарного знания. М., 1983. С. 78–82; Т. 23. С. 281–309; Скоморохи. Сб. статей и рефератов Международного симпозиума. СПб., 1994; *Слонимский А.* Техника комического у Гоголя. Пг., 1923; *Смирнов И.П.* Древнерусский смех и логика комического // ТОДЛ. Т. 1977. Т. 32; *Сафронова Е.С.* Дзэнский смех как отражение земледельческих праздников // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980. С. 68–78; *Спивак М.А.* Место и функция смеха в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник МГУ. Филология, серия 9. 1986. № 5. С. 70–76; *Сретенский Н.* Историческое введение в поэтику комического. Ростов-на-Д., 1926. Ч. 1; *Фуксон Л.Ю.* Комическое литературное произведение. Кемерово, 1993; *Штейн А.* Философия комедии // Контекст–1980. М., 1981; Черноризская О.Л. Поэтика абсурда. Т. 1. Классика. Вологда, 2001.

Кукла

1) Эстетический артефакт – объемная имитация персонажа (мифа, сказки, жизненного мира) в игре; антропоморфный муляж, симулякр; 2) элемент театральной метафоры и филосоемы. Если ненаказуемая К. народного балагана (Пинноккио–Буратино, Панч, Пульчинелла, Петрушка) сочетает жестовые возможности динамической скульптуры с озвученным героем фабульного ампула, то генетически более раннее веселое страшилище карнавала (Зима, Чума), объект магического умерщвления (поражаемая фигура или сжигаемое изображение врага), тотемный предмет (лары), праздничное божество (Масленица, Кострома) суть натурные образы самих себя, отношения с которыми строятся вне категории условности; и все же именно они являются архаическим прототипом игровой куклы. Антитеза «живое/мертвое» в поведении театральной куклы и в фактуре самозначащего манекена снята по-разному: первая – «как бы живая» (с ней возможен безопасный диалог), второй – «как бы мертвый» (таит метафизическую угрозу). Кукольный ряд псевдо-живого дает игровую парадигму (снеговик, чучело, К. ре-

бенка, театральная К., кукла–персонаж мультфильма); ряд псевдо–мертвого образует объективную парадигму предметов культа или их профанных дериватов (мумия, идол, восковая фигура музея, манекен, памятник). Оба ряда могут частично совпадать и определяться в плане мифологии куклы: железные куклы Гефеста; гомункулос алхимиков, Голем, робот, «герои» компьютерных игр В антично–иудейской антропологии первые люди – это оживленные хтонические куклы; ср. русскую сказку «Терешечка», скульптурный миф о Галатее и Пигмалионе. Метафора «люди–куклы» составила предмет специального внимания античной философии (Платон. Зак. I 644d– I 645b; ср. «живые игрушки» Плотина: Эннеады III 2,15, 30–33; III 2,15, 50–56); позже этот образ перерос в цивилизационный миф о механическом человеке («Человек–машина», 1747 Ж. Ламетри; ср. научные стереотипы в рефлексологии), в утопические прожекты управления социумом, в марионеточные иерархии гражданского населения и армии, в сюжетику стратегических игр (ср. символику кукольных фигурок в шахматах), в нормативную поэтику (театра Античности, средневековых мистерий, сцены классицизма, восточного театра и совкультуры; танец поз и масок родился из несменяемых кукольных ампула), партийную этику, эталонную моду, в бытовую стилистику эпохи барокко (см. ее образы в живописи «Мира искусства»), в цирковой репертуар. В словесности тема «человек–кукла» актуализована в пространстве между характером и ролью, которое заполняется авторской рефлексией о внутреннем театре «я» героя. Мотив куклы может составить фон «скульптурного мифа» (термин Р.О. Якобсона; ср. кукольные жесты смеющейся старухи во сне Раскольников; герой и сам напоминает механическую куклу в момент убийства процентщицы), сочетается с темой игры (Д. Фонвизин), эротического замещения (Наташа Ростова Борису Друбецкому: «Поцелуйте куклу!»; ср. «Куклу», 1887–1889; Б. Пруса, «Кукольный дом», 1879 Г. Ибсена и механическую любовницу Казановы в финале фильма Ф. Феллини), иррационального гротеска (С.–Щедрин), безнадежности (поэма Я. Полонского «Кукла»). Романтический и символистский быт породили механизмы перевода живых людей в статус кукол эзотерического культа красоты и Вечной Женственности (в среде немецких романтиков, в кругу А. Белого и А. Блока). Схожие феномены наблюдаются во властной среде дворцового обихода (Симеон Бекбулатович на троне Иоанна IV Грозного; легендарный солдат, захороненный вместо Александра I). Существуют попытки мистики кукольной «души» (в романтической традиции; Д. Андреев описал в «Розе Мира» загробную жизнь детских игрушек). Такой фольклорный раритет, как матрешка (пришедший в 90-х гг. 19 в. Россию и на Запад через Китай из Японии) стал нарративной моделью кумулятивного сюжета («одно в другом» в сказках о Кашее Бессмертном). Можно предположить, что расширение традиционных аспектов куклы и кукольности помогло бы универсальному описанию их репрезентаций в культуре. Петербург, задуманный в виде архитектурной шпаргалки мировых столиц как «К. города»; цивилизация как «К. культуры»; истмат как «К. философии истории»; соцарт как «К. творчества»; речь как «К. языка»; японская

культура как «К. китайской»; зеркало как «К. отражаемого»; знак как «К. денотата»; обиталище домашнего животного как «К. дома»; человек как «К. Бога», – если такого рода установке позволить перспективу частного метода, можно говорить об особой феноменологии «кукольного», обнимающей значительные горизонты человеческой деятельности. Современные исследования семантики куклы связаны, в основном, с театроведением. К. как объект семиотики культуры изучалась в традиции тартуской школы.

Тексты: *Андреев Д.* Роза Мира. М., 1991; *Андреев Л.Н.* Рассказ о семи повешенных, 1908; *Бергман Б.Я.* Марионетки, 1903; *Гиппиус З.Н.* Игра // З. Н. Гиппиус, Стихотворения. СПб., 1999. С. 279; *Жакмон П.П.* Кукольный театр: Представление. Париж, 1932; *Клейст Г., фон..* О театре марионеток // Г. Клейст. Избранное. Драммы. Новеллы. Статьи. М., 1977. С. 512—517; *Крылов И.А.* Каиб, 1792; *Лесков Н.С.* Чертовы куклы, 1890; *Лухманова Н.А.* Скарлатинная кукла // Новое время, 1895. 7 апреля; *Олеша Ю.К.* Три толстяка, 1924; *Ропшин В.* (Б. Савинков). Нюрнбергские игрушки, 1915 // Красная новь, 1926. № 4; *Прус Б.* Кукла, 1887–1889; *Салтыков–Щедрин М.Е.* Противоречия, 1847; История одного года, 1869–1870; Круглый год, 1879; Игрушечного дела людихи, 1880; *Бхагаватичаран М.* Все мы куклы в руках Божьих. 1970; *Годинер М.Д.* Куклы. Повесть. 1922; *Исикава Т.* Печальная игрушка. Поэт сб., 1912; *Селин (А.Ф. Детуеш).* Марионетки. Роман. 1944; *Таммсааре Т.* Живые куклы. Памфлет. Оpubл. 1958; *Тынянов Ю.Н.* Восковая персона. 1931; *Касакия Г.* Мужчины, женщины и марионетки. Роман. 1930; *Гофман Э.Т.А.* Песочный человек; *Жакмон П.П.* Кукла. Представление. Париж, 1932; *Тутковский П.П.* Марионетки неведомого. Большой психолого–исторический роман из эпохи 1918–1920 гг. Белград, 1923; *Фонвизин Д.И.* Послание слугам моим... <опубл. 1769>; *Кортасар Х.* Конец игры. Рассказы. 1956.

Исследования: *Авдеев М. А.* Происхождение театра. М.; Л., 1959; *Аптинян Т.А.* Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусства и другие. СПб., 2003; *Барт Р.* Игрушки // Р. Барт. Мифологии. М., 1996. С. 102–104; *Бартрам Н.Д.* Кукольный театр; Детский театр и театр для детей; Игрушка // Н.Д. Бартрам. Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. С. 17–60; *Берн Э.* Игра, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Л., 1992; Трансакционный анализ и психотерапия. Сб. СПб., 1992; *Бакушинский И.А.* Вятская игрушка // И.А. Бакушинский. Исследования и статьи. М., 1981; *Бибарцева Т.С.* Формирование игровой культуры социального педагога. Автореферат <...> канд. педаг. наук. СПб., 1996; *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971; *Богораз–Тан В.Г.* Эйнштейн и религия. М.; Пг., 1923. Вып. 1; *Вахтеров Б.П.* Основы новой педагогики. М., 1913; *Виноградов Н.Д.* Педагогическая психология в связи с общей педагогикой. М., 1916. Часть 2; *Вислова А. В.* «Серебряный век» как театр. Феномен театральности в культуре рубежа веков. М., 2001; *Вygотский А.С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. М., 1966. № 6. С. 62–75; *Гагеман К.* Игры народов. Пг., 1923. Вып. 1. Индия; *Гаупт Р.* Психология ребенка. Л., 1926; *Гиппиус В. В.* Люди и куклы в сатире Салтыкова // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 295–330; *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. Пг., 1915; *Гусев В.Е.* Русский народный кукольный театр. Л., 1983; *Гусева А.Ю.* Проблема транс-формирующейся игрушки // Культура на защите детства. СПб., 1998. С. 118–119; *Дайн Г. А.* Кто придумал матрешку? // Г.А. Дайн. Игрушечных дел мастера. М., 1994. С. 49–66; *Дубровский К.* Светлой памяти скомороха // Зрелища. М., 1912. № 10; *Зеньковский В.В.* Психология де-

тства. Екатеринбург, 1995; *Евреинов Н.Н.* 1) Происхождение драмы. Пг., 1921; 2) Театр у животных. Л., 1924; *Забелин Б.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990 (1880); *Игрушка.* Ее история и значение. Сб. статей. М., 1912; *Игры народов СССР / Составитель В. Н. Всеволодский-Гернгросс и др.* М.; Л., 1993; *Карпова Т.Е.* 1) Кукла в жизни современного ребенка // Там же. С. 121–122; 2) Механическая кукла: самодвижки, истуканы и другие // *Культурологические исследования* 03. СПб., 2003. С. 334–337; *Клапаред Э.* Психология ребенка и экспериментальная педагогика. СПб., 1991; *Колодца Д.А.* Детские игры. Их психологическое и педагогическое значение. М., 1909; *Комарова С., Катушкин М.* Кукольные люди. СПб., 1999; *Липс Ю.* Происхождение вещей. М., 1954. Глава 2; *Лотман Ю.М.* Куклы в системе культуры // Ю. М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 377–380; *Лоренц К.* 1) Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах // *Природа.* М., 1969. № 11. С. 42–52; 2) Агрессия. М., 1994; *Линьковская Л.П.* Игры, игрушки и воспитание способностей. М., 1969; *Луначарский А.В.* Игра // *Игра.* Непериодическое издание. Издание театрального раздела Наркомата по просвещению Пг., 1918; *Несанелис М.А., Шаповов В.Э.* Тема смерти в детских играх: опыт этносемиотического анализа (По материалам традиционной культуры коми) // *Смерть как феномен культуры.* Сыктывкар, 1994. С. 122–135; *Образцов С.* 1) Актер с куклой. М.; Л., 1938; 2) *Всю жизнь я играю в куклы.* М., 1985; *Перетц В.Н.* Кукольный театр на Руси. СПб., 1895; *Погоняйло В.В.* Философия заводной игрушки, или Апология механизма. СПб., 1997; *Покровский Е.А.* Детские игры, преимущественно русские. М., 1887; *Сперанский Е.* Повесть о странном жанре. М., 1971; *Усова А.П.* Игра и игрушка. Л., 1940; *Флерина Л.А.* Игра и игрушка. М., 1973; *Флоренский П.А.* Предисловие к книге Н. Я. Симонович-Ефимовой «Записки петрушечника» (ГИЗ, 1925) // П.А. Флоренский. Соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 532–536; *Фрейдберг О.М.* Семантика постройки кукольного театра // *Миф и театр. Лекции по курсу «Теория драмы» для студентов театральных вузов.* М., 1988. С. 13–32; *Эйдельс Л. М., Толкачев А.Л.* Зарубежная игрушка. М., 1963; *Якобсон Р.О.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина // *Якобсон Р.О. Труды по поэтике.* Москва, 1987. С. 145–180; *Jurkowski H., Dzieje teatru lalek.* Warsz., 1984.

А.А. Белобородова

I МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АВТОРСКОЕ КНИГОТВОРЧЕСТВО В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД»

19–21 марта 2008 г., Омск

С 19 по 21 марта 2008 года в Южно-Уральском государственном университете прошла I Международная научно-практическая конференция «Авторское книготворчество в мировой литературе: комплексный подход». Конференция была организована кафедрой русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета совместно с кафедрой новейшей отечественной литературы Омского государственного педагогического университета.

Конференция собрала более шестидесяти участников из столичных городов и разных регионов России и зарубежья. В конференции приняли участие ведущие исследователи цикла и книги: Н.В. Барковская, О.В. Зырянов, О.А. Лекманов, О.В. Мирошникова, Ю.Б. Орлицкий, Е.В. Пономарева, Т.И. Подкорытова, Л.И. Сазонова, М.С. Штерн. Масштаб и представительность конференции свидетельствуют о все возрастающем интересе ученых и культурной общественности к проблемам книготворчества, издания и распространения книг как художественных единств.

Программа конференции была чрезвычайно насыщенной. В ней нашли отражение многие аспекты, важные для понимания проблем книготворчества: архитектура и поэтика лирической книги, прозаические и прозиметрические версии лирической книги, издательские стратегии лирической книги, книга в историческом, культурологическом и лингвистическом осмыслении а также в аспекте герменевтики, рецептивной эстетики, психологии, авторского права. Специальное заседание и круглый стол были посвящены проблеме «Автор-издатель-читатель: к вопросу о взаимопонимании».

Научную часть конференции предваряло приветствие организаторов: проректора по научной работе ЮУрГУ д.т.н., профессора С.Д. Ваулина, зав. кафедрой русского языка и литературы, д.ф.н., доцента Е.В. Пономаревой

На утреннем пленарном заседании в первый день конференции, 19 марта, рассматривались по преимуществу общетеоретические и общеэстетические аспекты темы. Характер вступления в книговедческую проблематику носило выступление профессора кафедры новейшей отечественной литературы ОмГПУ О.В. Мирошниковой. В нем было очерчено современное состояние цикловедения, на методологической основе которого строится новое направление: комплексное филологическое книговедение. Были выявлены основные задачи отрасли, проблемы

и трудности развития. Пленарное заседание отразило два существующих в современном литературоведении основных подхода к исследованию контекстовых форм, которые, пользуясь терминологией социологов, можно обозначить как качественный и количественный методы исследования. Доклады д.ф.н., профессора Ю.Б. Орлицкого (РГГУ) и д.ф.н. О.А. Лекманова (ИМЛИ) продемонстрировали возможности типологического (количественного) исследования в литературоведении: выводы авторов касались динамики жанровых форм и были сделаны на основе анализа большого количества художественных текстов. Тогда как в докладах д.ф.н., профессора Н.В. Барковской (УрГПУ) и к.ф.н., доцента Т.И. Подкорытовой (ОмГПУ) более локальный материал исследовался «вглубь» и делались выводы о принципах организации книги на основе целостного анализа конкретных художественных единств.

Открыл заседание профессор Ю.Б. Орлицкий (Москва), чей доклад «Проза в составе прозиметрической лирической книги: опыт XX века» был посвящен стихотворным и прозаическим произведениям, объединенным авторами в однородные (только стихотворные или только прозаические по составу) книги: сборники или собрания произведений. В докладе было продемонстрировано, что в действительности прозиметрические (то есть, включающие в свой состав и стихи, и прозу) книги появились в русской литературе достаточно рано и среди них немало книг, занимающих в отечественной словесности важнейшие места, то есть прозиметрия – весьма распространенное явление в истории русской поэзии, реализованное в целом ряде эстетически плодотворных форм.

Д.ф.н. О.А. Лекманов (Москва) в докладе «Книга и цикл в поэзии русского модернизма» указал на происходившую на рубеже XIX–XX веков смену типа поэтической книги: от объемной, многокомпонентной, часто имеющей предисловие символистской книги к сжатой книге постсимволистов. На примере книготворческой практики многих поэтов докладчик продемонстрировал изменение самого типа художественного сознания, происходившее на протяжении двух десятилетий.

Автор доклада «“Urbi et orbi” В. Брюсова: лирическая книга как священная жертва» д.ф.н., проф. Н.В. Барковская (Екатеринбург) проанализировала композицию и метасюжет книги В. Брюсова. С точки зрения докладчика, моделирование книги, по Брюсову, это моделирование образа Поэта и, одновременно, символический жест убийства или самоубийства, в котором воплощается «диаволическая» (по выражению А. Ханзен-Леве) концепция художника, характерная для «старших» символистов.

В докладе к.ф.н., доцента Т.И. Подкорытовой (Омск) «Лирическая трилогия А. Блока в зеркале “Божественной комедии” Данте» организованный самим поэтом трехтомник его лирики рассматривался в соотношении с «Божественной комедией» Данте как «итоговая» книга Нового времени («эпохи гуманизма», по выражению самого Блока).

После пленарного заседания в первый день конференции были проведены секционные заседания. На них с интересными докладами выступило большинство участников конференции.

Второе пленарное заседание, состоявшееся 20 марта, было посвящено проблематике и поэтике лирических книг как художественных единств, их созданию и трансформации этого процесса на протяжении XX века.

Не случайно открылось оно выступлением д.ф.н., профессора А.А. Кораблева (Украина) «Онтологические принципы поэтической антологии». На примере по-

этических приложений к журналу «Дикое поле» (г. Донецк) докладчик охарактеризовал принцип антологии в региональной издательской практике.

К.ф.н., главный редактор журнала поэзии «Воздух», г. Москва, Д.В. Кузьмин в докладе «Поэтические журналы и антологии: семантика, синтактика, прагматика» отразил специфику редакторского сотворчества и издательской стратегии в процессе выстраивания контекстовых форм, в создании антологий и сборников современной поэзии.

Доклад д.ф.н, профессора О.В. Зырянова (Екатеринбург) «Субъектная архитектура стихотворных книг в русской поэзии первой половины XIX века» был посвящен исследованию субъектной архитектуры стихотворных сборников и цельных авторских книг. Главными объектами анализа явились «Анакреонтические песни» Г. Державина, «Опыты в стихах и прозе» К. Батюшкова, «Опыты священной поэзии» Ф. Глинки, «Стихотворения» А. Дельвига, «Стихотворения» М. Лермонтова, «Сумерки» Е. Боратынского. Из конкретных наблюдений над субъектной организацией указанных стихотворных книг в плане исторической поэтики были сделаны общие выводы о закономерностях развития лирического рода литературы в целом и жанрового сознания русской лирики классического периода в частности.

Большой интерес вызвал доклад современного поэта А.М. Мирзаева (Санкт-Петербург) «Поэтическая авторская книга 1960–80-х гг. Подпольное стихописание и частное книгоиздание как жизненные стратегии ленинградского самиздата». В качестве иллюстрации к докладу были продемонстрированы книги, выпущенные в самиздате тиражом от 6 до 200 экземпляров и являющиеся редкостью и памятником эпохи.

К.ф.н., доцент И.В. Романова (Смоленск), (чей доклад был подготовлен в соавторстве с профессором В.Г. Баевским) в качестве иллюстрации к докладу «Б. Пастернак – автор 9 поэтических книг» продемонстрировала таблицы, в которых были отражены типы метрики, ритмики, стихового синтаксиса, рифменной системы, строфики девяти поэтических книг Б. Пастернака, рассмотренные как системное единство, в результате чего были выделены три периода творчества поэта.

Доклад д.ф.н., профессора Т.А. Снигиревой (Екатеринбург) «Книга лирики как форма авторского мышления Ю. Казарина» был посвящен изучению творческой практики нашего современника – поэта Ю. Казарина. Исследователь выделяет три магистральные линии его творчества: научный текст/книга (Казарин-лингвист), литературный текст/книга (Казарин-прозаик), поэтический текст/книга (Казарин-поэт) и полагает, что данная жанровая стратегия не является единичной, но подтверждена креативной практикой отечественной словесности XIX – XX и начавшегося XXI века.

Завершилось второе пленарное заседание докладом д.ф.н., профессора М.С. Штерн (Омск, ОмГПУ), представившей доклад «Контекстовая лирическая форма как жанровый гипертекст (на материале прозы И. Бунина, А. Ремизова, М. Пришвина)». В нем были рассмотрены контекстовые формы лирической прозы, художественная система которой строится на основе контаминации и диффузии различных жанровых структур. Анализ жанрового состава книг Бунина, Пришвина, Ремизова позволил автору доклада утверждать, что они являются гипертекстом, то есть представляют собой полигенетическую жанровую форму, в рамках которой сохраняется относительная жанровая автономия составляющих ее фрагментов.

Среди секционных выступлений обратили на себя внимание актуальностью проблематики, точным отбором и компоновкой материала, стратегией исследования масштабностью выводов следующие доклады:

А.А. Белобородова (к.ф.н., доцент, ОмГПУ, Омск) – «Особенности дебютной книги в Серебряном веке. Попытка теоретического осмысления темы»; Е.П. Гаранина (ст. преподаватель, Инновационный Евразийский университет, Павлодар) – «“Excelsior” А.Н. Майкова как несобранная авторская книга»; Н.Б. Лапаева (к.ф.н., доцент, ПермГУ, Пермь) – «Лирический подцикл “Над солнечной музыкой воды” в сборнике Бориса Поплавского “Снежный час”: природа образности»; М.А. Кильдяшов (III курс, факультет Второго высшего образования, специальность «Культурология», ОГПУ) – «Поэтика сборника стихов П. Флоренского “В вечной лазури” в контексте поэзии Серебряного века»; О.А. Кутмина (к.ф.н., доцент, ОмГУ, Омск) – «Принципы циклизации в прозе А. Битова. Лирическое и аналитическое в его книгах»; Алёна Махонина (магистр, МГУ, Москва – Чехия) – «Особенности современной неподцензурной поэтической книги – между словом и образом (Айги, Некрасов, Лукомников)»; А.В. Подчиненов (к.ф.н., доцент, УрГУ, Екатеринбург) – «Стихотворная книга графомана (литературоведческий эксперимент)»; Т.И. Рожкова (д.ф.н., профессор, МаГУ, Магнитогорск) – «А.П. Сумароков и становление авторского права в России XVIII в.»; С.В. Рудакова (к.ф.н., доцент, МаГУ, Магнитогорск) – «Своеобразии изображения пространства в книге стихов Е.А. Боратынского “Сумерки”»; Т.Ф. Семьян (д.ф.н., доцент, ЮУрГУ, Челябинск) – «Стратегия авторской книги в творчестве Павла Улитина»; Д.А. Суховой (аспирант, СПбГУ, Санкт-Петербург) – «Семантика шрифтовых выделений в современной русской лирической книге»; М.Р. Чернышов (к.ф.н., доцент, УрГУ, Екатеринбург) – «Структурно-композиционные особенности поэтического сборника Джорджа Герберта “Храм”».

Названные доклады вызвали много вопросов, откликов, в ряде случаев спровоцировали дискуссию. Характеризуя атмосферу конференции в целом, следует отметить ее поисковый диалогический стиль. Собравшиеся поэты, вузовские преподаватели, издатели, редакторы, академические ученые, дизайнеры поверх рангов, должностей и ученых степеней вели заинтересованный разговор об авторском книготворчестве, вырабатывая общие ориентиры, уточняя стратегии исследований, выводы. Многие сообщения сопровождалась презентацией художественного материала, схем, частотных таблиц, что делало наблюдения и выводы более показательными, акцентированными.

Культурная программа, любезно предоставленная ЮУрГУ, была продуманной и разнообразной – от обзорной экскурсии по университету до пешеходной прогулки по Челябинскому Арбату, в Областной краеведческий музей и картинную галерею.

Одним из полезнейших мероприятий оказалась выставка-книгообмен, на которой хозяева и гости обменялись продукцией собственной (монографии, учебные пособия, лирические книги) и местно-университетской, выходящей подчас малыми тиражами. Программа конференции включала в себя и устно-наглядную презентацию новых книг. Коллективную монографию «Лирическая книга в современной научной рецепции» – Омск, 2008 – гостям представила составитель и ответственный редактор д.ф.н. О.В. Мирошникова. Для книгообмена свои книги предложили Н.В. Барковская, А.А. Белобородова, О.В. Зырянов, А.А. Кораблев, Т.И. Подкорытова, И.В. Романова, Т.И. Савельева, Л.И. Сазонова, Д.А. Суховой, М.С. Штерн и другие участники конференции.

Итоги научной части конференции были подведены на «круглом столе», посвященном связи научных исследований феномена книги с потребностями и задачами, стоящими перед издателями, авторами и читателями сегодня. Свое мнение мог высказать каждый участник конференции.

Давно назревшим явилось решение продолжать встречи, сделав их регулярными, расширив диапазон профессий участников, а также собрать и издать сборник материалов (эту непростую миссию возложил на себя коллектив кафедры ОмГПУ, роль отв. редактора – инициатор симпозиума О.В. Мирошников).

К недостаткам и проблемам конференции следует отнести то, что в ней не участвовали полиграфисты и книжные хранители, но присутствовал запоздалый грипп, распространявшийся по многим городам весь март и сделавший невозможным приезд если не золотой, то серебряной десятки гостей.

М.Н. Дробышева

XVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ЗВЕЗДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ»

10 мая – 27 июля 2008 г., Санкт-Петербург

В Петербурге завершился XVI Международный музыкальный фестиваль «Звезды белых ночей», посвященный в этом году 225-летию Мариинского театра. Художественный руководитель фестиваля Валерий Гергиев задумал программу так, что слушатели смогли познакомиться с тремя новыми постановками: операми «Король Рогер» К. Шимановского, «Братья Карамазовы» А. Смелкова и «Очарованный странник» Р. Щедрина. Такой выбор произведений не случаен. Он отвечает концепции развития театра – обращаться к исполнению шедевров мирового музыкального театра; произведениям, которые в России по какой-либо причине не звучали или не были известны; к произведениям современных композиторов.

Особое место в афише «Звезд белых ночей – 2008» занял мини-фестиваль французской музыки, собравший в своей афише сочинения К. Сен-Санса, Ж. Бизе, Г. Берлиоза, М. Равеля, О. Мессиана, А. Онеггера. Широко было представлено творчество Анри Дютыйе – знаковой фигуры европейской музыки XX века. Композитор стал специальным гостем фестиваля.

По традиции спектакли Мариинского театра прошли в Выборгском замке и в Ивановгородской крепости среди естественных декораций.

В дни фестиваля состоялась презентация книги «Валерий Гергиев. Музыка. Театр. Жизнь. Противосложение», опубликованная издательством «Композитор» к 55-летию почетного гражданина Санкт-Петербурга В.А. Гергиева, личности государственного масштаба, смело вошедшего в мировой театральный процесс. Первая часть книги «Дела и дни» выполнена в хронологии поставленных им спектаклей начиная с 1977 по 2007 год, а вторая – «Прямая речь» – это размышления, заметки и высказывания В. Гергиева.

В рамках фестиваля прошла конференция «Мариинский театр: настоящее и прошлое», ее организатором и ведущим стал Л.Е. Гаккель. В работе конференции приняли участие российские и зарубежные композиторы, музыковеды, критики, деятели музыкального театра и массовой информации. Конференцию открыл Валерий Гергиев, отметив, что она посвящена 225-летию Мариинского театра, маэстро подчеркнул необходимость формирования молодежной аудитории, сожалел, что из школьных предметов исчезла музыка, отметил, что приобщение молодежи к музыкальной культуре – одна из важных задач театра.

На конференции речь шла о проблемах оперной режиссуры в дирижерском театре (М.Г. Бялик), о проблемах современной музыкальной сцены (М.И. Нестьева). Взгляд критиков был обращен к истории петербургской оперы «Руслан и Людмила» (Б.М. Гаспаров) и к прошлому Мариинского (Кировского) и Большого театров в контексте официальной культурной политики (Е.К. Власова). Журналисты говорили о традиционном партнерстве и новых возможностях в свете международных электронных СМИ (О.В. Русанова), публикациях журнала «Музыкальное обозрение» за 20 лет (А.А. Устинов). Президент Международной Ассоциации «Опера-Европа» из Великобритании Николас Пейн продемонстрировал в своем сообщении знание русской истории и культуры, отметив, что немцы сначала выдвигают теорию, потом ее доказывают, русские же сначала доказывают, а потом развлекаются теорией, так поступает и Валерий Гергиев, благодаря которому Мариинский театр стал посланником русской традиции. Е.В. Третьякова отметила, что именно в XXI веке особенно стала востребована фигура режиссера, благодаря его усилиям классика приблизилась к нам. Сегодня возвращается современная музыка, усиливается роль постановщика, еще П.И. Чайковский говорил: опера написанная, но не поставленная не существует. Все это имеет непосредственное отношение к последним премьерам Мариинского театра. Н.Г. Потапова напомнила, что споры об отношении к авторскому тексту, классическому или созданному современными авторами, делятся уже целый век, ибо возникновение режиссерского театра связано с совершенно новым театральным мировоззрением, когда постановщику важен не только и не столько авторский текст, сколько отношение к нему самого постановщика. Таким был Вс. Мейерхольд, который сто лет назад ставил именно в этом ключе на сцене Мариинского театра «Тристана и Изольду». На конференции обсуждались проблемы Мариинского балета, выдающегося явления российской культуры. Недавно вышла в свет книга «Три века петербургского балета» (текст Б. Илларионова, оформление А. Кугаевского, фотографии В. Барановского, редактор Л. Абызова). Что же сегодня происходит в балете Мариинского театра? Хотя Валерий Гергиев и дирижирует балетными спектаклями, но опера несколько заслонила балет. Да и в мире, как отмечали Габриела Комлева, Ольга Розанова, Наталья Зазулина, Борис Баланков и другие присутствующие, балет испытывает некоторый кризис, сказывается недостаток талантливых маститых хореографов, надо привлекать молодых, давать им пробовать ставить, помогать творчески расти. В.М. Гаевский рассмотрел морфологию и мифологию Мариинского балета, подчеркнув, что характеризует балет мастерство одухотворенное, виртуозное, художественное, заключенное в самой природе классического танца. Слова благодарности Мариинскому театру профессора Л.Г. Ковнацкой прозвучали как своеобразный итог в завершении конференции: «Мариинский театр, единственный в нашем городе, дает ощущение органичной, полноценной жизни, позволяющей пережить мировой опыт, мировую культурную ситуацию».

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ»

20 июня 2008 г., Санкт-Петербург

Уже выросло и учится в университетах поколение, которое никогда не жило при социализме и слово «советский» воспринимает лишь как относящееся к истории. Но диссонанс современной эпохи для населения одной шестой части суши заключается в том, что ключевые позиции в политике и экономике занимают люди, так или иначе способствовавшие скорейшему преодолению «советского наследства», а наибольшие тяготы этого преодоления несут на себе как раз те, кто это «советское достояние» создавал. Неудивительно, что обсуждение советского периода в истории нашего общества отличается острой эмоциональностью и диаметральностью оценок.

За два десятка лет, прошедшие со времени официальной гибели советской системы, исследований, посвященных феномену советской культуры, появились считанные единицы. Уже поэтому знаменательным событием стала прошедшая 20 июня сего года в Санкт-Петербурге Третья международная научная конференция «Советская культура: проблемы теоретического осмысления». (Предыдущие прошли в 2000 и 2004 гг. и были посвящены темам «Советская культура в контексте истории XX века» и «Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века»). Организатором всех трех конференций стала кафедра культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Материалы трех прошедших конференций позволяют сделать некоторые обобщения.

Еще недавно слово «советология» было почти ругательным. Правомочность употребления этого термина определялась методологической установкой, согласно которой не существует специфической «советской культуры», а есть только высшая стадия развития мировой культуры, которая в силу исторических обстоятельств имеет русское происхождение и советскую форму при формационном социалистическом содержании. Именно такой смысл стоял за словосочетанием «культура нового типа». Сегодня, спустя полтора десятка лет после распада Советского Союза и того, что называлось советской культурой, все еще очень редко можно встретить научную работу, которая была бы свободна от идеологии и эмоций. Трудности связаны с тем, что пока нет еще наблюдателей, не испытывающих влияние исследуемого объекта: отважившийся писать о советской культуре почти всегда является заложником собственной биографии (которую чаще делало время, а не он сам) и критиком будущего, если оно не является продолжением прошлого. В настоящее время постсоветские рефлексии советизма делятся (по исследовательскому принципу) на несколько типов.

Первый тип рефлексии по поводу содержания советской культуры представляет собой даже не попытку осмысления феномена, а ностальгию по светлому прошлому, в противовес мрачному настоящему. Как правило, это ностальгия автора по собственной молодости и простым и понятным ориентирам. В такого рода статьях преобладают оценочные категории и художественные эпитеты в

противопоставлении советского и несоветского: «красота» и «гармония» – «дегуманизация» и «загнивание»¹, «вселенская отзывчивость» – «частнособственническое свинство». Характерно в этом смысле использование как аргумента мнения советского писателя о советской литературе, фактически о самом себе как представителе этой литературы: «Писатель Юрий Бондарев заявляет о том, что советская литература стала в свое время первой литературой мира»². Вряд ли с таким высказыванием согласятся К. Воннегут, Г. Маркес, Ф. Саган и др. Кроме подмены научного анализа эмоциональной насыщенностью, эти публикации некорректны в стадильном отношении: в них сравниваются период расцвета и период кризиса советской или период становления новой (постсоветской) культуры. Между тем, период становления советской культуры также был отмечен падением нравственности: Гражданская война, столкнувшая брата с братом, мужа с женой (Любовь Яровая), сына с отцом (Павлик Морозов); репрессии, заставлявшие отрекаться мужей от жен (супруги Молотовы); уничтожение не только ценностей прежней культуры (произведений, икон и предметов той самой духовной культуры, о которой теперь пекутся ностальгирующие по прошлому), но и их создателей; разрыв традиций. Показательно, что в этих статьях зачастую обсуждается не советская реальность, а ее идея: «В целом, в *идее своей* (курсив мой – О. П.) это была хорошая и правильная жизнь»³.

Ко второму типу относятся публикации, в основании которых лежит идеологический подход. В этих публикациях культура советского и любого альтернативного общества оценивается в категориях «высшее/низшее» без указания каких-либо критериев ранжирования. Распространенной чертой таких публикаций является использование приема перечисления произведений советского искусства и культуры как «высших достижений» без сравнения с признанными образцами несоветского искусства (хочется уйти от идеологии, поэтому воспользуемся собирательным понятием «несоветский» для всех остальных обществ и культур). Другим часто встречающимся приемом идеологической апологетики является декларация «духовности» и «бездуховности» альтернативных культур. Например, сторонники христианской идеологии (религиозного типа духовности) стоят на позициях возрождения религиозных ценностей и критики советской культуры, утверждая несовместимость попирания свободы вероисповедания и «духовности»⁴ в период социализма. Напротив, апологеты – они же, как правило, строители советской культуры – выдвигают тезис о «бездуховности» современного постсоветского общества⁵, не замечая возрождения традиционных ценностей: национального патриотизма, веры, благотворительности (которой не могло существовать в советском не обществе не столько по причине нищеты его, сколько из принципиальных соображений: функция призрения принадлежала собесу). Здесь налицо неразличение (сознательное или вследствие безграмотности) категорий «духовные ценности» (которые могут быть разными), «духовность» как сфера сознания (которая может быть наполнена различными идеалами) и других рядоположенных. Ни в одной из такого рода публикаций невозможно найти критериев определения этого самого «высшего» и «низшего».

Третий тип публикаций по проблемам советской культуры представляет собой описательный подход в культурологических исследованиях. Как правило, такие публикации посвящены частным проблемам художественной, этнической, языковой культуры, культуры образования и т. д. Обычно в этих исследованиях доминирует «коллекционный» метод – перечисление событий и фактов культурной действительности. Нет сомнения в том, что описание отдельных сторон жизни

общества (академических театров Петрограда, театрализованных представлений, становления кинематографа и т. д.⁶ является ценным источником для философского и культурологического осмысления. Эти работы составляют источниковедческую базу и представляют собой первый этап становления научной дисциплины. Вполне справедливо указывал участник первой конференции, посвященной советской культуре, А.С. Мыльников на необходимость ухода от официоза постановлений и деклараций и привлечения источников обыденного характера⁷. Как правило, авторы таких исследований стараются уйти от идеологических клише двумя способами: рассматривают конкретный феномен культуры как адекватный сам себе, в отрыве от мировых тенденций⁸ – и пытаются вписать тенденции развития советской культуры в мировой социокультурный процесс.

Наряду с перечисленными тенденциями в осмыслении феномена советской культуры формируется и культурологический подход, который пока не является доминирующим. Причем содержательно это может быть как исследование конкретного феномена культуры, так и анализ социокультурной целостности. В этих исследованиях отсутствует привычный прием соотнесения всех положительных характеристик (добро, свобода, равенство и т. д.) с отечественной культурой и отрицательных (Империя зла, индивидуализм, идеология рвачества и т. д.) с западной. Тенденция осмысливать феномен советской культуры в контексте *цивилизационного подхода*, в противовес формационному, имеет два решения. Советская культура рассматривается как цивилизация, альтернативная либеральной (М.А. Беляев, И.Ф. Кефели, И.Я. Левяш, Г.А. Кондратова), как социокультурная целостность с внутренней динамикой и в этом смысле равнозначная (не высшая и не низшая) другим культурам. И советская культура понимается как период русско-православной цивилизации (Е.А. Вертлиб, В.Д. Комаров, Л.В. Никифорова, О.В. Плебанек).

Существует ряд обстоятельств, которые служат препятствием для построения адекватной концепции советской культуры. Некоторые из них обозначены в первом сборнике, посвященном проблемам советской культуры: «...это не только проблема временной дистанции, необходимого минимума социокультурного времени... Это проблема теоретическая. Язык существующих теорий культуры – это язык описания стагнированных культурных систем прошлого...»⁹. Условия, которые должны быть соблюдены для формирования научных оснований исследования феномена советской культуры, являются общенаучными, и они в настоящее время недостижимы или могут быть реализованы лишь в какой-то степени. Прежде всего, это временная дистанция, необходимая для того, чтобы можно было не только наблюдать процесс от начала до его завершения (причем необходимо быть уверенным в том, что это именно завершение процесса, а не его затухание, временная стабилизация и т. п.), но и сравнить его как минимум с двумя аналогичными.

Второе важное условие, которое необходимо соблюсти для того, чтобы исследование носило научный характер (и не являлось ни ностальгией по «золотому веку», известному еще с платоновских времен, ни предметом иррациональной веры), по форме своей почти совпадает с первым условием. Это один из принципов классического рационального познания: принцип выключенности наблюдателя, или принцип объективности исследования. В данном случае он обозначает условие, при котором наблюдатель не является частью ни той, ни другой системы (социокультурной), ибо любая система воспринимает внешнюю среду как дестабилизирующую. Невозможно адекватно оценить состояние системы, находясь внутри нее. Особенность социогуманитарного

знания, как справедливо отметил Ю.Н. Солонин, состоит в том, что язык культурологического дискурса предназначен для описания состоявшихся социокультурных систем.

Третьим важным условием, необходимым для исследования не только феномена советской культуры, но любого социокультурного явления, является единство методологии и языка обсуждения. К сожалению, в настоящее время для социогуманитарного знания характерна парадигмальная и концептуальная множественность (и противоречивость). Для неклассического познания эта ситуация органична, но создает принципиальные ограничения познавательным возможностям относительно феноменов современности. Можно исследовать принципиально разными подходами отдельные аспекты социокультурного феномена, но совершенно некорректным является использование в одном исследовании взаимоисключающих концепций общественного развития. Например, описание социокультурной общности в категориальном аппарате взаимоисключающих подходов – формационного и цивилизационного. Но современное состояние социогуманитарного знания пока не позволяет выйти из противоречивой ситуации парадигмального многообразия. На сегодняшний день не существует единой адекватной методологии социогуманитарного исследования: формационный подход уступил позиции цивилизационному, но цивилизационный не стал универсальным для всех областей социального знания. После распада советской культуры, когда трудно стало настаивать на универсальном ходе истории, даже самые стойкие сторонники истмата и эволюционно-стадиального подхода говорят сегодня на языке цивилизационной парадигмы, отстаивая теперь самостоятельность «советской цивилизации».

В познании феномена советской культуры есть ограничение и ситуативного характера. В силу идеологических обстоятельств в нашей науке социокультурные исследования были неуместны. В эпоху господства исторического материализма культурология пряталась за другими названиями и, как замечает С.Н. Иконникова, «в традиционном корпусе общественных наук ей места не было»¹⁰. Поэтому невозможно было до определенного исторического рубежа не только становление культурологии, но даже объективное накопление эмпирического материала. В силу этого обстоятельства подавляющее большинство исследований, как показано выше, носят феноменологический характер. Главным образом, это исследования частных дисциплин – искусствоведения, этнографии, истории и т. д. Методология культурологического исследования еще в стадии становления, и над исследователем довлеет научная традиция, которую редко кто может преодолеть. В этом контексте уместно привести слова представителя естественнонаучного знания, гораздо в меньшей степени субъективированного. Рассуждая о закономерностях познания, великий физик М. Планк с сожалением заметил: «Великая научная идея редко внедряется путем постепенного убеждения своих противников... В действительности дело происходит так, что оппоненты постепенно вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей». Причем слова эти были сказаны задолго до ставшей знаменитой книги Куна (1962 г.), в речи, произнесенной в 1933 г. на заседании Общества немецких инженеров¹¹. В связи с этим следующим условием, которое должно быть по возможности соблюдено при исследовании феномена советской культуры, является формирование профессионального культурологического сообщества, которое до сих пор в значительной степени представляет собой коллектив историков, искусствоведов, филологов.

При соблюдении этих условий мы когда-нибудь приблизимся к пониманию того, что сегодня называется советской культурой. Возможно, прав Ю.Н. Солонин, утверждая, что культурологический язык – язык описания мертвых культур. Но, сравнивая три прошедшие конференции, можно сделать выводы о том, что, во-первых, феномен советской культуры вызывает все больший интерес (и отрадно, что как раз у молодых исследователей), а во-вторых, что эмоциональный подход уступает место взвешенному анализу. В заключение конференции участники выразили желание продолжить советологические исследования и сделать встречи периодическими.

¹ См. например: Абсалямова И.А. Место советской культуры в истории российской цивилизации // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 20–23; Джегутанов Б.К. Глобализация и русская духовность // Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 6 июня 2003 г. БГТУ. – СПб., 2003. – С. 113–118; Никишов Г.А. Советская система образования как образец гуманистических ценностей в мировой культуре // Там же. – С. 79–83.

² Кефели И.Ф., Мозелов А.П., Пуляев В.Т. Культура будущей России // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 42–49.

³ См. например: Тимошевский А.В. Советская культура: одухотворенная тоталитарность или тоталитарный прорыв к высокому духу? // Там же. – С. 26–28.

⁴ Какурин А.А. Духовность и советская культура // Там же. – С. 63–65.

⁵ См. например: Тимошевский А.В. Указ. соч.

⁶ См. сб.: Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 6 июня 2003. БГТУ. – СПб., 2003.

⁷ Мыльников А.С. Феномен советской культуры как предмет изучения: пять советов будущим исследователям // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 6–8.

⁸ Таковы, например, статьи А.В. Рябова, И.И. Толстиковой, Н.П. Овчинниковой в сб.: Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 6 июня 2003. БГТУ. – СПб., 2003.

⁹ Солонин Ю.Н. Советская культура: мираж или реальность? // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 88–90.

¹⁰ Иконникова С.Н. Парадоксы и псевдонимы культурологии в 70-е годы // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 40–42.

¹¹ Планк М. Единство физической картины мира. – М., 1966. – С. 189.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ МИФОЛОГИЯ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА»

27–29 июня 2008 г., Красноярск

Конференцию организовали Фонд Михаила Прохорова и Сибирский федеральный университет совместно с Красноярским музейным центром. Она была приурочена к 100-летней годовщине катаклизма (с 30 июня 1908 года и началась история «тунгусского мифа»).

Что мы сегодня знаем об этом? История вопроса, в общем-то, известна. 30 июня 1908 года в 60 километрах от эвенкийского поселка Ванавара в бассейне реки Подкаменная Тунгуска случилось нечто, что ученые сегодня предпочитают осторожно называть «Тунгусской катастрофой» или «Тунгусским феноменом» (ТФ). Очевидцы видели огненный болид, слышали громовые раскаты, похожие на пушечные залпы. Ударную волну, дважды обогнувшую земной шар, зарегистрировали все сейсмостанции планеты. В течение нескольких суток в разных регионах наблюдались необычные атмосферные явления.

О происшествии в тунгусской тайге написали только сибирские газеты – ни научного, ни обывательского интереса катаклизм тогда не вызвал. В 20-е годы, спустя два десятилетия после события, московский геолог Леонид Кулик по собственной инициативе посетил эти места, собрал устные свидетельства очевидцев, исследовал окрестности и даже построил избу неподалеку от места катастрофы. Кулик был уверен, что в июне 1908 года в тунгусской тайге упал метеорит, и провел несколько экспедиций в поисках его осколков. Он ничего не нашел, но стал первой культовой фигурой ТФ-эпопеи. Кулик погиб на фронте в первые месяцы войны, и на несколько лет о Тунгусском метеорите забыли.

Следующим человеком, с которым связывают историю ТФ, стал писатель-фантаст Александр Казанцев. В 1946 году он опубликовал рассказ «Взрыв», где предложил собственную версию произошедшего: в тунгусской тайге, утверждал Казанцев, потерпел крушение корабль инопланетян. Поскольку никаких материальных следов на месте катастрофы не обнаружили, гипотеза была несколько отредактирована: мол, корабль совершал не посадку, а взлет. Эта версия вызвала немалое смущение умов. Даже ракетостроитель Сергей Королев добился отправки в район экспедиции с целью найти фрагменты иноземного летательного аппарата. Следует добавить, что рассказ Казанцева появился «right place, right time»: после взрыва американских атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки, эсхатологические и алармистские общественные настроения вызвали рост интереса к вещам, символизирующим катастрофические глобальные катаклизмы, и не последним в этом ряду оказался ТФ.

Наконец, третьим человеком, канонизировавшим миф о Тунгусском явлении, стал известный ученый Кирилл Флоренский. Он, по сути, был первым ученым, поставившим исследования феномена на грамотную научную основу. В состав его экспедиций входили самые разные специалисты – от почвоведов до физиков-ядерщиков. Параллельно с работами экспедиций Флоренского в конце 50-х появилась так называемая КСЭ, комплексная самодеятельная экспедиция, созданная энтузиастами-учеными из научных центров Сибири – Томска, Новосибирска

и Красноярска. КСЭ ознаменовала переход ТФ из ведения академической науки в разряд фольклора. Отныне каждый год в район Ванавары отправлялись физики, романтики, мистики, туристы – словом, кто угодно, а количество гипотез о том, что же случилось в тунгусской тайге 30 июня 1908 года, превысило сотню.

Последние 20 лет ТФ пребывал где-то на периферии академической науки, став одним из субъектов массовой культуры и общественного сознания. С этой точки зрения Красноярская междисциплинарная конференция «Научная и культурная мифология Тунгусского метеорита» преследовала очень важную, на мой взгляд, задачу. Не установить, что же именно случилось, а посмотреть на проблему с гуманитарных позиций, проследить, как на протяжении нескольких десятилетий изменялось отношение к ТФ – ученых, исследователей, досужих обывателей. Трасирующий след, оставленный Тунгусским метеоритом не в пространстве, а во времени, – вот что стало предметом дискуссий. Задача нелегкая. Нелегкая хотя бы потому, что впервые изучали не феномен, а правила его отдельной жизни.

Сама конференция состояла из двух частей. Первая – научно-культурологическая: доклады о различных аспектах современного восприятия ТФ. Ученый-астрофизик Владимир Коваль (Москва) провел обзор наиболее распространенных научных гипотез причин ТФ. Ректор Сибирского федерального университета Евгений Ваганов рассказал, как последствия взрыва в тунгусской тайге исследовались с помощью изучения годичных колец на срезах с деревьев, растущих в зоне катастрофы. Член-корреспондент АН, директор Института математического моделирования (Красноярск) Владимир Шайдуров в докладе с красноречивым названием «Только факты» рассказал о том, что удалось узнать о природе ТФ с помощью инструментальных измерений.

Вторая часть – культурологическая – была посвящена «социальной мифологии» ТФ. Доктор культурологии Анна Рылева (Москва) изучила наиболее известные события 1908 года, «года Тунгусского метеорита», чтобы сделать вывод: на уровне обывательском ни о каком ТФ в год его падения почти не говорили. Тульский филолог Константин Иванов предположил, что само представление о ТФ изменялось на протяжении нескольких десятилетий и зависело не столько от научных открытий, сколько от настроений в обществе. Стипендиат фонда Герды Хенкель Николай Митрохин предложил рассмотреть ТФ как часть сциентистских верований советской интеллигенции, которой подобные явления во многом заменили религиозную жизнь.

Парадоксальные, необычные, дерзкие выводы, затейливые дискуссии – собственно, это отличает все конференции Фонда, главным признаком которых всегда являлся междисциплинарный подход к теме.

Не меньший интерес у гостей конференции вызвала специально подготовленная арт-программа. Это, к слову сказать, еще одна традиция конференций Фонда Прохорова: научная часть непременно дополняется художественной. На помощь *ratio* приходит *emotio*, что вкупе создает сильный эффект. На сей раз арт-программа включала в себя проведение выставки «Тунгусское вещество», на которой московские, петербургские, красноярские художники представили свои работы, вдохновленные, как отметил куратор программы Сергей Ковалевский, «загадкой самого явления ТФ, которую до сих пор так и не сумели разгадать».

Подводя предварительные итоги, отметим, что Тунгусский феномен перестал быть «просто» научным фактом или «просто» аномальным явлением, но стал частью массовой культуры, даже своего рода «бродячим сюжетом»: нечто, прилежавшее к нам из космических глубин, вызвало взрыв не только в глухой тайге,

но и в массовом сознании. ТФ давно живет самостоятельной жизнью, он стал не столько научным (или лженаучным), сколько культурным, социальным, информационным, даже мифологическим субъектом. Миф, которому исполнилось сто лет, способен по-прежнему вызывать споры, порождать очередные гипотезы и легенды, продуцировать художественные концепции. Ведь то же самое, по сути, произошло и с самим метеоритом: люди не видели его, а изучали оставленные им следы.

Н.В. Ловелиус
Ю.М. Карбаинов
С.Э. Панкевич

ИСТОРИЯ РАЗОРЕННОЙ ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ

Полярная станция «Озеро Таймыр» начала работать с 1 сентября 1943 года, когда наша страна переживала тяжелейший период в Великой Отечественной войне. Ее создание было вызвано необходимостью обеспечения метеорологическими данными Полярной авиации, обслуживающей зону боевых действий, многочисленные экспедиции геологов и кораблей, идущих по Северному морскому пути.

Первым начальником станции был Свирненко Петр Степанович, проработавший на станции безвыездно восемь лет. В отдельные годы штат станции из-за недостатка мест для проживания состоял из двух человек.

Благодаря круглосуточной и круглогодичной работе Полярных метеорологических станций осуществлялась бесперебойная проводка судов с продуктами и вооружением в труднодоступные районы Крайнего Севера. За время работы станции с 1943 по 1995 г.г. сменилось несколько поколений наблюдателей, работавших в сложных условиях Заполярья.

В послевоенные годы услугами метеорологов полярной станции «Озеро Таймыр» широко пользовались пилоты Хатангского объединенного авиаотряда, работавшие в Арктике в районе оз. Таймыр и на сопредельных территориях.

Разорение высокоорганизованной сети метеорологических и Полярных станций нашей страны в 1990-е годы не обошло стороной и Полярную станцию «Озеро Таймыр». Предвидя эту злостную акцию, Ю.М. Карбаинов, тогда директор государственного природного биосферного заповедника «Таймырский», обратился в Главное управление Гидрометслужбы с просьбой создать на базе Полярной станции кордон заповедника, чтобы не утратить ряд бесценных многолетних метеорологических наблюдений, но получил отказ. По здравому смыслу хорошо отлаженную базу станции следовало законсервировать, чтобы ввести в работу при благоприятных экономических условиях освоения природных ресурсов Арктической зоны России. Но этого не последовало.

Прошло немного времени и сотрудники телестудии «ЭКОС» под руководством Олега Викторовича Волюнкина из Иваново, разыскивавшие вездеход геолога-первопроходца Николая Николаевича Урванцева, обнаружили и сообщили в заповедник, что имущество Полярной станции «Озеро Таймыр» разграблено,

а часть ее архива, уцелевшая после поджога, затапливается тальми водами. Ю.М. Карбаинов, уже бывший директор заповедника, имевший полное представление о ценности погибающего архива, срочно направил туда бригаду в составе С.Э. Панкевич, А.В. Уфимцева, Е.В. Богданова для спасения уцелевшей части архива от пожара, водной стихии и бесхозяйственности. Много дней было потрачено сотрудниками заповедника на просушку привезенных материалов.

В 2008 году началась разборка спасенной части архива полярной станции «Озеро Таймыр». Эту кропотливую работу выполняет опытный сотрудник заповедника «Почетный Полярник СССР» Александр Васильевич Уфимцев, работавший в Арктике и Антарктиде.

Принимая во внимание важность наблюдений за изменениями метеорологических условий в районе оз. Таймыр, крупнейшего из озер Арктической зоны России, заповедником с 2005 года в устьевой части реки Каламисамо, у впадения в наиболее выдвинутую на юг часть залива оз. Таймыр – Байкура-Неру, ведется строительство мониторинговой станции. Создаваемая станция будет выполнять функции опорного пункта заповедника и вести круглогодичные наблюдения за изменениями гидрометеорологических элементов. Строительство этой станции поддержано со стороны Главного экологического фонда, направленного на решение одного из основных компонентов в реализации проекта по усилению охраны природных комплексов особо охраняемых природных территорий.

Работой мониторинговой станции будет восполнено отсутствие гидрометеорологических наблюдений в районе оз. Таймыр, на необходимость которых указывали видные отечественные исследователи Арктики Б.А. Тихомиров, Е.Е. Сыроечковский, В.М. Макеев.

Н.В. Ловелиус
Ю.М. Карбаинов
С.Э. Панкевич

ИЗУЧЕНИЕ САМОГО СЕВЕРНОГО В МИРЕ ЛЕСНОГО МАССИВА

В 2008 году исполнилось 30 лет со дня опубликования коллективной монографии «Ары-Мас. Природные условия, флора и растительность самого северного в мире лесного массива»*. Это была вторая по счету работа, посвященная этому лесному феномену на Таймыре. Впервые «Ары-Мас» в 1934 году обследовала Л.Н. Тюлина при выполнении программы Института Арктики и Антарктики под руководством В.Б. Сочавы. Хорошее знание природы Субарктики дало возможность Л.Н. Тюлиной выполнить исследование лесной растительности Хатангского района настолько квалифицировано, что оно не утратило научной и методической ценности для специалистов до настоящего времени. Эта работа была переиздана сотрудниками заповедника в виде отдельной книги в 1996 году к 370-летию Хатанги.

* Ары-Мас. Природные условия, флора и растительность самого северного в мире лесного массива. – Л.: Наука. 1978. – 190 с.

В период организации Международной биологической программы (МБП) с 1969 года на «Ары-Масе», в бассейне р. Новой (72° 30' с. ш.) начал работать стационар Полярной комплексной экспедиции Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР, включенный в сеть международных стационаров. Научным руководителем исследований был Б.Н. Норин, обязанности начальников стационара летом в разные годы выполняли Н.В. Ловелиус, В.В. Украинцева, В.А. Демьянов; а в холодную часть года (снегомерных отрядов) – Н.В. Ловелиус (1973–1975 гг.).

Результаты исследований на стационаре (1969–1978 гг.) опубликованы в названной книге, в многочисленных статьях и трудах Тундрового БИОМА, в котором нашу страну представлял доктор биологических наук, профессор, Почетный Полярник СССР Б.А. Тихомиров.

С момента организации Государственного природного биосферного заповедника «Таймырский» прошло 29 лет, 30-летний юбилей будет в 2009 году. «Ары-Мас», как один из участков заповедника, находится в сфере постоянного внимания в связи с относительной доступностью его из Хатанги в любую часть года без использования услуг безмерно дорогой авиации. Это позволяет постоянно публиковать исследования на «Ары-Масе» в трудах заповедника, книгах, «Летописи природы» и периодических изданиях.

В июле 2008 года организованы комплексные исследования древостоев «Ары-Маса» с целью оценки жизнеспособности лиственницы Гмелина в пессимальных условиях произрастания на полярном пределе ее распространения. В составе экспедиции доктора биологических наук Р.А. Зиганшин, Н.В. Ловелиус, кандидаты наук Ю.М. Карбаинов, В.А. Первунин, сотрудники П.М. Корягин, М.Ю. Карбаинов, О.А. Малолыченко, В.Ю. Чурашов, ученик 11 класса Хатангской школы М.А. Кудряшов.

К 30-летию заповедника по результатам многолетних исследований и работ этого полевого сезона будет подготовлен юбилейный сборник избранных трудов, посвященных изучению лесного феномена Российской Арктики – самому северному в мире острову леса.

**А.О. Бороноев
Д.В. Миронов**

«СОЦИОЛОГИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА»: ПРЕЗЕНТАЦИЯ СБОРНИКА

В этом году исполняется 50 лет Советской социологической ассоциации (1958) и 40 лет Институту социологии РАН (1968). В рамках этих важных дат проводятся конференции, встречи, презентации книг, работают различные социологические общества и ассоциации. Идет подготовка очередного Всероссийского социологического конгресса (первый состоялся в Санкт-Петербурге в 2000 году), который будет проходить в Москве 21–24 октября. Этот конгресс должен подвести итоги развития отечественной социологии за последние 50 лет, когда началось ее возрождение после 30-летнего забвения. 2008 год объявлен Российской академией наук годом социологии.

В марте 2008 года прошла юбилейная сессия социологов, организованная РАН. На этом заседании были подведены некоторые итоги и прослежены основные этапы возрождения и развития социологии в советский период, а также ее перспективы в постсоветское время. Основными докладчиками выступали зачинатель социологических исследований в 60-е годы, один из организаторов Института социологии Советской социологической ассоциации Г.В. Осипов и нынешний его директор, член-корреспондент РАН М.К. Горшков. На этом заседании был принят план мероприятий, который включает в себя проведение конференций, круглых столов, издание и презентацию книг по актуальным проблемам социологического знания.

Учеными факультета социологии СПбГУ, в состав которого входит Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), был подготовлен и издан сборник «Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века»*. Его презентация состоялась на факультете социологии в аудитории имени М.М. Ковалевского при участии представителей ведущих вузов города.

Идея такого исследования возникла в период празднования 40-летия НИИКСИ, фактически первого социологического института в стране, если не считать Социологический институт в Петрограде, созданный в 1920 году и функционировавший совсем недолго. Сегодня часто можно слышать, что социология советского периода была носителем тоталитарной идеологии, поэтому не имела позитивных результатов и научного значения. Действительно, идеологическое давление и контроль были весьма сильными, но это не убивало истины в исследованиях эмпирического и историко-социологического характера. С 1960-х годов формировались социологические центры, исследовательские группы, в рамках которых проводились актуальные исследования структуры социальных отношений. Многие исследования, как отмечал Г. Батыгин, имели большой социально-управленческий эффект, формировали коммуникационную среду для обсуждения социальных проблем в коллективе и взаимоотношений с властями. Об этом же в середине 70-х гг. XX в. писал исследователь советской социологии Рене Альберт.

До сегодняшнего дня существует усеченное представление об основных направлениях ленинградской социологии. В современных изданиях они часто сводятся к деятельности нескольких исследовательских групп; тем самым вне внимания остаются многие начинания, работы по которым продолжаются и в настоящее время. Сегодня, когда мы говорим о необходимости написания полной истории российской социологии, очень важно сформировать четкое представление обо всех результатах и опыте исследований в региональных центрах, в том числе в Санкт-Петербурге, где в основном и развивалась отечественная социология. В сборнике представлены направления, которые занимаются социологией молодежи, социологией девиантности, науки, политики, семьи, производственной социологией и т. д.

Очень важной задачей было возвращение имен организаторов и основных исполнителей этих исследований. В сборнике показана роль таких ученых, как В.П. Рожин, Б.Г. Ананьев, В.П. Тугаринов, Б.А. Чагин, В.Р. Полозов, А.С. Пашков, С.С. Кузьмин, Г.Н. Черкасов, П.Н. Лебедев, М.Н. Межевич, Ю.П. Суслов, А.К. Белых, Ю.С. Мелешенко, В.Т. Лисовский и др. Каждый из названных ученых, которых сегодня нет с нами,

* Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века / Отв. ред. А.О. Бороноев. – СПбГУ, 2008.

внес свой вклад в развитие социологических исследований в нашем городе и в стране, и творчество каждого заслуживает персонального рассмотрения.

Авторов сборника можно разделить на две группы. Первую группу составляют ученые, которые были участниками этих исследований и продолжают их в настоящее время. К ним относятся А. Русалинова, Б. Максимов, А. Козлов, Е. Смирнова, В. Виноградов, А. Шаров, Я. Талинский, Н. Боенко, Т. Пелевина, Т. Поспелова и др.

Вторую группу составляют молодые исследователи, для которых опыт ленинградской социологии – уже история. Они фактически являются учениками тех, кто стоял у истоков социологии названного периода: Н. Ащеулова, В. Тхакахов, Е. Костин, М. Смирнов, И. Осипов, М. Кашина.

В процессе формирования сборника сложился заинтересованный коллектив, и исследования в рамках программы «Российская социология», которая осуществляется Социологическим обществом им. М.М. Ковалевского и факультетом социологии СПбГУ, будут продолжаться.

Можно отметить ряд проблем, оставшихся нераскрытыми. Во-первых, не освещены некоторые направления, например, не представлен опыт этносоциологических исследований, которые связаны с творчеством Т.Ю. Бурмистровой, З.В. Сикевич и др. Во-вторых, в тексты недостаточно включены сравнительные материалы. Исследования проводились во многих регионах СССР часто по единой методике, и существовали интересные коллективы.

После презентации книги было проведено расширенное заседание комитета Социологического общества им. М.М. Ковалевского с участием руководителей социологических центров города под руководством председателя комитета, декана факультета социологии СПбГУ Н.Г. Скворцова. На заседании были подведены некоторые итоги работы Социологического общества и обсуждены актуальные проблемы активизации совместной деятельности социологов региона. Потребность в этом существует давно, и она определена несколькими факторами. Во-первых, только в одном Санкт-Петербурге около десяти вузов, где готовят социологов (СПбГУ, ИНЖЭКОН, Университет сервиса и экономики, Педагогический университет, Европейский университет и др.). Во многих вузах имеются социологические кафедры или секторы. Социологию изучают около 3000 студентов и аспирантов. Это требует поиска новых форм общения, обмена опытом, подготовки совместных изданий, то есть объединения сил.

Во-вторых, необходимо активно представлять результаты исследований, социологическое знание, расширять круг взаимодействия с властями, предпринимательством, общественностью. Без этого социологические исследования остаются невостребованными.

В-третьих, актуален поиск новых форм работы со студентами, проведения совместных творческих мероприятий – конкурсов, изданий, конференций.

В-четвертых, через объединение усилий необходимо совершенствовать деятельность Социологического общества им. М.М. Ковалевского, которое существует уже 90 лет и с момента своего возрождения в 1993 году ведет активную работу по развитию социологических сообществ и социологических традиций в стране: проводит конференции, издает книги и журналы («Журнал социологии и социальной антропологии», «Социальные проблемы»). Оно было организатором и I-го Всероссийского социологического конгресса.

Выступившие на презентации книги и расширенном заседании комитета Общества выразили удовлетворение выходом в свет сборника (Б.И. Манилов, Социологический институт); отметили актуальность издания, которое, по их мнению,

достаточно полно представляет читателю ленинградский опыт социологических исследований, и предложили продолжить этот проект (Я.И. Гилинский, Социологический институт). В.Д. Плахов (РГПУ им. А.И. Герцена) и А.А. Русалинова (СПбГУ) поддержали идею организации городских социологических чтений и издания социологического ежегодника. В.Д. Плахов, говоря о ленинградской школе социологии и ее традициях, обратил внимание на необходимость активной презентации ее идей. М.Б. Глотов (Полярная академия) предложил для полного представления о социологах города и социологических центрах подготовить новое издание сборника «Социологи Санкт-Петербурга». В.В. Козловский (СПбГУ) особо отметил роль кафедры теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ как центра исследований по истории отечественной социологии.

В заключение было принято решение с будущего года проводить Санкт-Петербургские социологические чтения, посвятив их в 2009 году 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина, выдающегося российского социолога и социального мыслителя. Первые чтения планируется организовать на базе факультета социологии СПбГУ, а далее они будут проводиться ежегодно в различных вузах, имеющих кафедры или факультеты социологии, при содействии Социологического общества им. М.М. Ковалевского. Решено также, что вуз-организатор будет издавать «Санкт-Петербургский социологический ежегодник», а каждый университет, проводящий очередные чтения, сможет предложить свою тему в рамках общего направления. Сформированы Оргкомитет и редколлегия ежегодника, начата подготовка общегородского издания и 1-х Санкт-Петербургских социологических чтений.

К.Г. Исупов

НАСЛЕДИЕ СВ. ФРАНЦИСКА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ДНЯ. Рецензия на книгу М.С. Самариной «Франциск Ассизский и его наследие: от истоков к современности»*

Опыт практической аскезы, жития и поучения ассизского святого переживают на отечественной почве свое второе рождение. Одно за другим следуют переиздания «Цветочков», потоком идут статьи; не дремлют и «изобличители» – новейшие ревнители православия¹.

Известный петербургский италянист и медиевист выпустил свою монографию как нельзя кстати: в 2009 г. христианское человечество будет отмечать значительный юбилей францисканского Ордена.

Начинается монография кратчайшим культурологическим очерком средневековой религиозности Италии XII–XIII вв. **Сейчас множество людей, благодаря переизданиям блестящих работ Л. Карсавина и П. Бицилли, ряда переводных исследований школы Анналов, заморожены этой диковинной эпохой, которая «открывала для себя внутреннего человека, человека духа и души, духовного го-**

* Самарина М.С. Франциск Ассизский и его наследие: От истоков к современности. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 176 с.

рения и мучительного восхождения к Богу, одним словом, того «нового человека», о котором говорил апостол Павел (*Еф.* 4, 22) как о промыслительном плане Творца» (С. 18). Астрология и алхимия, космогония и космология, апокалиптика и эсхатология, история орденов и хилиастических сект, гностицизм и герметизм, философские пристрастия века и рыцарско-куртуазные трактовки образа Девы Марии в Провансе, история Вселенских соборов и Крестовых походов, религиозные войны и эпидемии, политика Ватикана и распри королевских дворов, дела Святейшей инквизиции и книжная справа, – все это и еще многое из того, чем наполнена жизнь «галлюцинирующего общества» (Ле Гофф), в центре внимания М.С. Самариной.

Надо ли говорить, с каким чувством узнавания (чуть ли не «ложной памяти») читаются эти страницы на фоне актуальной современности, переживающей ныне новое «Новое Средневековье»?².

Вторая часть подвергает анализу «слово и дело» *poverello* из Ассизи. Автор выстраивает трехслойную биографию, а по сути – триединую агиографию трех «героев» религиозного подвига: самого св. Франциска, его верной последовательницы св. Клары и основанных ими орденов.

Только у одной Личности в мировой истории «Слово» (проповедь и заповедь) никогда не расходилось с «Делом» (деятельным сочувствием к ближнему) – у Богочеловека и Спасителя мира Иисуса Христа. К этому немислимому идеалу призывал и практически воплощал его итальянский святой. Это и было началом европейского Возрождения, но не в культурническом смысле (анамнезис «всего античного»), а в смысле ответа на проснувшиеся, наконец, религиозные интенции человека новой эпохи.

От себя добавим, что Франциск явил людям практику новой святости и с ней новую картину мира и новую философию поступка. Святой Франциск был первым человеком Ренессанса, который вышел из Платоновой пещеры на свет Божий и окунулся в материю мировой приязни. На фоне эмблематично-символической куртуазной культуры, с ее утонченной поэтической семантикой и изысканным ритуалом рыцарского служения Франциск и впрямь выглядел простаком: он почувствовал себя нитью в Божьей ткани бытия и стал называть вещи мира своими подлинными именами. А подлинное имя есть имя родства, утверждающее телесный монизм сплошь уродненного мира (М. Пришвин называл это «сочувственным вниманием»; но то, что у Пришвина – симпатия, у Франциска – эмпатия).

Прямые именованья: «сестрица–водица», «брат–волк», «смерть–сестра» возможны в мире, впервые нарекаемом, как в Эдеме. Впервые вещи бытия оглядываются на имена своих сущностей. Мир призван к существованию через имена, как в демиургических номинациях Пантократора: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (*Быт.* 1, 6). В телесно-чревном мироощущении св. Франциска все трансцендентное становится имманентным: между словом и вещью, между именем и существом (камнем, рекой, Солнцем, Klarой) устраняются все условности семантической конвенции, и вещь «впадает» в имя, т.е. в Бытие, и уже не теряется в нем.

Это не «эстетика тождества» и даже не «миф» (для которого нет границы меж словом и вещью), не «пантеизм» и вообще не мировоззренческая конструкция, это – видение живой плотию, неотторжимой от всех уровней целокупного Космоса: от эмпирии до Эмпирея.

Свершительный час аскезы Франциска – зрелище распятого в небесах Серафима – был пережит со всем натурализмом и со всей органично-телесной сверхъ-

естественностью Голгофского Чуда: беднейший мира сего обретает запечатления последней тайны: стигматы. Однажды решившись на уход, он избавляется от мирской необходимости в *личине*; в деятельной аскезе он раскрывает свое *лицо*; на ступени созерцательного аскетизма перед нами сияет *лик* святого, до конца исполнившего завет богоподобия, заданный всем человекам: быть живой иконой. Святость и есть живовоплотившаяся иконичность Божьей твари, пережившей в своем религиозном опыте этапы триады «личина / лицо / лик».

М.С. Самарина – филолог *par excellence*, поэтому вполне уместно в составе книги выглядят две главы, посвященные проблемам текстологии, перевода и научного комментария немногих текстов Франциска и ранних францисканцев. Особенный интерес представляет работа автора над «*Cantico delle creature*» (первоначально – «*Cantico di Frate Sole*»), – молитвой, которой повезло на талантливых переводчиков: от А. Ельчанинова и М. Шагинян до С. Аверинцева и О. Седаковой. Далеко не только филологической проблемой становится адекватный раннеренессансному христианству перевод самого имени текста. Что это за молитва: «Гимн брату Солнцу» (традиция ранних переводов), или «Песнь благодарения во всех тварях Божьих» (гимническое именование у С. Аверинцева), или полужычское «Солнечное песнопение» (как перевел на немецкий манер И. Вишневецкий) (С. 79–80)?

В монографии предложено: «Гимн творений» – и приведен текст перевода (в составе еще нескольких) (С. 162–163). Автор мотивирует свой вариант тем, что «проблема здесь не столько грамматическая, сколько теологическая, и состоит не только в неоднозначности итальянского и латинского родительного падежей, но и в разграничении ролей Творца и творений, субъекта и объекта. Для русской словообразовательной модели не менее значима теологическая и эстетическая детерминация «творчество – Творец – Тварь» (С. 79). Споры нет, уточнения М.С. Самариной заставляют задуматься, и все же словосочетание «гимн творений» не избавляет его от той грамматической игры модальностями, которой нет в итальянском оригинале: в предложенном изводе грамматический субъект неуловимо сливается с объектом, т. е. «гимн творений» как-то незаметно «переходит» в «гимн творениям». Тут, конечно, не переводчик, а язык «виноват».

В. Брюсов, представитель буквалистской школы перевода, сыграл в свое время на этой грамматической двусмыслице, когда писал стихотворный цикл «Стихи Нелли». Попробуй, пойми: то ли стихи обращены «к Нелли», то ли некая Нелли сама их произвела... Тут впору повторить горькие слова известного герменевтика-француза: «В работе над переводом есть и своя глубокая скорбь, ибо «совершенный» перевод недостижим, и переводчик в какой-то момент вынужден отказаться от воплощения своего идеала»³.

Сюжетом «Франциск на исламском Востоке» занята вся пятая глава, на небольшом пространстве которой М.С. Самарина сумела развернуть сложнейшую проблематику диалога двух цивилизаций и соответственно – двух конфессий. Может быть, это и «просто легенда» – знаменитое событие встречи св. Франциска с султаном Египта Мелек аль-Камилем (1219) во времена Пятого Крестового похода, – но разве не легенда и даже не чудо – всё беспримерное житие ассизского подвижника? Во всяком случае, не будь это событие знаковым для истории ренессансного обновления христианского мироощущения и для истории судьбоносного миссионерства св. Франциска, оно, как показано в книге, не было бы запечатлено в известной фреске Джотто в Верхней церкви в Ассизи, не удостоилось бы специального внимания автора «Божественной Комедии» (*Par.* XI,

100–106) и не стало бы бродячим сюжетом от сборника XIII в. «Новеллино» и «Декамерона» («Новелла о трех кольцах») до Лессингова «Натана Мудрого» (1779).

Не без изящества в шестой главе выстроена аналогия «Франциск / Дон Кихот» на широком фоне испанского Ренессанса. «Кихотизм» стал, благодаря, в частности, Мигелю де Унамуно («Житие Дон Кихота и Санчо», 1905) национальной религией испанцев. Более того, «Франциск в изображении Эль Греко (в особенности на известной картине последнего периода творчества художника, находящейся в госпитале Иоанна Крестителя в Толедо, создававшейся в одно время с работой Сервантеса над романом) странным образом предстает стигматизированным Дон Кихотом во францисканском одеянии». Толедо, «город великих оружейников, рыцарей, поэтов и мистиков», стал средоточием национальной феноменологии францисканства. Этот город, «объединивший в один блестящий период Кеведо и Сервантеса, Лопе де Вегу и Тирсо де Молину, Гонгору и св. Терезу, св. Иоанна де ла Крус, странным образом объединил и слил воедино образы Дон Кихота и Франциска Ассизского» (С. 125–126).

Конечно, автор не мог пройти мимо темы «Франциск Ассизский и Россия». Мы до сих пор не имеем монографического освещения этой большой и серьезной темы. Ни для кого не секрет, что основоположник итальянского литературного языка и по-ренессансному бесстрашный проповедник⁴, Франциск – наиболее почитаемый в ареале православия и в рамках отечественной светской культуры католический святой. Когда автору настоящих заметок приходилось этой темой заниматься, то нельзя было не поразиться тому, насколько богатым оказался материал по этой теме⁵. Если не считать архим. Августина (Никитина), который в разных изданиях в россыпь напечатал уже целую книгу о рецепции наследия св. Франциска русской культурой, мало кто и брался за подобные вещи.

Очерк о восприятии образа Франциска отечественной литературой и философией, созданный на той же высоте компетентной ответственности, что и предшествовавшие этюды, органично переходит в «Краткий очерк истории францисканистики», завершающий всю монографию. Для читателей-неспециалистов по итальянскому Средневековью и Возрождению эта часть работы особенно драгоценна: это тот минимум (так и хочется сказать: «кандидатский минимум»), коль скоро автор – человек не Академии, но Школы), без которого нам всем никак не обойтись.

Пафос книги – в утверждении слова и дела св. Франциска как знаменья раннеренессансной религиозности в ситуации переходной эпохи. Но, как говорит М. Бахтин, непременных эпох не бывает.

Позволим себе добавить, что если Франциск действительно совершил открытие нового мироотношения, то, видимо, состоит оно еще и в новом понимании тела и телесности, и в этом смысле его инициатива – вполне ренессансная: от тела никуда не денешься, но его можно научить «думать» и тем самым войти в такие пространства диалога, о которых не ведают ни «логика», ни «разум», ни даже «интуиция», но знает само «пространство» – «плоть существования», «вещество существования» (выражение А. Платонова, герои-юрродивые которого близки Франциску своего рода чревым космизмом), знает «мировая плоть», ее благодатная Плерома и внутринединная, дружественная и самотождественная, довлеющая себе материя мирового сочувствия – нет разделения меж живым и мертвым, женским и мужским, между волком и «братом Волком», водой и «сестрицей Водой».

Иначе говоря, это ангельское пространство, пронизанное светом и нитями Живой Славы, – то самое, в котором Клара беседует с Франциском. Недаром сло-

ва Апостола (*Мф.* 10, 9) услышаны им в церкви, посвященной Марии Ангелов (*S. Maria de Angelis*).

Св. Франциск нашел, набрел на это пространство, вошел и получил все сразу – всю азбуку понимания и общения и поразился дикости мира внешнего, не ведающего о дольном Эдеме всеохватного содружества тварей и стихий. Замечательно понято на языке своеобразной эстетической ангелологии это симфоническое единство тварей в Боге Тейяром де Шарденом, автором трактата «Божественная среда» (1926–1927).

Скажем в заключение, что монография включает небольшую хрестоматию-билингву (С. 161–174) – итальянские и латинские оригиналы и авторские переводы текстов; есть и четыре вклейки- иллюстрации ассизских фресок, замков и монастырей.

Писать о Франциске трудно. Писать о Франциске – ни с чем не сравнимое духовное удовольствие, сколь ни греховным это может показаться. Марине Сергеевне Самариной удалось создать исследование, в котором насыщенный энциклопедизм серьезного ученого-медиевиста редчайшим образом сочетается с не менее редкой женственностью письма. Поздравим автора с удачей.

¹ Бекорюков А. Франциск Ассизский и католическая святость. – М., 2001.

² Бердяев Н.А. Новое Средневековье (1923). – М.: Феникс, 1991: Бицилли П. Проблема Нового Средневековья // Новый Град. – 1932. № 2. – С. 50–58.

³ Рикёр П. Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. Цит. по статье: Ачкасов А.В. К вопросу о психологии перевода: Страх / страсть / обладание // Культура и перевод. Сб. статей молодых ученых / Под ред. А.В. Ачкасова. – Курск, КГУ, 2005. – С. 14.

⁴ Эта сторона Франциска дела прекрасно отражена в кн.: *Фьоренцо Реати. Франциск – учитель молитвы.* – М.: Изд-во францисканцев, 2000. – 112 с.

⁵ *Исупов К. Г.* Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Вопросы литературы – 2006. № 6. – С. 60 – 88.

SUMMARY

V.N. Kuznetsov

Main periods and peculiarities of capitalistic development in the North-Western region of Russia (second half of XIX-th century)

The paper presents periodization of the Russian empire development in the XIX-th century. The main factors, entities, peculiarities and contradictions of economic and socio-cultural development in the North-Western region of Russia are considered hereinafter.

K.M. Gozhev

History and philosophy of the Great Caucasian war (To the issue of methodological concept)

In 2007 there was the huge celebration of 450 anniversary of conjugation of Russia and Caucasus. In official language the event had a name of «entry» of this region (Adygeya, Kabardino-Balkaria, Karachai-Cherkess) in the composition of Russia. In 2009 there will be the 145th anniversary of the Caucasus war termination. Active «war of interpretations» is being held, the reasons of war, forcible mountain dwellers eviction to Turkey are being discussed. The article is the foreword to the unpublished book «Caucasus and Russia: coupling of cultures and interpretations. The book is dedicated to methodological coordinates of this theme.

M.F. Polynov

Cold war as the way of struggle of the usa against the USSR

In article it is shown, that occurrence of cold war was absolutely natural phenomenon. It was the conscious policy of administration of the USA directed on an establishment of the American domination in the post-war world. Such strategy assumed an establishment not partner relations with the geopolitical opponent, and confrontation. The USA the foreign policy purposes could reach only through confrontation, that is through cold war.

The race of arms directed on economic easing of Soviet Union was one of the main methods of struggle.

A.V. Petrov

Trade unions as institute of a civil society

The article is devoted to research of trade unions as institute of a civil society providing protection of economic human rights in conditions neoliberal social and economic reforms and economic globalization. In the article the basic problematics of sociological researches of trade unions and its activity on protection of human rights in sphere of labor relations is considered. In the article opportunities of creation of sociology of trade-union movement as branches of modern economic sociology also are considered.

Smuggling and fight against it in the North-West of Russia as attributes of social reality in the 20th of XX century

State politics oriented to fortification of newly founded in the 20th of XX century borders of Russia are viewed in the article as well as the measures for border regions administrative support in order to eliminate social base for smuggling existence.

S.A. Zagrubsky

Youth – Social stratum and social problem

The aim of the investigation is the understanding of youth's role in society and the reasons of some peculiarities in young men behavior. One of such peculiarities is youth extremism. The conditions of ability realization of the representatives of this social group are revealed in order to understand this topic.

M.A. Marchenko

Toy in the context of art reforms in the beginning of the XX century

Frame of questions connected to the history of visual art, pedagogics that are rarely united within one work are viewed in the article. Little known material about the history of art toy that still remains the marginal sphere of the humanities is analyzed.

L.M. Mosolova

Modernization and Innovation as concepts of dynamics and educational sphere of culture

The content of the notions of modernization and innovation in culture genesis model context is viewed. It is defined through the distinction between them: modernization taken as cultural change per sample of the West; innovation (a broader concept) is taken as basic element of cultural dynamics.

K.G. Tkhagapsoev

To philosophical cultural dimensions of humanitarian technologies

The following points are viewed in the article: sense of the category of «technology», it is proposed to consider this category as universal method of knowledge being; criterias of humanitarian technologies typologization; role of cultural studies in strategies of humanitarian technologies; humanitarian technologies significance in education model; possibilities of humanitarian technologies formation of national identity in polycultural Russia.

The philosophy of triune synthesis as the theory and methodology of reality processes cognition.

The main principles of the triune synthesis philosophy as the theory and methodology of the worlds cognition, and also as the universal method, incarnating the unity of cognition and progress processes, the genetic tree of the logical system opposites are viewed.

A.D. Jarmolenko

Brasilia and Chandigarh: Architectural portraits of the two capitals (to the 100 anniversary of O. Nimeyera and the 120 anniversary of Le Corbusier's birthday)

The article is dedicated to the problem of artistic peculiarity of two famous architectural complexes built in XX century. The complexes are made after the projects of two great modernist architects.

In spite of the criticism for utopian characters and universalism Chandigarh and Brasilia remain the objects of cultural heritage. Nearly simultaneous construction of the two capitals based on high technological achievements and was connected to the belief that town building may not only state but also stimulate trends to social transformations.

V.V. Ukraintseva

The method of reconstruction of climate of the past and prognostication climate in future based on the spores and pollen analysis data

The method of reconstruction of climate of the past and prognostication climate in future based on the spores and pollen analysis data is represented. The method is based on zones principle. Usage of Similarity Indexes that are calculated for spores and pollen specters deposits of any genesis and age underlies it. Similarity Indexes make it possible to ascertain the objective relationship, which exists between components of spores and pollen fossils and recent spores and pollen specters and therefore the relationship between contemporary vegetation, vegetation of the past and climate. The proposed method makes it possible not only to reconstruct the elements of climate of the past comparing with its contemporary elements, but to forecast the changes of climate on regional and global levels.

L.A. Kudersky

Lake succession in global top soil glaciations epochs

Appearance, progress and disappearance of lakes of global top soil glaciations epochs as in the part of general lake presence on territories and in the part of lakes typogenesis throughout history of Earth's top soil transformation to realize the promising directions of lakes history development, so-called paleolimnology. The Stages of lake succession in global top soil glaciations epochs are strictly fixed in geological chronicles and have the definite chronological limits. Each of the top soil glaciations correspond with some limnogenesis stage.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонович Евгений Николаевич – философ, Санкт-Петербург.

Белобородова Анна Артуровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей литературы Омского государственного педагогического университета, Омск.

Бороноев Асалхан Ользонович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург.

Гожев Кахун Магомедович – кандидат социологических наук, доктор философских наук, заведующий отделом социально-политических проблем института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской республики, Черкесск.

Дробышева Марина Николаевна – кандидат искусствоведения, член Союза театральных деятелей Российской Федерации, член Международного Союза журналистов, Санкт-Петербург.

Егоров Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Псковского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург.

Заглубский Сергей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург.

Исупов Константин Глебович – доктор философских наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

Карбаинов Юрий Михайлович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Государственного природного биосферного заповедника «Таймырский», пос. Хатанга.

Кудерский Леонид Александрович – доктор биологических наук, профессор, главный специалист, Институт озероведения РАН, Санкт-Петербург.

Кузнецов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, Санкт-Петербург.

Ловелиус Николай Владимирович – доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории географии и природоиспользования Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.

Марченко Мария Александровна – искусствовед, член Санкт-Петербургского союза художников, директор Санкт-Петербургского музея игрушки, Санкт-Петербург.

Мионов Денис Викторович – кандидат социологических наук, ассистент кафедры теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург.

Мосолова Любовь Михайловна – доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена, заслуженный работник высшей школы России, сопредседатель Российского культурологического общества, Санкт-Петербург.

Панкевич Сергей Эдуардович – директор Государственного природного биосферного заповедника «Таймырский», пос. Хатанга.

Петров Александр Викторович – доктор социологических наук, доцент кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, исполнительный директор Российско-китайского центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, научный консультант Школы исследований международных отношений в сфере экономики и торговли Харбинского политехнического университета, Санкт-Петербург.

Плебанек Ольга Васильевна – кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета им. Д.Ф. Устинова, член-корреспондент Северо-Западного филиала Академии геополитических проблем, Санкт-Петербург.

Полынов Матвей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России исторического факультета СПбГУ, Санкт-Петербург.

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Кабардино-Балкарского университета, Нальчик.

Украинцева Валентина Васильевна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного природного заповедника «Таймырский», председатель Палинологической секции Всероссийского ботанического общества, Санкт-Петербург – Хатанга.

Ярмоленко Александр Дмитриевич – архитектор, доцент факультета дизайна Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии, Санкт-Петербург.

- В. Г. Егоркин (главный редактор), доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, заместитель директора по научной работе филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Волхов.
- Н. А. Кривич (зам. главного редактора), кандидат культурологии, доцент кафедры теории и методики философско-культурологического образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург.
- В. В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.
- А. А. Алимов, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, председатель комиссии по охране природы Русского географического общества, Санкт-Петербург.
- В. Р. Арсеньев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург.
- А. О. Бороноев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- А. А. Збрицкий, доктор экономических наук, профессор, ректор Государственной академии специалистов инвестиционной сферы, Москва.
- Н. В. Ловелиус, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории географии и природоиспользования Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- Л. В. Никифорова, доктор культурологии, профессор кафедры музееведения и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, член Союза художников РФ, Санкт-Петербург.
- В. А. Румянцев, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- А. И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- И. Я. Фроянов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России с древнейших времен до 1917 г. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.
- Л. М. Чистов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (ИНЖЭКОН), Санкт-Петербург.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр информационных-технологий „Астерион”»

191015, Санкт-Петербург, а/я 83, ЦНИТ «Астерион»;

(812) 275-73-00, 275-53-92, 970-35-70

1. Материалы к публикации предоставляются на электронном носителе на адрес редакции (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, ЦНИТ «Астерион» или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, mail@terrahumana.ru, asterion@asterion.ru. При необходимости прилагается распечатка. Электронная версия должна полностью соответствовать распечатке. Объем статей – не менее 0,5 авторского листа = 20 000 знаков (около 10-ти страниц), не включая ссылки и сноски.

Все материалы проходят внутреннее рецензирование, статья может быть возвращена на доработку или отклонена.

2. Текст должен быть набран в редакторе **Microsoft Word**.

Шрифт **Times New Roman**, кегль **14**, **междустрочный интервал одинарный**.

Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбит на колонки.

Кавычки должны выглядеть так: «...», кавычки внутри цитат так: «... “...”...».

Иллюстрации должны быть предоставлены отдельно в виде файла с расширением **JPG**.

Таблицы, схемы, графики, формулы, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте и озаглавлены.

Надписи на рисунках даются на русском языке. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

3. Статья должна быть снабжена номерами УДК и ББК.

Статью должны сопровождать аннотация на русском языке и резюме на английском языке.

4. Сведения об авторе статьи включают:

- фамилию, имя, отчество полностью;
- ученое звание / ученую степень;
- должность и место работы / учебы / соискательства;
- город проживания / работы;
- контактные телефоны.

5. Ссылки на источники, а также все поясняющие сноски даются на последней странице текста статьи. Нумерация ссылок и сносок в статье сквозная.

Ссылка на источник оформляется следующим образом: фамилия автора, его инициалы, название издания, номер тома / части (если есть), место издания (город), название издающей организации, год издания, номер страницы; для статей из журналов, газет, сборников необходимо указать основное название издания, из которого взята статья; номер выпуска, тома, части; для журналов и газет – дату выпуска.

Редактор – Е.В. Липлавская
Дизайн обложки – Е.Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 382. Подписано в печать 22.12.2008. Бумага офсетная.

Формат 70×100¹/₁₆. Объем 12,9 п. л. Тираж 800 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, (812) 275-73-00, 275-53-92,
970-35-70 E-mail: asterion@asterion.ru

В издательстве «Астерион» готовится к публикации
второе издание учебника

**«Теория эффективного управления
социально-экономическими системами.
Основы экономической науки»**

Учебник предназначен для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям. Учебник имеет гриф Министерства образования и науки Российской Федерации.

Авторы учебника: доктор экономических наук, профессор СПб-ГИЭУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь отделения «Управление социально-экономическими системами» Петровской академии наук и искусств Л.М. Чистов (Санкт-Петербург); доктор экономических наук, профессор, ректор Государственной академии специалистов инвестиционной сферы А.А. Збрицкий (Москва).

В книге изложена теория эффективного управления социально-экономическими системами, базирующаяся на социально-экономическом, системном, ресурсном, оптимизационном, программно-целевом, унификационном подходах.

Объем – 40 п.л.

*Заявки направлять по адресу: Санкт-Петербург, 191015, а/я 83
Тел / факс: (812) 275 – 53 – 92.*